

84/2 Рсс-Рсс/6
С 34

СИБИРСКИЕ ЗВЕЗДОЧКИ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копич. пред. выдач.

--	--

84/2Рсс=РусВ
СЗ4 △

СИБИРСКИЕ ЗВЁЗДОЧКИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

14670

КНИЖНО-БИБЛИОТЕКА
ТЮМЕНСКОГО
ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ

①
②
88

Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»
Литературно-краеведческий центр
Фонд редких изданий
г. Тюмень, ул. Первомайская, 14

-104903/1-

ТЮМЕНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

а14

ЗВЕЗДОЧКИ

Муниципальное автономное учреждение культуры

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

Муниципальное автономное учреждение культуры

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская библиотечная система»
Фонд детских изданий
г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

Муниципальное автономное учреждение культуры

Муниципальное автономное учреждение культуры

КАКОЙ БУДЕТ наша школа

В интересное время живём мы, ребята. Всего сорок два года прошло с тех пор, как в нашей стране была провозглашена Советская власть. Но за это время страна из отсталой, разорённой превратилась в великую могущественную державу. Огромных, замечательных успехов в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки, техники, культуры добился советский народ.

Сейчас Родина наша стоит на пороге нового, ещё более мощного расцвета.

XXI съезд партии, который называют съездом строителей коммунизма, обсудил и утвердил план строительства коммунистического общества, рассчитанный на 1959—1965 годы.

В результате выполнения этого семилетнего плана во всех концах нашей необъятной страны появятся

новые фабрики и заводы, новые шахты и электростанции, новые жилые дома, школы, детские сады, больницы, клубы, дворцы культуры. У нас будет самая короткая в мире рабочая неделя и самый короткий рабочий день. Намного улучшится жизнь трудящихся.

Сейчас вы, ребята, ещё сидите за школьными партами. Но уже часть из вас — те, кто постарше, в конце семилетки станут рабочими и колхозниками и будут своими руками строить коммунизм. А затем и остальные станут активными его строителями.

Но для того, чтобы принять активное участие в коммунистическом строительстве, нужно многое знать и многое уметь. Ведь уже сейчас наша промышленность и сельское хозяйство оснащены совершенными станками, точнейшими измерительными приборами, сложными

машинами. За годы семилетки появится ещё более совершенная техника. Поиитно, что быстро овладеть такой техникой и умело, рационально использовать её смогут только грамотные, квалифицированные рабочие.

Задача воспитать таких всесторонне развитых, всесторонне подготовленных и способных к любому труду людей ложится прежде всего на советскую школу.

До сих пор наша школа готовила учащихся для поступления в высшие учебные заведения и тем самым помогала готовить инженеров, агрономов, учителей, врачей и других специалистов. Это была важная и нужная задача.

Однако очень часто молодёжь, оканчивающая школу, не была подготовлена к труду на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, не умела применять на практике полученные в школе знания.

Теперь очень важно исправить это положение.

Поэтому-то вопрос о школе был вынесен на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР, заседания которой проходили в декабре 1958 года.

Сессия приняла Закон, который называется «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

По этому Закону будет проведена перестройка советской школы. Начнётся она с 1959/60 учебного года и будет продолжаться в течение 3—5 лет.

Какой же будет наша школа в результате этой перестройки?

Среднее образование будет разделено на два этапа.

Первый этап — это обязательная восьмилетняя школа, которая будет создана вместо нынешней семилетней.

В ней вы, ребята, как и прежде, будете получать необходимые знания по математике, физике, химии, литературе, истории, географии и другим предметам. Кроме этого, научитесь пользоваться разными инструментами, сельскохозяйственным инвентарём, получите знания по электротехнике, по технологии металлов, по основам сельского хозяйства.

С этой целью при школах будут созданы учебно-производственные мастерские и учебно-опытные участки.

Таким образом, уже в школе-восьмилетке вы получите определённые трудовые навыки, приобщитесь к труду. И когда после окончания восьмого класса пойдёте работать на фабрику или завод, в колхоз или совхоз, то многое вам там будет уже знакомо. И вам будет легко, получив производственную подготовку через бригадное ученичество, на курсах или в профессиональной школе, включиться в полезный для общества труд.

Однако восьмилетняя школа является всего лишь первым этапом в среднем образовании.

Полное среднее образование — школа-одинадцатилетка. Окончить её сможет каждый желающий.

Второй этап среднего образования будет осуществляться несколькими путями.

Первый путь — основной—это вечерние (сменные) средние общеобразовательные школы рабочей и сельской молодёжи. В них будут

обучаться юноши и девушки, окончившие восьмилетнюю школу и работающие в одной из отраслей народного хозяйства. Получая среднее образование, они одновременно будут повышать профессиональную квалификацию. Срок обучения в этих школах — 3 года.

Для успешно обучающихся будет установлен сокращённый рабочий день или сокращённая рабочая неделя.

Второй путь получения среднего образования — это трудовые политехнические школы с производственным обучением, в которых окончившие восьмилетнюю школу будут получать в течение 3-х лет среднее образование и профессиональную подготовку.

Производственное обучение и общественно-полезный труд школьни-

ков будут проводиться в учебных и производственных цехах ближайших предприятий, в ученических бригадах колхозов, совхозов, в учебно-опытных хозяйствах, в школьных и межшкольных учебно-производственных мастерских.

Третий путь — техникумы и другие средние специальные учебные заведения, в которых окончившие восьмилетнюю школу будут получать среднее общее и среднее специальное образование.

Такой будет школа, готовящая строителей коммунизма.

Сейчас, ребята, основная ваша задача — хорошо учиться. Упорно, настойчиво овладевайте знаниями, растите знающими, умелыми, любящими труд — достойными членами коммунистического общества, в котором вы будете жить.

Яков Танин

Мальчишки,
мы можем смело взрослеть
На смену
бойцам испытанным:
Есть ещё «белые пятна»,
есть!
Не всё ещё в мире
открыто нам.
Открыли без нас
якутский алмаз,
Антарктика стала известной...
Но через пятнадцать
в ракете на Марс
Вакантное будет место.
Прочертим огнистый
немеркнущий след
В далёких миров океаны—
Колумбы
ещё не открытых планет,
Космических стран
Магелланы!..
Конструктор склонился
над чертежом,
Уже он замыслил ракету,
В которой мы с вами
на Марс пронесём
Вихрастых голов эстафету.

Но в эти пятнадцать лет,
   до пути,
 Обязаны мы все науки пройти,
 Чтоб в тот же
   очень короткий срок
 Нам технику знать,
   как простой молоток!
 Земные посланцы в чужие миры,
 Должны овладеть мы до этой поры
 Селекцией яблонь,
   строительством домен,
 Чтоб дар марсианам
   земной
   был огромен.
 А если мы будем учиться на двойки,
 Ходить белоручками
   по новостройке,
 Пшеницу от ржи
   не уметь отличать,
 Нам скажут на Марсе:
   — Могли б не летать!
 Но нету вихрастым мальчишкам
   преград,
 Мы лень за спиною оставили.
 Отныне пусть только пятёрки в ряд
 Становятся в нашем табеле!..
 Мальчишки!
                         Мы можем смело взрослеть
 На смену
                         бойцам испытанным:
 Есть ещё «белые пятна»,
   есть!
 Не всё ещё в мире
   открыто нам!

Первая пятёрка

Л. Рождественская

Саша дописал предложение, откинулся на спинку парты и посмотрел вокруг. Все ребята ещё писали, склонив головы над тетрадками. А у доски маялся Лёвка Коробкин. Он что-то старательно стирал пальцами, писал и снова стирал. Мел у него в руке неприятно скрипел и крошился.

Серая гимнастёрка Коробкина была уже вся испачкана мелом, пряжка ремня сбилась на бок, волосы взлохматились.

«Такого простого предложения не может написать», — подумал Саша, тяжело вздохнул и взглянул в окно. Над тополем у самого окна закружилась стайка воробьёв. Вот они расселись по веткам — интересно, сколько их? Один, два, три, четыре, пять... Саша недовольно нахмурился: воробьи перелетали с ветки на ветку — попробуй сосчитай!

В это время его довольно чувствительно толкнули в бок.

— Чего тебе? — Он повернулся к соседке, толстой Ленке с веснушками на носу. Та, вместо ответа, кивнула на Коробкина и зажала рот ладошкой, чтобы не расхохотаться.

Саша взглянул на доску и засмеялся.

Ребята сразу бросили писать и уставились на него. И Коробкин тоже оглянулся.

— Что случилось? — строго спросила учительница русского языка Галина Васильевна.

Саша махнул рукой на доску и, давась от смеха, сказал:

— Отва-арила... как картошку! Ой, не могу!

Все посмотрели на доску. А там было написано:

«Мне мама отварила дверь».

Теперь уже дружно засмеялся

весь класс, даже Галина Васильевна улыбнулась.

Лёвка сердито нахмурился и никак не мог понять, почему над ним смеются.

— А, а,— усердно зашептал кто-то с последней парты.

Услышав подсказку, Лёвка быстро стёр первое «о» в слове «отворила» и написал «а».

Ребята засмеялись так, что, наверное, слышно было даже на улице. Во всяком случае воробьи испугались и улетели.

— Ты же совсем не думаешь, Коробкин!— сказала Галина Васильевна.

— Нет, думаю.

— Почему же ты первое «о» на «а» исправил?

— Потому что есть слово «аткрыла»!

— Ещё лучше! Ну-ка, Саша, исправь его ошибки.

Едва оправившись от смеха, Саша вышел к доске и слегка отстранил Коробкина. Оба «а» он стёр и написал в обоих случаях «о».

— Приставки «ат» нет, и есть слово «затвор», однокоренное со словом «отворила»,—объяснил он.

— Ясно, Коробкин? Ну, садитесь оба,—сказала учительница.

Лёвка наградил Сашу уничтожающим взглядом и не спеша пошёл к своей парте.

Галина Васильевна села за стол и задумчиво стала листать Лёвкин дневник.

— Вы только полюбуйте, ребята,— сказала она грустно,— одни двойки! Ты знаешь, Коробкин, чем это может кончиться? Тем, что ты останешься на второй год!— И Галина Васильевна захлопнула дневник.

Ребята сразу перестали смеяться, и в классе стало очень тихо. Шутка ли—остаться на второй год! Все сочувственно посмотрели на Коробкина, а тот, нахмурившись, угрюмо молчал.

На перемене, когда Саша стоял в очереди в буфете, к нему подошла Лиля Иванова, редактор классной стенгазеты.

Длинная толстая коса всегда с пышным ярким бантом делала Лилю похожей на десятки других девочек. Такую косу, наверное, было очень удобно дёргать. Но ребята этого не делали. Они уважали Лилю. Ведь Лиля хорошо училась, всегда всем помогала и, главное, никогда не ябедничала.

— Ну, что ты думаешь обо всём этом?—негромко спросила она.

Саша пожал плечами.

— Ты же звеньевой. Лёвка у тебя в звене.

— А разве мы никаких мер не принимали?—повернулся он к Лиле.— В газете рисовали?

— Сашок,—обратилась к нему в это время буфетчица тетя Клава,— твоя очередь. Что будешь брать?

— Мне бы пончик,—нерешительно сказал Саша и взглянул на Лилю.

— Бери, бери, я тоже возьму бутерброд.

Они уселись за свободный столик и, не притронувшись к завтракам, продолжали прерванный разговор.

— В газете один раз нарисовали — и всё. Ведь так?—сказала Лиля.

— Сам не маленький, должен понимать, а он ещё нос задирает.

— Вот вы где!— К ним подлете-

ла Сашина соседка по парте, толстая Ленка, с яблоком в руке.— Я тебя, Саш, искала, искала! И в библиотеку бегала, и в коридорах везде смотрела.— Она откусила яблоко, но, даже не пожевав, быстро продолжала:— А ведь Лёвке-то надо помочь. Одному ему не справиться...

— Без тебя знаем,— отрезал Саша.

Хотя они сидели за партой вместе, Саша не любил Ленкиных замечаний, а тем более подсказываний. Спокойный и медлительный, он не терпел её манеры говорить без передышки, «как из пулемёта».

Но Ленка не унималась. Проглотив откушенный кусок яблока, она снова заговорила:

— И все девочки говорят—поможем. Вот я, например, по русскому языку буду заниматься. Галина Васильевна сказала, чтобы мы с ним диктанты писали и задачки решали. Можно будет очередь установить.

— погоди, не трещи, голова от тебя заболела,— остановил её Саша.— А ты спрашивала, захочет он, чтобы ему помогли?

Ленкина рука с яблоком замерла у самого рта.

— Не-ет, не спрашивала,— растерялась она.

Лиля сидела задумавшись, потом вдруг предложила:

— А ты, Саша, поговори-ка с ним сейчас, скажи, что мы, как товарищи, поможем...

— Ладно, поговорю,— согласился Саша.

Лиля встала и, не взглянув на притихшую Ленку, пошла из буфета. Лена направилась за ней. А Саша пошёл искать Коробкина.

Лёвкину коренастую фигуру Са-

ша сразу заметил среди шести-классников, играющих на школьном дворе в футбол.

На большой перемене шестой «Б» всегда где-то раздобывал мяч. Из младших классов в игру принимались только лучшие футболисты.

— Лёв!—крикнул Саша.— Подика, дело есть!

— Ну, что ещё там? — нехотя откликнулся Коробкин, но всё-таки подошёл.

— Лёв, знаешь, мы решили, что ты не должен оставаться на второй год...

— Спасибо за решение,— Коробкин иронически улыбнулся, — но мне некогда... — И он хотел было уйти, Саша удержал его за рукав.

— Да ты слушай, мы же хотим помочь тебе, и девочки тоже...— Саша старался говорить как можно убедительнее.

— Тоже мне, помощнички нашлись! Учтите, я не люблю, когда кто-нибудь вмешивается в мою жизнь. Я человек нервный, понятно? — И, вырвав рукав, Коробкин побежал к футболистам.

— Вот и попробуй такому помочь!—тяжело вздохнул Саша. Он прислонился к дереву и стал внимательно следить за играющими. Мяч перелетал с одного конца двора на другой, ребята шумели, кричали.

Вдруг кто-то тронул Сашу за плечо. Он обернулся. Это была Лиля. Саша даже не заметил, как она подошла.

— Ну, как?

— Не хочет!— Саша махнул рукой.

— Вот как? Значит, на себя ему наплевать. А о чести класса он подумал?

— Н-не знаю, я об этом не говорил,— смутился Саша.

Раздался звонок. Большая перемена кончилась.

— Давай сегодня проведём экстренный сбор звена и всё обсудим,— предложила Лиля.

— Ладно!— согласился Саша, и они поспешили в класс.

Последним уроком была география. Учитель попросил Сашу помочь дежурным отнести в учительскую атласы, и когда тот вернулся, в классе было только третье звено.

За учительским столом сидела Лиля и постукивала карандашом, хотя стояла удивительная тишина. Слышна была только возня дежурных: они мыли доску и поливали цветы — спешили подготовить класс ко второй смене.

Эта тишина поразила звеньевого. Обычно на сборах он тратил столько времени, чтобы уговорить товарищей. А сейчас...

У ребят были озабоченные лица. Только один Коробкин с безучастным видом укладывал книжки в сумку.

Видя недоумение звеньевого, Ленка поспешила всё объяснить:

— Саш, тут Лёвка сказал,—она быстро оглянулась на Коробкина, так что косички метнулись вокруг её головы, — что если этот чрезвычайный сбор из-за него, то мы напрасно стараемся!

Саша опустил на парту и стал внимательно разглядывать её крышку. Он не знал, что сказать.

Ленка продолжала, торопясь и проглатывая слова:

— Как же так напрасно, а? Мы уж с девочками договорились... по русскому — диктанты, по математике — задачки...

— А тебе какое дело?— прервал её Лёвка.

— Как какое?— Ленка удивлённо взглянула на него.— Ведь ты... ты же с нами учишься, и я, и мы... хотели...

От волнения у неё перехватило дыхание, и она села, закрыв лицо ладонями.

Ребята зашумели. Лиля встала из-за стола и под села к Ленке:

— Успокойся, Лена. Тише, ребята! А ты, Лёва...— На мгновение она запнулась.

— Мы тебе, как утопающему, помочь хотели,— вставил самый маленький в звене Витя Климов.

— Это кто, я утопающий? И ты меня тащить будешь?— засмеялся Лёвка. — Да я плаваю в тыщу раз лучше тебя.

— Эх, ничего-то ты не понял, Лёва,— вздохнула Лиля.

— Плавать ты мастер, даже на уроках,— невесело пошутил кто-то из ребят.

— Не очень за меня волнуйтесь.— Коробкин встал.— Я, как отец, на завод пойду. Он четыре класса только кончил и то мастером работает. Не пропаду, если и учиться не буду, не думайте. Что, заседание можно считать законченным?

— Раз мы тебе не нужны, можешь идти,— негромко сказал Саша.

Лёвка хлопнул дверью.

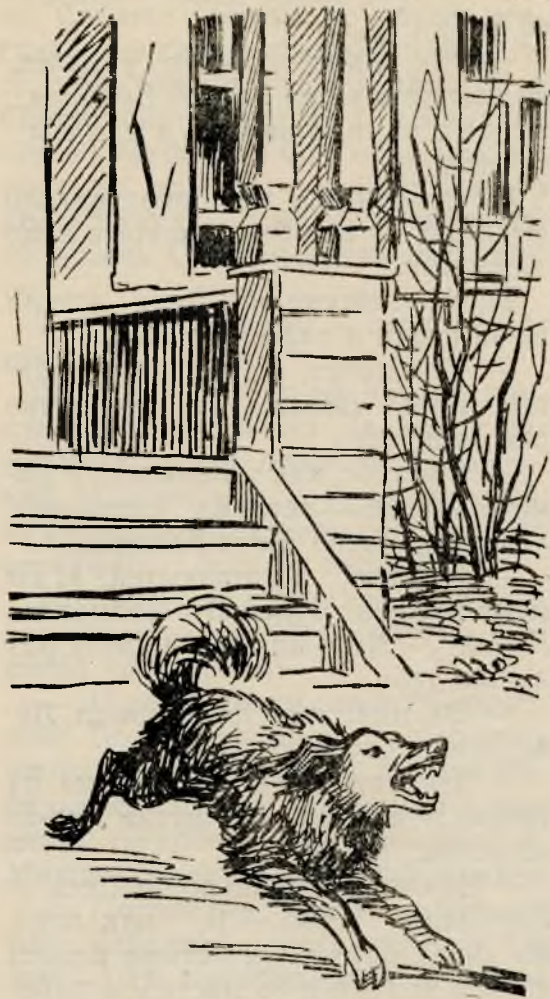
Несколько минут все сидели молча. Лиля прервала тягостное молчание:

— Ну, как решать будем?

— Да что там решать!— горячо заговорил Саша.— Не хочет — не надо. Что мы на коленях упрашивать его будем?

— Верно! Больно нос задира-

ет! — поддержали его все ребята.

— Нет, мне кажется, так нельзя, — возразила Лиля. — Он и сам не понимает, что говорит. Потом жалеть будет, да поздно...

— Может, нам к родителям его сходить? Объясним им, в чём дело, они помогут, — предложила Ленка.

— Это дело! — обрадовался маленький Витя.

— Пожалуй, это единственный выход сейчас, — согласилась Лиля.

— И идти нужно сегодня, сейчас же, — сказал Саша.

Так и решили, а пойдут к Коробкину Саша и Лиля.

Идти по улице и дышать свежим, прохладным воздухом после пяти уроков было одно удовольствие. Саша поддавал носком ботинка попадающиеся на дороге камешки, размахивал сумкой и насвистывал.

Лиля, как всегда, была сдержанной и сосредоточенной.

Саша взглянул на неё и спросил:

— Лиль, о чём ты думаешь?

— Всё о том же, о Коробкине.

... Дом Лёвки Коробкина стоял в глубине небольшого сада. Листья с деревьев уже слетели, и кто-то сгрёб их в небольшие кучки. Ребята толкнули калитку и пошли по дорожке.

Вдруг из-за дома с лаем выбежала большая собака и преградила им дорогу. Она, правда, не кусалась, но не давала сделать и шагу вперёд.

— Пёсик, ну, пусти нас, мы по важному делу, — дрожащим голосом стала уговаривать её Лиля.

Но «пёсик» уговорам не поддавался, а лаял всё громче и громче.

Лиля осторожно расстегнула портфель, достала бутерброд и бросила на дорожку. Кружочки колбасы покатались по земле. Собака сразу стихла и стала их есть.

— Бежим скорее к дому, пока она ест. — Саша схватил Лилю за руку.

Но собака за чужими смотрела зорко. Только ребята поравнялись с ней, как она зарычала и цапнула Сашу за штанину — целый клочок вырвала.

Лиля вскрикнула и бросилась к калитке.

— Не беги! Хуже её раздрайнишь! — крикнул Саша. Сам он медленно отступал, глядя прямо в глаза рычащей собаке.

— Уф,—тяжело вздохнул Саша, захлопнув за собой калитку.

Раскрасневшаяся Лиля поправляла сбившийся на макушку берет.

— Ты представляешь,— не успев ещё успокоиться, говорил Саша,—я видел, как Лёвка выглянул из-за дома, когда этот несчастный пёс рвал мои штаны!

— Не может быть!— не поверила Лиля.

— Сам видел!

— Вот как! Выходит, он на нас собаку натравил?! — изумилась Лиля.

— Выходит. Во всяком случае, мог бы её позвать,— согласился Саша и добавил:— Пусть теперь как знает, раз такое дело.

— Да,— со вздохом сказала Лиля.

Домой они шли, повесив головы. Саша больше не напевал и не размахивал сумкой. Он думал о своих разорванных штанах. Мама опять скажет: «Сам рвал, сам и зашивай». Как бы опять под руку белые нитки не подвернулись. О Коробкине Саша больше не думал, с ним было всё решено.

— Ну, мне сюда,— задумчиво произнесла Лиля.— До завтра.

— До свиданья!— тоже не очень весело попрощался Саша.

Мама, конечно, сразу увидела, что на штанах дыра.

— Опять?— спокойно спросила она.— Зашивай сразу.

Саша, ни слова не говоря, взялся за иголку.

— Вот, подложи-ка заплатку, крепче будет,— подала мама лоскут.

— Но я же не умею,— запротестовал Саша.

— Учись. Сейчас плохо получится — в другой раз лучше. Ты что это, опять через забор лазил?

— Н-нет!— замялся Саша.— Это собака Лёвки Коробкина...

Мама посмотрела на него вопросительно.

— Ну, когда мы сейчас к его родителям ходили!

Мама, конечно, сразу заинтересовалась, зачем ходили, кто ходил, и пришлось ей обо всём рассказать. А вечером, когда с работы пришли отец и старший Сашин брат Фёдор, мама им всё передала.

Фёдор удивился, что Лёвка отказывается от помощи.

— На второй год, значит, желает остаться?— спросил он Сашу.

— Может, и не желает, только одному ему не справиться. Он говорит, что на завод работать пойдёт...

— Вот что?— удивился Фёдор.— Значит, он считает, что у станка можно и неучем стоять?

— Наверно,— пробубнил Саша, набив полный рот картошкой.

— Погоди, погоди.— Отец отложил в сторону вилку и вытер платком усы.— А вы, друзья-приятели, куда смотрите?

— Мы хотели ему помочь...— Саша опустил глаза,— а он отказывается. Не хочет. Что же мы его спрашивать должны?..

— Бросили, значит, товарища, обиделись. Пусть неучем растёт... Да ты подожди есть, тут дело серьёзное,— строго сказал отец.— А знаешь ли ты, сколько стоит государству один второгодник?

Саша молчал, уткнувшись в тарелку.

— Не знаешь? А я знаю. Тысячу рублей, вот сколько! Если взять всех ребят нашего района, которые остались на второй год в прошлом году, то на них истрачено четыреста тысяч рублей. Четыреста тысяч! Понимаешь! Двухэтажный дом на десять квартир можно выстроить на эти деньги!

— Да, нехорошо, брат, получается,— покачал головой Фёдор.— Все кругом борются за экономию, рабочие у нас на заводе каждый день план перевыполняют. Одни вы вроде растратчиков. Нехорошо... А что, этот ваш Коробкин — пионер?

— Да, в нашем третьем звене,— чуть слышно ответил Саша.

— Вот видишь!— Фёдор чему-то обрадовался.— И на завод он хочет пойти работать?

— Вроде, так.— Саша поднял го-

лову.— Лёвка об этом говорил да и по труду у него хорошие отметки.

— Та-ак!— загадочно сказал Фёдор.— А как там у вас по плану, товарищ звеньевой, предполагается экскурсия на наш завод?

— Мы уже ходили на хлебозавод в этом месяце, а к вам пока не собираемся...

— Ну, а если ваше звено придёт к нам в цех в эту субботу? Я вам покажу что-то интересное. Согласен?

— Конечно!— обрадовался Саша...

... В субботу утром Фёдор сказал Саше, что выпишет пропуск и будет ждать ребят в два часа у проходной.

После школы, наскоро пообедав, пионеры минута в минуту были возле завода. Все пришли, и Лёвка Коробкин тоже. Он больше всех радовался, что идёт на завод.

— Давно бы так, а то всё заседаем и заседаем,— говорил Лёвка.

Завод напоминал большой город. Здесь были и асфальтированные шоссе-ные дороги, и тротуары для пешеходов, вдоль дороги росли цветы, уже тронутые первыми морозами. Высокие белые цехи сияли на солнце тысячами огромных стёкол.

— Как здесь красиво!— восхищались девочки.— И чисто!

Фёдор улыбнулся.

— Не то ещё увидите!

Вот и цех. Огромное здание высотой с двухэтажный дом. Ребята осторожно, гуськом вошли в широкую дверь.

В цехе стоял такой грохот, скрежет, что сначала не было слышно друг друга. Чтобы что-нибудь сказать, нужно было наклоняться к самому уху товарища. Но потом

грохот как будто отодвинулся куда-то,— ребята к нему привыкли.

— Наш цех комсомольский,— рассказывал Фёдор тесно обступившим его пионерам.— Сейчас мы пройдем вдоль цеха, и вы посмотрите, как работают мои товарищи.

Ребята шли вдоль ряда токарных станков, у которых стояли молодые рабочие с сосредоточенными лицами. Из-под резцов вылетала тонкая блестящая стружка. Заметив школьников, рабочие улыбались.

Фёдор остановился у станка, за которым стоял парень в синем комбинезоне. Его светлые волосы, цвета спелой соломы, топорщились, и одна прядка опустилась на лоб, покрытый блестящими капельками пота.

— Это Семён Вагин,— негромко сказал Фёдор.— Он делает сложную нарезку свёрл и выполняет ежедневно две нормы. На его лице счет экономии более десяти тысяч рублей...

Школьники с восхищением наблюдали за чёткими, ловкими движениями Семёна, а тот, казалось, совсем не обратил на них внимания.

Наконец, он выключил станок и взглянул на ребят.

Семён, видя, с каким интересом пионеры рассматривают спиральную нарезку, спросил:

— Ну как, нравится?

— Здорово! Как это вы только умеете?— с восхищением спросил его Коробкин.

— Научились. Не всё, конечно, сразу... Раньше такие свёрла мы покупали за границей, а сейчас и сложнее делаем сами.

Молодой рабочий вставил новую заготовку, и снова бесконечной спиралью стала падать металлическая стружка...

— Ребята, пора идти дальше.— Фёдору с трудом удалось оторвать их от станка Семёна.

Коробкин шёл впереди, рядом с Фёдором, раскрасневшийся, возбуждённый.

— Что, нравится здесь?— спросил его Фёдор.

— Очень,— только и нашёлся сказать Лёвка.

— Не очень-то просто нам это далось,— рассказывал Фёдор, поглядывая на Коробкина.— У нас все рабочие молодые, в основном после десятилетки, да и сейчас учатся— кто в техникуме, кто на курсах, а многие— в институте. Без этого нельзя— техника сложная. Семён вот, например, скоро институт закончит, инженером будет. А ты как, хотел бы у нас работать?

— Хочу,— твёрдо ответил тот.

— А учишься как?

Коробкин опустил голову и ниче-

го не сказал. Но Фёдор и не стал больше спрашивать.

Пионеры останавливались у станков, смотрели, как точно и бесперебойно они работают, как быстро растёт гора готовых изделий у каждого рабочего.

— Обратите внимание, у нас все перевыполняют дневную норму в полтора-два раза. Цех-то ведь комсомольский! — гордо сказал Фёдор. — Ну, а вы как, не устали?

— Нет, нет! — дружно ответили ребята.

— На первый раз хватит, — улыбнулся Фёдор, — и так уже весь цех прошли.

И правда, ряд станков кончился, и на противоположной стене заалел плакат:

«400 тысяч в подарок Родине к XXI съезду КПСС!»

— Скажите, пожалуйста, что за четырёхста тысяч? — спросила Ленка.

— Сейчас объясню, — улыбнулся Фёдор. — Четырёхста тысяч рублей наш цех решил сэкономить в честь двадцать первого съезда партии.

— Вот здорово! — опять не удержался Коробкин.

— Здорово-то здорово, да только выходит, что мы зря стараемся, — продолжал Сашин брат. — Знаете, сколько второгодников было в прошлом году в нашем районе?

Саша улыбнулся. Он сразу догадался, в чём дело. Ну и молодец Фёдор!

...— Четырёхста человек! — продолжал Фёдор. — А ведь каждый второгодник стоит государству тысячу рублей. Вот и соображайте сами...

— Что тут соображать, — не выдержала Лиля. — Если опять столь-

ко будет, на них и пойдёт всё, что вы сэкономите!

— В том-то и дело, — вздохнул Фёдор. — А у вас в классе как? Будут второгодники? Ну-ка, признавайтесь! — улыбнулся он.

Ребята замаялись. Лёвка, весь красный, опустил голову.

Несколько минут было тихо. Наконец, Саша произнёс:

— У нас все перейдут в шестой класс. Так и передай своим товарищам, что им не придётся на нас работать. Мы обещаем. Верно, ребята?

— Верно! Верно! — обрадованно подхватили все.

— Я так и знал, — улыбнулся Фёдор. — Учитесь лучше и потом приходите на наш завод. А неучей мы и на порог не пустим...

С завода пионеры уходили вместе с рабочими, рано окончившими свою субботнюю смену. В густом потоке они чуть не потеряли друг друга. Когда Саша вышел на улицу, у киоска с газированной водой он увидел своих. Ребята пили воду и весело смеялись.

— Сашок! — крикнула Лиля. — Вот твой стакан!

Саша с удовольствием выпил холодную колючую воду, перевёл дух и оглянулся. Коробкина с ними не было.

— А Лёвка где?

— Отстал, наверное, — предположила Лиля. — Подождём.

Ребята ждали минут пятнадцать, а Лёвки всё не было.

— Ну вот, опять! Помогай такому... — обиделась Ленка.

— Всё равно надо помочь, — решительно сказала Лиля. — Если он останется на второй год, — это позор всему нашему классу.

— Пойдёмте все сейчас к нему домой,— предложил Саша,— и поговорим.

— Верно, нечего откладывать, — согласились все.

... Как и в прошлый раз, Саша толкнул калитку и первый пошёл по дорожке к дому. За ним двинулись остальные. Где-то у дома залаяла собака.

— Соловей, молчать, на место! — слышался знакомый голос, и из-за угла вышел Лёвка.

— Идите, ребята, не бойтесь, собака на цепи! — крикнул он.

Все подошли к собаке, которую Коробкин взял за ошейник. Пёс глухо ворчал, но не вырывался.

— Соловей, Соловей, — Саша протянул руку и погладил своего старого знакомого по пушистому уху. Другие мальчики тоже погладили. Девочки гладить не стали. Только Ленка протянула было руку, но вдруг взвизгнула и отскочила. Все рассмеялись, и Лёвка тоже.

— Лёва, ты чего от нас убежал? — спросил Саша.

— Я потерял вас, когда выходили с завода. Ну, искать не стал, а пошёл скорее домой, заниматься...

— Правильно, теперь у тебя каждая минута на счету,— сказала Лиля, — скоро ведь конец четверти.

— Мы все тебе помогать будем,— вставил маленький Витя,— по очереди.

— Да, я знаю, я теперь...— Лёвке не хватило слов, но все его поняли.

И вдруг Ленка предложила:

— Давай я тебе сейчас диктовать буду...

— А Соловья не боишься?— улыбнулась Лиля.

Лена поёжилась и со страхом посмотрела в сторону собаки.

— Нет, не боюсь!

Ребята дружно рассмеялись.

— Я её провожу, — горячо сказал Лёвка, — а потом Соловей привыкнет. Правда, Соловей?

И, к удовольствию ребят, пёс вильнул хвостом.

— Уже, уже привыкает! — обрадовалась Ленка...

... В среду Галина Васильевна опять вызвала Коробкина к доске. Каково же было её удивление, когда Лёва ответил урок без запинок.

— Вот и молодец!— сказала Галина Васильевна и тщательно вывела в дневнике жирную пятёрку.

Это была первая пятёрка по русскому языку, полученная Лёвкой Коробкиным за все пять лет учёбы. Первая, но, конечно, не последняя...

Таню стоит уважать

Ирина Круглик

В воскресенье, утром рано,—
Ничего, что выходной!—
Первоклассница Татьяна
За урок берётся свой.
И в уверенном движенье
По струне смычок скользит,
Таня учит упражненье:
—До-ре-ми-фа-соль-ля-си.

Осторожно дверь запела:
Мама вышла в коридор.
В кухне, глухо и несмело,
Завела посуда спор.
Кот с дивана спрыгнул на пол.
Начал дедушка вставать.
За газету взялся папа —
Всё равно уж не поспать!
Брат, взъерошенный, ворчащий,
Появился: — Ну, дела!

Как будильник настоящий,
Всю квартиру подняла!
И в двенадцать, и в четыре,
Хоть проси, хоть не проси,
Раздаётся по квартире:
— До-ре-ми-фа-соль-ля-си.
Вот ученье так ученье!
От такого будет прок.

— Таня! Нынче воскресенье,
Погуляй ты хоть часок!
Но не слушает Татьяна,
Хоть проси, хоть не проси,
Повторяет неустанно:
— До-ре-ми-фа-соль-ля-си.
Всё семейство в изумленьи
И не может не признать:
За упорство, за терпенье
Таню стоит уважать!
Даже дёргать за косичку
Перестал сестричку брат:
— Может,— думает,—
сестричка —
Будущий лауреат!..

Воробейшико

Солнце только ещё поднялось над заводской трубой, а не остывшие за ночь каменные стены высоких домов уже опять обдают жаром. Политые утром улицы высыхают на глазах. От проходящих машин в воздухе повис запах бензина.

В такие дни особенно манит к себе лес, который прямо за городом начинается мелким кустарником, молодыми липами и березняком. А чем дальше, тем деревья гуще, выше, мощнее. Тёмно-зелёными шатрами возвышаются дубы. Полувековые берёзы развесили свои длинные кудрявые ветви, которыми ласково играет лёгкий, едва заметный ветерок.

Листья деревьев почти не пропускают лучей солнца, и по земле лишь отдельными ярко-жёлтыми пятнами разбросаны солнечные

зайчики. А если помотришь вверх, то в просветах между ветвями, где-то очень высоко, увидишь клочок чистого бледно-голубого неба, по которому местами слегка размазаны прозрачные, лёгкие, как паутина, облака.

В такую жару Вера, Юра и Ляля любили бродить по лесу. Вот и сегодня они захватили сумку с продуктами и пошли к излюбленному месту в районе домов отдыха.

Походами всегда руководит Вера. Она уже большая — этой весной перешла в шестой класс. А Ляля только осенью собирается впервые переступить школьный порог. Ляля то отстаёт, увидев яркий лесной цветок, то убегает вперёд, в погоне за красивой бабочкой. И Вера всё время окликает её. Юра, как всегда, поглощён заботой найти гриб.

Вот в густой зелени деревьев показались красные крыши домов отдыха. Здесь-то Вера и увидела «охотников». Трое мальчишек одиннадцати - двенадцатилетнего возраста с азартом били из рогаток камнями куда-то в кусты и кричали:

— Вон он, вон! Под куст залез! Сейчас я его!..

— В кого это вы, ребята?— спросила Вера.

«Охотники» посмотрели на неё, переглянулись и, не отвечая, продолжали своё.

— Да они же птичку бьют!— закричала Ляля. — Что вы делаете, зачем птичку убиваете?

— Проходите, проходите, без вас обойдётся! — грубо ответил мальчишка с рыжими вихрами.

— Шагайте своей дорогой, пока и вам шишек не наставили!— добавила другой, в длинных штанах и грязновато-розовой майке. — Ну, что стали?

Голубые глаза Веры посуровели, носик воинственно приподнялся. Она бросилась к месту, куда летели камни, и увидела маленького воробья с растопыренными крылышками.

Воробышек кособоко прыгал в траве, волоча перебитое крыло, и беззвучно раскрывал клюв с жёлтенькими каёмочками. Он обессилен и уже не мог скрыться от своих врагов. Младший в семье, он в это утро последним покинул родное гнездо, которое было устроено за оконным наличником большого дома. Перед тем, как вылететь из гнезда, воробышко долго сверху смотрел на своих сородичей, с громким чириканьем возившихся где-то внизу, в гу-

стых кустах сирени. Потом выбрался на край наличника, замахал крылышками и, громко чирикавая, полетел, сам не зная куда. Налетел на рябину, уцепился за ветку, посидел. Затем начал перелетать с дерева на дерево. Тут его увидели трое мальчишек и начали преследовать.

Пролетевший камень ударил Веру в ногу. Но она, не обращая на это внимания, быстро подскочила к воробышке и взяла его в руки. Воробей клюнул её в палец раз, другой, со страху закрыл глаза и затих... А «охотники» пришли в ярость.

— Эй, девчонка, брось птицу! — закричал один.

— Сейчас же отпусти воробья, он наш!

— Если не отпустишь,— за косы отдерём!

— Птичку убивать не дам!— твёрдо отрезала Вера и, позвав Юру с Лялей, быстро пошла.

От такой дерзости «охотники» сперва оторопели, а потом подняли гвалт. Но покричали, пошумели и отстали.

Через час воробышко был доставлен домой. Кошка Мизи сразу проявила к нему большой интерес: она умильно поглядывала на птенца и нежно мурлыкала, переступая от нетерпения своими бархатными лапками... Пришлось её отправить на улицу, а для воробышки срочно мастерить клетку.

Скоро крылышко у воробышки зажило. Он освоился с незнакомой обстановкой и понемногу стал летать по комнате. А во время обеда скакал по столу, собирая крошки, и даже ухитрялся прямо с тарелки воровать крупинки каши. Кошки

воробьишко боялся, но всегда во время скрывался в недоступные для Мизи места — на верхушки цветов, на выступы окон, цеплялся за шторы.

Недели через три он уже хорошо летал. Однажды воробьишко выбрался из клетки, полетел по комнате и несмело выпорхнул в открытое окошко.

— Ну, улетел наш воробьишко, — сказала Вера.

Ляля заплакала.

А воробьишко, видно, уже отвык от улицы. Испугался. Опять залетел в окно и забился в клетку...

После этого он ещё несколько раз вылетал на улицу, но всегда скоро возвращался домой.

Когда воробьишко совсем окреп, мы решили, что ему пора окончательно вернуться в свой воробьиный мир.

Взяли однажды и вынесли его на улицу. Воробьишко взлетел и сел на забор. Сразу откуда-то появилась стая воробьёв. Окружили они воробьишку, чирикают, наверное, спрашивают:

— Откуда ты, воробьишко, взялся? Раньше мы тебя на нашей улице не видели!

Наш воробьишко вертится во все стороны и что-то с жаром объясняет. Потом вспорхнул с забора, взлетел на одно дерево, на другое... Стая — за ним. А воробьишко чирикнул и — в окно. Залетел в комнату и сразу — в клетку. Что-то возбуждённо прочирикал, почистился и затих. Воробьиная стая удивилась, пошумела у окна и разлетелась. У всех ведь дела!

Дня через два мы опять вынесли воробьишку на улицу. Снова собралась воробьиная стая и о чём-

то допрашивает воробьишку, а он отвечает...

Поговорили воробьи, почирикали и вдруг всей стайкой снялись и полетели на вишню — клевать спелые ягоды. Наш тоже с ними.

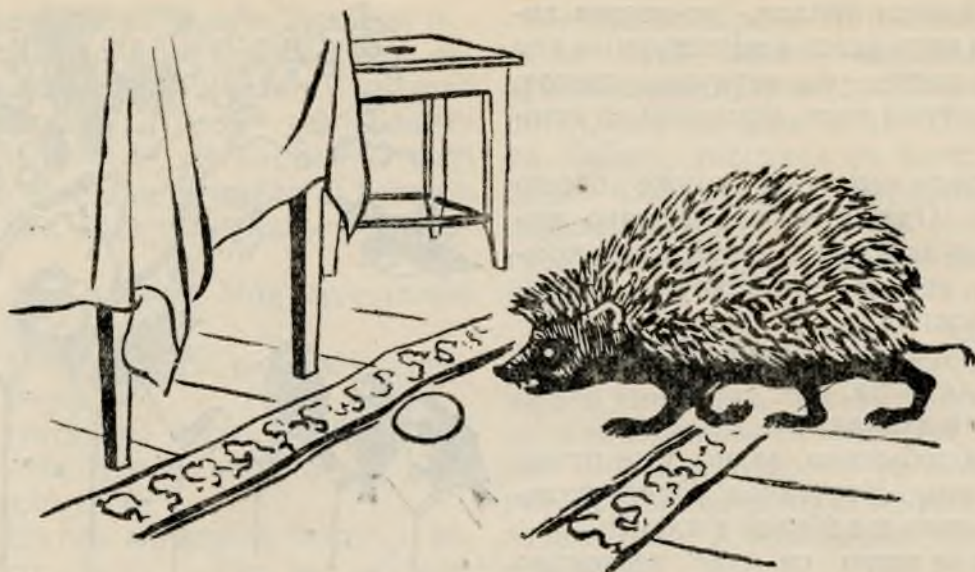
— Ну, что же, воробьишко, теперь ты совсем большой, живи самостоятельно. А трудно будет — возвращайся, примем!

Так наш воробьишко и не вернулся.

Хорошо ему было у нас, но воля дороже. Да и не хотел он дармодом жить. Хоть и говорят все — «вор-воробей», — а он все-таки своим трудом живёт. И гнездо надо устроить, и детишек выкормить, жизни научить. Тоже и у воробья много дел!

Мы ещё долго вспоминали нашего воробьишку.

Потом, позже, поселился у нас другой питомец — ёж Яшка, и мы стали реже вспоминать про воробьишку.

Яшка

Небо совершенно чистое, безоблачное, чуть голубое. Воздух раскалён и недвижим. Всё живое старается куда-нибудь укрыться от палящих лучей солнца. Собаки забираются под крыльцо, под дома, амбары и лежат там неподвижно. Они тяжело дышат, раскрыв рты и свесив длинные языки. Куры нехотя бродят, распустив крылья до земли. Коровы всем стадом заходят в озеро и подолгу, целыми часами, стоят в воде, лениво помахивая хвостами.

В поле пахнет пересохшим сеном и созревающей рожью. Тишину нарушает только треск кузнечиков да лёгкий, мелодичный посвист сусликов.

В такое время хорошо в лесу. Тихо. На деревьях не шелохнётся ни один листик. Не слышно даже птичьих голосов.

Уже с полчаса мы идём по малозаметной дорожке, которая вьётся между кустами и деревьями.

— Глядите — ёж! — вдруг тихонько шепчет папа.

И, правда, через дорожку перебегает большой серый ёж. Ёж тоже заметил нас. Он повернул в нашу сторону свою свиную мордочку и быстро свернулся в клубок, напружинив иголки.

— Ну, что будем делать с этим зверем? — спрашивает папа.

Юра хотел взять ежа в руки, но сейчас же ему пришлось от этого отказаться: иголки у ежа были очень колючими. Тогда папа накрыл ежа фуражкой и в фуражке понёс к машине.

Поехал ёж в неведомые ему края..

Стемнело. Мы решили заночевать в деревне Гаево у знакомого. Пока

готовили ужин — чистили рыбу и варили уху — про ежа забыли. А он тем временем убежал. Однако далеко уйти ёж не успел: то повстречалась ему кошка, направлявшаяся на ночную охоту, то запоздавшие гуси, возвращавшиеся с вечернего купания, то хозяйская собачонка, вертевшаяся около дома. При каждой такой встрече ёж свертывался в клубок и переживал опасность.

Вдруг все услышали звонкий слезливый визг. Это щенок хотел схватить ежа и, наткнувшись на колючие иглы, залился на всю улицу жалобным лаем. Тогда-то мы и хватились беглеца. Зверя посадили в машину, а глупый щенок долго ещё скулил, задрав к небу исколотый ежиными иглами нос, и в его голосе было много боли, обиды и недоумения...

Домой мы приехали на следующий день. Ежа занесли в квартиру. Для жилья сплели ему из прутьев корзину в виде шалаша, с маленькой лазейкой. Корзина ежу понравилась. Забрался он в неё и дня три не показывался.

Мы часами сидели около ежиного убежища, наташили яблоч, моркови, налили молока, на разные голоса вызывали ежа. Тогда же ему кто-то и имя дал — Яшка. Но первое время ёж на кличку не отзывался.

Со временем Яшка привык. Стал ненадолго вылезать из своего убежища. Выползет — и сразу свернётся в клубок. Полежит минуты две-три, потом осторожно высунет своё свиное рыльце и смотрит чёрными глазками-бусинками. Испугается чего-нибудь и опять в клубок. А боялся он всего. Особенно же нашей кошки Мизи.

Недели через две Яшка совсем осмелел: пищу стал брать, по квартире бегать.

Как-то мы заметили, что стало у нас кое-что пропадать. У Лялиной куклы исчезли два платя и пуховый платок. Долго искали их, но не нашли. Потом потерялась мамина рукавичка. Не раз видели, как Яшка в мелкие клочки рвал газеты и уносил в свою клетку.

Кто-то однажды увидел кончик пропавшего куклиного платя, который торчал из Яшкиной корзинки. Там же оказались и второе платя, и рукавичка, и даже войлочный домашний туфель. Яшка готовился к зиме!

Всё короче становились дни. Всё ближе зима. Всё реже выходил Яшка из своего домика. Стал он скучный, вялый. Вылезет, поест немного, пофыркает и — назад. Спал целыми сутками, а потом не стал показываться неделями. Зиму мы его почти не видели.

* * *

Наступил март. Солнце стало пригревать по-весеннему. Громче, веселее зачирикали за окном воробы.

Начали мы замечать на полу много ежиных иголок. А самого ежа не видно. И вот однажды, в хороший, солнечный день, Яшка вылез из корзины. Мы его даже не узнали. Шуба на нём стала какая-то новая, чистая, светлая. И весь он как вымытый. А осенью колючки были грубые и какие-то грязно-серые. Оказывается, за зиму старые колючки вылезли и вместо них новые выросли.

Важной поступью вышел Яшка в

своей новой весенней одежде, повёл кругом свиным рыльцем, фыркнул раза два, потом, не обращая на нас внимания, деловито подошёл к блюдечку с молоком. Поел, даже кошки не побоялся.

С тех пор всё переменялось. Яшка почувствовал себя хозяином. Однако Мизи с этим не примирилась. Однажды, когда Яшка пил молоко, она подскочила к нему, зло зашипела и ударила лапой по лбу. Но, больно уколос лапу о ежиные колючки, Мизи взвизгнула, отскочила и стала лизать лапу. Яшка тем временем подкрался к ней и боднул лбом под бок. Кошка громко мяукнула, подпрыгнула метра на полтора вверх, вскочила на табуретку, потом на буфет, с него на комод и жалобно, со злостью замыкала. А Яшка опять стал молоко пить.

После этого кошка ещё раз попыталась заставить ежа уважать себя. Но безуспешно: опять пришлось ей спасаться бегством.

Яшка свободно выходил на улицу. Выйдет и возится возле дома в траве — откапывает какие-то корешки, грызёт что-то или лапу между пальцами чистит. От дома далеко не уходит. В это время Яшку всегда окружает толпа ребятешек.

Но он не обращает на них внимания. Если же ребята надоедали ему, он уходил в квартиру.

У нас в подъезде четыре квартиры. И Яшка иногда путался, вместо нашей, третьей, во вторую попадал. Однако долго в чужой квартире не оставался, при первой же возможности удирал домой.

Очень любил Яшка папу. Вернётся папа с работы, ещё в дверях позовёт: «Яша, Яша, где ты?» Яшка бежит уже ему навстречу. И весь

вечер от папы не отходит. Больше всего любил Яшка у папы на ногах сидеть. Папа разуется, босиком сидит, газету или книжку читает, а Яшка вскарабкается к нему на босые ноги, уляжется и дремлет. Мы сначала удивлялись — как это папе не больно, ведь ёж-то колючий? А потом узнали, что на животе у ежа колючек нет — там только мягкий пушок.

Все мы любили смотреть, как Яшка играет в «футбол».

Игра заключалась в следующем: на пол клали сырое куриное яйцо — так, чтобы Яшка его увидел. Увидит Яшка яйцо, подбежит к нему и

хочет схватить. Но мордочка у ежа маленькая, а яйцо большое. Не может ёж схватить яйцо, только толкнёт его носом — яйцо и покатится. Яшка догоняет его и снова хватается. От толчка яйцо опять откатывается. Ёж начинает сердиться. Гоняется Яшка за яйцом до полного изнеможения. Устанет — ляжет, лапки вытянет. Отдохнёт — и снова за охоту. Когда ему, наконец, удаётся разбить яйцо, начинается пир победителя: яйцо быстро съедается.

Надо сказать, что Яшка был очень злопамятный. Мама часто ругала его за разные проказы и загоняла в клетку. За это Яшка мстил ей. Увидит, что мама босиком, — подкрадётся к ней и либо укусит, либо колючим лбом ткнёт. Мама от неожиданности и боли вздрогнет, заругается, а иногда сгоряча ладонью ежа стукнет. Яшка в это время успевает в клубок свернуться и ему хоть бы что. А мама за ладонь держится, на глазах — слёзы...

Привык к нам Яшка. И мы к нему привыкли. Но всё-таки решили отпустить ежа на волю. Однажды вместе с гнездом-клеткой увезли Яшку в лес. Выпустили. Долго копался Яшка в траве, что-то искал, жевал. Отошли мы от него, позвали: «Яша, Яша!» — Поднял он мордочку, посмотрел на нас, опять занялся своим делом.

— Ну, что же, — крикнули мы Яшке, — прощай, Яшка! Желаем тебе удачи! — И уехали.

После, дня через два, папа заезжал на место, где мы Яшку оставили, но его там уже не было.

Скучали мы по Яшке и часто вспоминали о нём. И сейчас ещё вспоминаем.

КУТЬКА

Озябшее солнце нехотя поднялось над дальними домами и большим красным шаром повисло в белой густой морозной дымке.

Деревья укутались в толстый, пушистый иней.

Далеко на станции отрывисто гудит паровоз, но в плотном морозном воздухе звук доходит хорошо, и кажется, что паровоз гудит где-то близко, на соседней улице. Даже слышно шипенье пара.

По тротуару быстро бежит мальчик лет девяти, с ученической сумкой. Под его ногами снег скрипит резко и сухо. Вдруг мальчик остановился: он увидел прижавшегося к забору щенка. Щенок маленький, чёрный, лохматый. Передние лапки и кончик хвоста у него белые, как в сметане. Большие отвисшие уши

заиндевели. Из прижмуренных глаз изредка выбегают слезинки и, не успев скатиться, ледышками намерзают на морде.

Щенок дрожит и коротко, жалобно взвизгивает.

«Откуда он? — подумал мальчик. — Заблудился? Или хозяйева выбросили из дома?»

— Кутёнок, Кутька! — позвал он.

Щенок тихонько всхлипнул, хотел подняться, но не смог.

«Замерзает», — понял мальчик. Он хотел взять щенка на руки, но вдруг вспомнил: «А мама? Мама не позволит держать собаку в квартире. А в сарае — такой же холод...»

Мальчик в нерешительности стоял над своей находкой и мучительно думал: «Что же делать? Как спасти Кутьку от смерти?»

Слёзы выступили на глазах парнишки. Вдруг он решительно на-

гнулся, схватил щенка и, расстегнув пуговицы, сунул его себе на грудь под пальто. Мальчик чувствовал, как щенок вздрагивает всем телом.

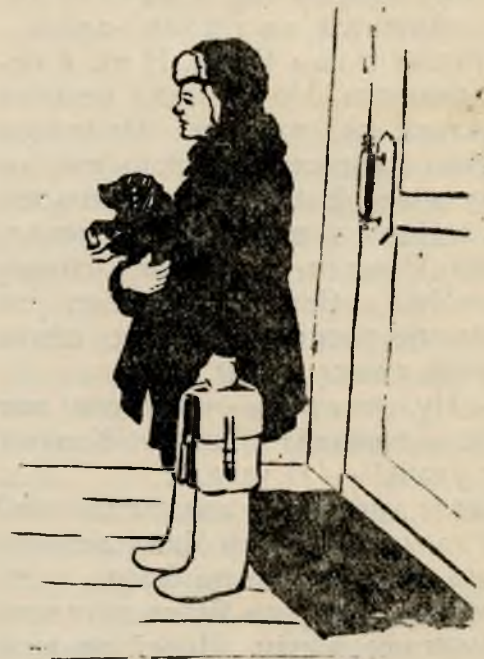
«Надо его сперва отогреть. Потом подумаем, что дальше делать, — решил он и побежал домой. — Только бы мамы не было дома».

Мальчик отворил дверь и стал у порога:

— Холодно, Юра? — встретила его мама. — Раздевайся скорее. Незачем было бегать. Ведь говорили по радио, что учиться сегодня не будут.

Но мальчик раздеваться не стал. Он ждал, когда мать уйдёт в комнату.

— Ты что замёрз, что ли? — спросила она. — Ну, давай пуговицы

расстегну. Да они у тебя и не застёгнуты!

В этот момент щенок высунул из-под пальто кончик чёрного носа и тихонько заскулил. У Юры ёкнуло сердце...

— Что это у тебя там? — удивилась мама. — Боже мой!.. Ты принёс собаку? Сколько раз я тебе говорила, что не разрешу держать в комнате пса! Сейчас же унеси его обратно!

Крупные слёзы сами выкатились из глаз, повисли на длинных ресницах, потом побежали по лицу мальчика.

— Ну, вот, ещё и слёзы...

— Мама! Ему жить негде, — прерывающимся голосом прошептал Юра. — Я его на улице подобрал.. Он замерзал... Ему погреться надо...

А щенок, оживлённый теплом, уже наполовину высунулся из-под пальто. Его чёрная мордочка и большие уши были мокры от растаявшего инея и ледышек. Он опять жалобно заскулил.

Мальчик совсем пал духом. И мать, глядя на чёрную печальную мордочку щенка и на слёзы сына, смягчилась.

— Ну, ладно, погрей его, да накорми — тёплого молока налей, — сказала она.

У мальчика радостно блеснули глаза.

— Мама, милая! Какая ты хорошая! Ведь если бы я его не подобрал, пропал бы Кутёнок.

О новом жильце скоро узнали все ребята в доме. Поминутно открывалась дверь, то впуская, то выпуская очередного посетителя. Мама бранилась: «Так я и знала!» — восклицала она всякий раз, когда хлопа-

ла дверь. А Юра почти не отходил от своего питомца, ревниво охраняя его.

Щенок повеселел. Он смешно ковылял по комнате, когда слышал своё имя — Кутька. Но вопрос — Что делать со щенком дальше? — не выходил у Юры из головы. — Ведь мама разрешила только отогреть Кутьку и накормить. Уже прошло пять дней. «Куда же его теперь?» — думал Юра.

Многие из соседних ребяташек с радостью взяли бы Кутьку к себе. Но непреклонные мамы не давали об этом и заикнуться.

Все эти заботы имели свой неизбежный результат. За последние два дня Юра «схватил» три двойки.

— Это всё твоя паршивая собачонка виновата! — возмущалась мама. — Чтобы сегодня же её не было в доме.

Юра отмалчивался. Что скажешь? Вчера двойку получил? — Получил! Сегодня ещё две «пары» принёс. Почему? — Уроки не готовил — всё с Кутёнком возился: то кормил, то постель ему в гардеробе устраивал. Да и когда за уроки садился, — вместо задачи тоже о щенке думал. Откуда же тут пятёркам взяться?.. Ну, а как же всё-таки быть?..

— Мама! А если у меня не будет двоек, можно Кутьке у нас жить? До лета? — спросил Юра.

— Нет! — сердито отвернувшись, ответила мама.

Ну, а если у меня и троек не будет? Тогда можно?

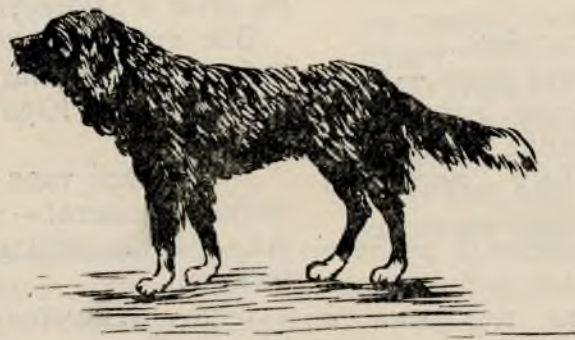
— Если троек не будет? — Мама вздохнула. — Если без двоек и без троек, тогда что же — можно. До весны.

Юра горячо поцеловал мать. Камень свалился с его сердца. Кутька «прописан» до весны! Теперь всё зависит от него, от Юры. Он должен спасти Кутьку, так как, если опять получит двойку, щенку несдобровать. Значит? Значит, нужно учиться без троек и двоек. Так договорились с мамой.

Слово Юра сдержал. Троек и двоек больше не было. Кутька благополучно дожид до весны. О его изгнании мама больше не говорила.

Впоследствии Кутька стал большой, красивой собакой, хорошим другом дома.

О том, как Кутька жил дальше, мы вам когда-нибудь расскажем.

Наша Света

Вместе с праздничным приветом
Получила наша Света
Разрисованный кулёчек,
В нём полно, чего захочешь!
Света делит мандарины —
Маме с папой половину;
Вот большой фигурный пряник, —
Угостит им Света Ваню;
Пять конфет — превкусных «Ми-
шек» —
Для сестрёнок и братишек,
Леденцы — Валюше, Кате...
И самой хозяйке хватит.
— Мне сластей не жаль совсем,
Понемногу хватит всем!

г. Тобольск.

Ефим Ружанский

НАД НЕВОЙ

Повесть в рассказах

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Как хорошо здесь, на широкой асфальтированной набережной, залитой светом заходящего солнца. С Невы тянет прохладой — чистой и освежающей.

Блестит притихшая вода. Темнеет.

По асфальту почти бесшумно проносятся машины, прорезая фарами сумерки и играя разноголосыми рожками.

В маленьких лёгких лодочках плывут

по Неве юноши и девушки. Они гребут наперерез волне, оставленной проехавшим мимо пароходом, и, качаясь на высоких пенистых гребнях, громко и весело смеются.

Здесь, над Невой, у гранитных её берегов, где высится чудесный Зимний дворец, любит гулять молодёжь великого города Ленина.

Загорелись яркие огни бесчисленных фонарей, и снова заблестела Нева — тихая, величественная и спокойная...

Иду вдоль Невы, и мне вспоминается то далёкое лето, когда немецкие фашисты напали на нашу страну. Вечерами, возвращаясь из редакции, я встречал здесь, у Невы, худенького черноглазого мальчика с золотистыми курчавыми волосами. Он приходил сюда один или с товарищами и, перегнувшись через гранитный парапет, внимательно смотрел вниз, на воду.

Огни мостов, набережных и домов отражались в потемневшей воде.

Но совсем не это занимало тогда мальчика.

Закинув удочку подальше от берега, он следил за красным поплавком, отплывавшим вниз по течению, и когда рыба клевала, он, как опытный ловец, рывком выбрасывал крючок на берег.

Трельхавшуюся рыбёшку подхватывали его друзья и, с интересом разглядывая её, осторожно бросали в ведёрко с водой.

Я часто встречал здесь этого мальчика и поэтому запомнил его лицо: бледноватое и не по летам серьёзное.

Однажды утром, возвращаясь с дежурства, я снова встретил его. На том же месте стоял он со своими товарищами и удил рыбу.

Приблизившись к ребятам, я стал прислушиваться к их разговору. Широкоплечий, крепкий парнишка, со скуластым смуглым лицом, на котором неожиданно сияли голубые глаза, обращаясь к мальчику-рыбаку, сказал:

— Ты, Миша, днём бы пришёл, тогда и улов был бы. — Затем, обернувшись к высокому, долговязому мальчишке, добавил: — Зря, Володя, мы с тобой столько червей накопили.

— Нет! — твёрдо настаивал на своём Миша. — Хорошо удить вечером, а лучше всего, — когда восходит солнце.

— Стёпа, не спорь с Мишей. Вечно вы спорите. Вот поймает он рыбу-кит и всё будет нормально! — пытался помирить ребят Володя.

Вдруг Миша резко дёрнул удочку и, помогая себе забинтованной рукой, вытащил рыбку.

В это время из-под арки моста блеснул луч солнца.

3 Сибирские звёздочки.

— Смотрите, солнце встаёт над Невой! — крикнул Миша...

После этого я не встречал мальчика несколько месяцев. Но вот зимой, когда враги обстреливали город из орудий, бомбили с воздуха и когда часто горели дома, я увидел его портрет в комсомольской газете. Писали о его смелом поведении во время вражеских налётов, и я решил познакомиться с ним поближе.

Оказалось, что Миша Корольков (так звали этого мальчика) жил на нашей улице, через два дома от меня. И я узнал многое не только о нём, но и о его друзьях: Стёпе Толмачёве, Володе Еремееве, о Стёпиной сестричке Тоне, о брате их Василии и о других, кто в дни тяжёлых испытаний остался в Ленинграде, об от важных делах ребят.

Не только взрослые совершали тогда подвиги, но и ребята. И потому верилось, что скоро придёт победная весна, когда плоты тяжёлых льдин из Ладоги и Невы уйдут в Финский залив, и в полноводной реке ребята, как и раньше, будут удить рыбу на восходе солнца...

О тех, кто суровой военной зимой остался в Ленинграде, и хотелось мне рассказать в этой повести.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РЕБЯТА С ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

Скрипка

Когда по радио передали известия с Ленинградского фронта, Миша Корольков сказал:

— Это про нашего папу.

Мать ответила:

— Да, сынок, про папу, и про тебя, и про твоих друзей. У нас, видишь, теперь, весь город — фронт...

Мише это понравилось: выходит, и он — фронтовик! И когда к нему вечером зашли его друзья: по-морски одетый (в тельняшке) Стёпа Толмачёв и долговязый Володя Еремеев, он, повторив им мамини слова, заявил:

— Мы тоже с Ленинградского фронта. Вот и нам надо что-нибудь сделать такое, как на фронте...

— Нормально! — быстро согласился Володя.

А Стёпа, конечно, не мог сразу согласиться с Мишей, с которым всегда спорил.

— Тоже, герой! Винтовка в два раза длиннее тебя! — рассмеялся он.

— И ты не выше меня! — обиженно ответил ему Миша Корольков и добавил: — А героями разве только силачи бывают?..

И разгорелся бы спор, если бы не Володя Еремеев, который, как всегда, вмешался и мигом помирил спорщиков:

— Роста вы одинакового. А с винтовкой и ты, Стёпа, пожалуй, не справишься, хоть и старше нас. А вот придумать бы, что бы нам такое сделать... Может, дежурить в школе? Там же теперь госпиталь будет. Надо готовить помещение, койки переносить или ещё там чего...

Миша согласился, а Стёпа промолчал: возразить было нечего, но досадно стало, что сам до этого не додумался...

Ребятам разрешили дежурство. А пока они разошлись по домам на обед, договорившись ровно через два часа явиться в госпиталь.

По дороге Стёпа думал о своём друге Мише. Общее дело сблизило их. И Стёпа теперь, в войну, стал обходиться с Мишей «по-мирному», хотя раньше, в мирное время, немало с ним «воевал».

Одинакового роста, они во всём остальном резко отличались друг от друга. Стёпа — черноволосый со светло-голубыми глазами, Миша — с льняными кудрями и черноглазый. Стёпа — крепыш с крупным подбородком на скуластом смуглом лице, Миша — щуплый, и лицо, как у девочки: круглое, бледно-розовое.

Но главное — разными были у них характеры. Стёпа — не в меру резв, любитель пошуметь, поспорить, Миша — спокойный. И, быть может, именно поэтому Стёпа Толмачёв не мог раньше крепче сдружиться с тихим Мишей Корольковым, хотя помощь от него, бывало, принимал. Стёпа отставал по математике и часто являлся в класс, не выполнив домашнего задания. Тогда Миша начинал ему объяснять решение задач. Но не было случая, чтобы они досидели до конца не повздорив. Стёпа не терпел спокойно, учительского тона Миши.

— Знаю, знаю, теперь понял: надо

разделить, — часто говорил Стёпа, торопясь решить задачу.

— Опять заспешил, — с досадой замечал Миша и спокойно добавлял: — Дело не в том, чтобы узнать: разделить или умножить, отнять или прибавить... Главное, чтобы ты сумел понять задачу, правильно поставить вопросы. Вот и подумай...

Но Стёпа уже не слушал его, он заканчивал деление заданных чисел.

— Чего мне ещё думать? — говорил он. — Получилось по ответу, значит, всё в порядке. Что ты мне — учитель? Слово в слово, как учитель, поучаешь. Подумаешь какой!

Миша Корольков учился играть на скрипке. И это тоже злило Стёпу.

— На скрипках играют неженки. Надо играть в духовом оркестре, — говорил он товарищам и заключал: — Вот если бы у нас в школе духовой оркестр организовали, я на кларнете марши играл бы!..

А когда Мишу послали учиться в Дворец пионеров, Стёпа особенно невзлюбил скрипача.

— Вундеркиндик! — дразнил он его. — Паганюня!..

Тогда Стёпа почувствовал какую-то неприязнь к Мише. А почему, он и сам не знал.

И вот теперь, проходя по широкому Невскому проспекту мимо Дворца, Стёпа вспомнил обо всём этом. Дворец казался Стёпе родным и красивым, несмотря на то, что окна были заколочены досками, и весь он выглядел заброшенным и нежилым.

Стёпе казалось, что и сейчас там занимаются его товарищи, что в каком-нибудь зале идёт концерт, и Миша Корольков играет на скрипке.

И, действительно, во Дворце продолжали учиться ленинградские ребята. В перерывах между оружейными залпами из окон Дворца доносилась спокойная скрипичная музыка...

Стёпа забылся, слушая музыку. Вдруг с воем, грохотом и треском впереди разорвался снаряд. Он попал на мостовую возле скверика. Куски асфальта и булыжника взлетели в воздух, каменным дождём упали на памятник царицы Екатерины и, царапая вековую бронзу, обрушились на кусты и деревья, рассекая ветви.

Кто-то в скверике застонал, и Стёпа бросился туда. Он не знал, сможет ли чем-нибудь помочь стонавшему, и всё же бежал к нему...

Но вот снова с грохотом у Дворца разорвался тяжёлый снаряд. Он попал в красивую железную ограду дворцового сада.

Завыла сирена воздушной тревоги, и почти одновременно в сад и на угол здания упали две бомбы, взметнув верху глыбы земли, камней и щебня.

Стёпа упал на тротуар и, когда поднялся, увидел бегущих в сад людей из аварийной бригады.

Он тоже побежал с ними.

Весь сад был исковеркан.

У пощерблённого осколками фонтанного барьера валялась расколотая надвое мраморная статуэтка...

На дереве, зацепившись за сучок, висел большой ярко расцветенный глобус...

У разрушенной стены Стёпа заметил блеснувший гриф скрипки, заваленной штукатуркой.

Огонь подползал всё ближе к скрипке. Стёпа бросился в огонь. Быстро, но осторожно, чтобы не исцарапать драгоценный инструмент, стал отгребать в сторону щебень. Он обломал себе ноготь, ободрал пальцы об острые осколки кирпича и, наконец, скрипка в Стёпиных руках. Он удивился и обрадовался: скрипка была цела, только две первых струны порвались и, загнувшись колечками, свисали с тонкого блестящего грифа...

* * *

На дежурство в госпиталь Стёпа Толмачёв пришёл с большим опозданием.

Ребята хмурились и были явно недовольны. Миша Корольков складывал больничные койки и, не оборачиваясь, сказал:

— Не годится это! Теперь война... Понимать надо... А если опаздывать будешь, так лучше и вовсе не приходи!..

Обидно было Стёпе слышать эти слова да ещё от Миши. Для него ведь старался. Он хотел обо всём рассказать ребятам, оправдаться перед ними, но подумал: «Тяжело будет Мише» — и промолчал. Затем, расстегнув пальто, достал скрипку, протянул её Мише и сказал:

— Дарю! И давай не будем ссориться. Идёт?

— Идёт! — ответил Миша. Большие чёрные глаза его ещё больше расширились от удивления и заискрились от радости. Но вот он стал рассматривать скрипку, и лицо помрачнело:— Ты откуда её... достал? Это же моя... из Дворца...

Пришлось рассказать. Выслушав Стёпу, Миша отвернулся, чтобы ребята не видели его слёз, и сдавленным голосом произнёс:

— Воюют...тоже... против ребят. Дворец рушат... гады!

Фонарь

Стёпа Толмачёв торопился: в эту ночь ему предстояло дежурить на крыше своей школы.

Днём сюда привезли новую партию раненых. Их разместили по классам в первом этаже. По коридорам бегали санитары с носилками, у ворот дежурили красноармейцы с винтовками. Школа стала настоящим госпиталем.

Поэтому, придя сегодня на дежурство, Стёпа волновался, словно впервые поднялся на эту крышу тёмной холодной ночью. Слух и зрение его были обострены. Каждый шорох настораживал. Несколько раз обошёл он свой участок, окликающая товарищей и спрашивая о том, как им дежурится.

— Всё нормально, Стёпа, да вот озяб малость,— ответил ему Володя Еремеев, дежуривший по соседству.

Подумав немного, Стёпа сказал:

— Давайте, ребята, на чердак! Погрейтесь.

Ребята спустились на чердак, и Стёпа остался на крыше один.

Под ногами темнела знакомая до мелочей улица. Он и в темноте мог точно определить, где находится булочная, где газетный киоск. Внизу лежал родной Ленинград. И Стёпа почувствовал себя стражем этого притихшего, но величественного города.

— Конечно, — решил Стёпа, — я не с оружием, как Вася, но тоже на страже...— И он с завистью подумал о своём старшем брате Василии, который добровольцем ушёл на Балтийский флот.— На фронте Вася обязательно отличится, он дисциплинку любит, справедливый и смелый...

Стёпа вспомнил, как однажды мальчишки из соседнего двора наскочили на него, хотели отобрать сделанный им летающий планер. Ребята были рослые, крепкие—из ремесленного училища. Что делать? Не отдавать же драчунам свою работу. И Стёпа отчаянно сопротивлялся. Во время потасовки неожиданно появился Василий.

— Ну, вы!—спокойно сказал он.—Здоровья какие, а втроем на одного малыша наскочили.

Ребята кинулись врассыпную, кто куда. А Вася им вдогонку:

— Э, да вы ещё и трусы, одного меня испугались.

С той поры драчуны и близко к Стёпе подходить боялись...

Но бывало и другое.

Года три назад, возвращаясь с работы, Василий заглянул на задний двор и проследил за тем, как Стёпа играл в пёрышки с Вадиком. Вадик был худощавый, на два года моложе Стёпы. Он проигрывал своему старшему партнёру, и тот щёлкал его ногтем по лбу, да так сильно, что Вадик вскрикивал от боли. Василий сделал вид, что ничего не заметил, а вечером предложил Стёпе:

— Давай, братишка, в шашки сразимся, что ли...

— Давай, давай!—обрадовался Стёпа, любивший эту игру.— Только ты мне, как всегда, две пешки вперёд.

— Ладно. Две так две. Но уговор: играть будем на щелчки.

— У-у! Тогда с тебя три пешки вперёд.

— Пусть три. Согласен.

Играли недолго. Василий проиграл и получил щелчок. Вторая партия длилась дольше, но на этот раз была проиграна Стёпой.

— Ну-ка, подставляй лоб,— строго сказал Василий и дал такого щелчка, что синяк вскочил.

Стёпа не заплакал, — стерпел, но обиделся:

— Силу показываешь... Ты вон какой, а я...

Василий чуть улыбнулся и ответил:

— Силу я, братишка, не показываю. Мог бы и посильней щелкнуть—ведь я же «вон какой»... А не вспомнишь ли ты, как сам недавно с Вадиком в пёрышки на щелчки играл? Ты тоже «вон какой», а

он совсем малыш. И как ты его сильно щелкал! Тебе не стыдно?

Стёпе тогда стало как-то не по себе. А вот теперь он готов получать от брата и щелчки и тумачи, быть бы только с ним вместе! Ведь как нужна помощь Василия именно теперь, когда приехавшая к ним из села тётя Надя так заболела, что и с постели не встаёт...

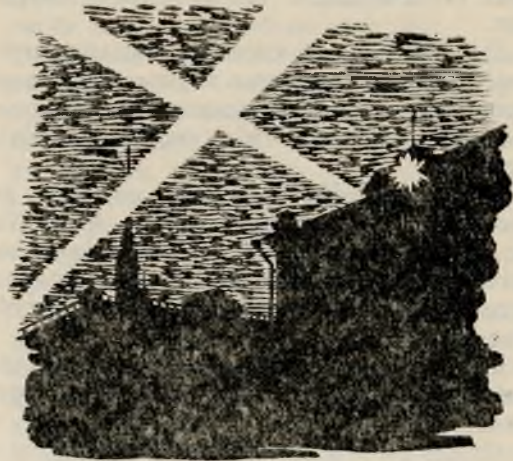
Думая обо всём этом, Стёпа совсем забылся и не замечал ни ветра, ни стужи.

Вдруг ему показалось, что на противоположной—через улицу—крыше блеснул и погас огонёк. Стёпа стал внимательно всматриваться. Однако там ничего больше не светилось.

«Померещилось»,— подумал он, но уже никак не мог оторваться от того места, где блеснул огонёк.

Неожиданно по небу, упираясь в тучи, прошёлся прожектор. Пучок лучей скользнул по соседней крыше, и Стёпа увидел—там, у дымовой трубы, притаился человек. Или, может быть, это только тень?

Но прожектор уже соскользнул вверх, шаря по грязно-серым тучам, словно пытаясь пронзить их. И Стёпа так больше ничего не смог рассмотреть на погружившейся в темноту крыше.

Прошло, наверно, много времени, Стёпа озяб и собрался уже спуститься на чердак, погреться, когда снова на противоположной крыше блеснул свет. В темноте огонь был ясно виден. Стёпа хорошо знал, что этот дом, разрушенный снарядом, пуст. В нём никто не живёт. Откуда же огонь? Ведь там и дежурных-то нет...

«Надо милиционеру сказать»,— решил он и позвал ребят.

Володя Еремеев и Миша Корольков поднялись наверх. Увидев мерцающий огонёк, Володя сразу согласился со Стёпой:

— Да, тут что-то неладно... Надо заявить...

Но Миша, обычно молчаливый, вдруг горячо заговорил:

— Не согласен! Это что: милиционеру сказал—и с плеч долой... Нам надо самим проследить да поймать того, кто там сигналил! А так что—заявили, а сами в кусты...

Вой сирены не дал ему договорить, но всем было ясно: Миша считал их трусами.

— Подумаешь, герой!—обидчиво воскликнул Стёпа.

А Володя Еремеев, стараясь избежать спора, примирительно заявил:

— Всё нормально! Поручим Мише проследить за сигнальщиком. Милиционеру тоже сообщить надо.

Но Стёпа смотрел на крышу, словно

уже не слышал, о чём говорили товарищи.

Всё сильнее и сильнее гудели сирены. Казалось, никаких звуков больше не существует, кроме гудящих сирен, наполнивших собой эту тёмную, как дёготь, ночь.

— А ну-ка, Миша, пойдём со мной, да быстро, — заторопился Стёпа. — А ты, Володя, гляди в оба... Дело такое, сами понимаете. Воздушная тревога, а тут рядом с госпиталем сигнальщик. Его нужно сейчас же...

Он не договорил. Загрохотала, заухала неподалёку зенитка, за ней вторая, третья...

Стёпа с Мишей стремглав побежали с лестницы вниз. У ворот их остановил дежурный.

— Куда?

— Мы с крыши... с крыши, — на ходу ответил Миша, показывая рукой.

— Постой, постой! Какая крыша, причём тут крыша? — снова остановил их часовая.

— На соседней крыше огонь... — заикаясь и перебивая друг друга, ответили ребята, выскочили на улицу и побежали к перекрёстку. На полпути Миша вдруг заявил:

— Не пойду я к милиционеру, Стёпа. Его ещё искать надо, а я...

Стёпа махнул рукой, мол, «как хочешь, некогда разговаривать с тобой», и побежал дальше.

Когда он вернулся с милиционером, Миши нигде не было видно.

«И куда бы он мог деться?» — с досадой и беспокойством подумал Стёпа.

Исчезновение товарища срывало весь его план. Стёпа предполагал, что вместе с милиционером он поднимется на крышу, а Корольков будет дежурить внизу, у чердачной лестницы. А теперь...

— Ну где же твой приятель? — спросил милиционер.

Он первым вошёл в полуразрушенный дом и очутился у тёмной лестницы, ведущей на чердак.

— Сбежал, видать, твой приятель, — продолжал он и добавил: — Ну, ты оставайся тут и смотри. Если кто-нибудь появится, проследи, куда пойдёт.

И милиционер бесшумно и вместе с тем быстро стал подниматься по ступенькам.

Стёпа, недовольный и расстроенный, прижался спиной к стене и стал всматриваться в темноту, прислушиваясь к каждому звуку.

Перед ним поднималась тёмная, узкая чердачная лестница, и никого не было на ней видно.

Вдруг Стёпа услышал какой-то шорох. Он встрепнулся, прислушался. Ему послышалось, что там, наверху, кто-то затопал, застонал. Стёпа оглянулся — никого вокруг не видно. Темнота и тишина стояли рядом, притаившись, как два злодея.

Колени у Стёпы задрожали мелко и часто. Мороз прошёл по коже. Стёпа шагнул вперёд и немного успокоился. Через несколько секунд, окончательно овладев собой, он уже взбирался по лестнице.

Когда Стёпа добрался до чердака, он услышал громкий окрик милиционера:

— Стой!

В тот же момент какая-то длинная фигура прыгнула с крыши через слуховое окно на чердак. По крыше тяжело прогремели сапоги, и снова послышалось:

— Стой!

Длинная фигура метнулась от окна к лестнице. Стёпа понял: это сигнальщик. Не раздумывая, Стёпа бросился ему под ноги. И тот со всего размаху грохнулся, ударившись головой о косяк, глухо застонал, выругался, заворочался, но подняться на ноги не смог.

Милиционер был уже на чердаке и поясом связывал за спиной руки сигнальщика.

— Слушай, паренёк, — сказал он Стёпе, — посмотри-ка там, на крыше, не твой ли приятель. Опередил он нас с тобой.

Стёпа выскочил на крышу.

Возле дымовой трубы навзничь лежал Миша Корольков. В одной руке у него был зажат кирпич, в другой — обрызганный кровью погасший фонарь, отнятый у сигнальщика...

Увидев товарища, Миша приподнялся:

— Стёпа, а где этот? Не убежал?

— Нет, не убежал, Мишенька, не убежал!

— Хорошо! — проговорил Миша счастливым голосом и, выпустив из ослабевших рук кирпич и фонарь, обнял Стёпу за плечи...

Дружба

В маленькой комнатке темно даже днём: окна заколочены досками—защита от снарядных осколков. Нет и электричества. Блокада...

В углу, возле печки, стояла кровать, на которой лежал Миша Корольков, повредивший себе руку во время ночного дежурства на крыше. Он стонал от боли, и ребята шли к нему на этот стон, в темноте не видя кровати.

Первым заговорил Стёпа Толмачёв — самый старший среди ребят:

— Ну, как, Миша?

Миша поднял голову и тихонько попросил:

— Поверните меня, а то я вас не вижу. Мама сказала, чтоб я сам не двигался. Да она когда ещё придёт...

Володя бросился к постели, но Стёпа остановил его:

— Я сам, ребята. За больными умею ухаживать. Наша тётя Надя уже давно хворает, а смотрю за ней я. У меня уже опыт имеется...

Стёпа осторожно, чтобы не задеть больную руку, стал поворачивать товарища на левый бок. Миша лёг поудобней и улыбнулся:

— Мне уже легче стало... Доктор приходил из госпиталя. Я просил его, чтоб он меня в госпиталь, в нашу школу взял. А он говорит: «Нельзя. Там для взрослых, для бойцов...»—Миша тяжело вздохнул.

Стёпа посмотрел на поскучевшего вдруг товарища и, подумав немного, сказал:

— А разве Миша не рисковал жизнью, когда задерживал сигнальщика? Значит, он — как боец! Надо поговорить с политруком Василием Ивановичем Полупенко. Он хороший, поможет нам добиться, чтобы Мишу взяли в госпиталь...

На том и порешили. Затем ребята наперебой стали расспрашивать Мишу:

— А хлеб-то у тебя выкуплен?

— А почему не топлено?

— А где мать?

Миша ответил. И узнав, что мать со вчерашнего дня поступила на завод, где раньше работал отец, ушедший на фронт; что хлеб «выкупить» ещё не успели и что печку не топили, так как нет дров,

ребята переглянулись и, отойдя от кровати, стали тихонько совещаться. Затем ушли, захватив хлебные карточки.

Миша снова остался один, но теперь он не чувствовал себя одиноким. Друзья принесли ему свою заботу, и ему стало хорошо. Мише даже захотелось поиграть на скрипке, но — рука...

«Ничего, заживёт. Поиграем ещё!»

Скоро ребята вернулись.

Первым пришёл Володя Еремеев. Он принёс хлеб и несколько поленьев.

За ним явились Стёпа и Тоня Толмачёвы. Они принесли два полена и кусочек сахара, аккуратно завёрнутый в бумажку, словно это был не обыкновенный сахар, а какая-то большая драгоценность...

Тоня растопила печку и хотела поставить на огонь чайник, но воды в нём не оказалось.

— Всё нормально! — заявил Володя. — Сейчас будет вода. Я быстро...

Он ютыскал на кухне верёвку, ведро, сани и отправился за водой на Неву. А там: только взберёшься на несколько обледенелых ступенек, как ноги начинают скользить и летишь вниз, вода выплескивается — и начинай всё сначала... Когда Володя вернулся, в комнате было тепло и из раскрытой печки на стол и на кровать от горящих поленьев падал неяркий свет. Тоня мыла чашки и блюда, Стёпа беседовал с Мишей о музыке.

— Скрипка тоже хороший инструмент, очень даже хороший, — говорил Стёпа, чтобы Мише было приятно, но не сдержался и закончил:— Хотя лично я больше люблю духовой оркестр...

Закипел чайник, и Миша стал пить чай с сахаром. Затем ребята ушли, чтобы завтра снова навестить товарища.

Вскоре друзья добились того, что политрук Полупенко поддержал их — и Мишу взяли в госпиталь. Там он повеселел и быстро стал поправляться.

И, кто знает: может, самым лучшим лекарством для него была дружба!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТОЛМАЧЁВЫ

Тоня

В детский сад принесли ребёнка. Закутанный в тёплые платки, он казался большим. Но когда его раскутали, стало вид-

но, что это малыш. Ему было года три. В руках он держал деревянную раскрашенную лошадку.

Малыш оглянулся вокруг быстрыми, бегающими глазками и, ничего не говоря, подошёл к Тоне. С тех пор он был только с ней, больше ни к кому не подходил, никого не слушался.

Тоню Толмачёву все дети любили. Она была весёлой и красивой светловолосой девочкой с чёрными бровями и карими, блестящими глазами. В детском саду она работала уже полгода, почти с начала войны.

Дети к ней быстро привыкали, но особенно полюбил её этот новенький. Звали его Колей. Он был весел и разговорчив. Соседка, принеся его в садик, рассказала такую историю:

— Квартиру, в которой жил Коля с матерью, разбило снарядом. Мать была убита... Целый день работала в квартире ремонтная бригада, и только на следующее утро, приподняв наклонившуюся к стене дверь, один рабочий между дверью и стеной обнаружил Колю.

Мальчик сидел на полу, а возле него лежали игрушки: плюшевый мишка и большая деревянная лошадка.

Когда рабочий взял ребёнка на руки, Коля обнял его за шею и, показывая на пол, попросил:

— Дядя, возьми лосадку... лосадку мою возьми...

И успокоился лишь тогда, когда ему принесли лошадку.

— Чудом спасся пузан,— говорила о нём Тоня, ухаживавшая за мальчиком, как за своим братом.

Но вот Коля заболел, у него началось воспаление лёгких. Тоня забеспокоилась, погрузилась.

— Неужели умрёт? Нет, он не должен умереть. От бомбёжки уцелел, а теперь что же?..

И Тоня целыми сутками не отходила от постели больного. В комнате было холодно, и девочка закутывала малыша в свой пуховый платок, брала его на руки, согревала дыханием.

Исхудала Тоня. Острые плечики её ещё больше обострились, щёки впали и под глазами появились фиолетовые дужки.

Ребёнок стал поправляться, и Тоня снова повеселела. А мальчик до того к ней

привык, что девочке нельзя было от него отлучиться даже на малое время.

— Хочу гулять с «мамой Тоней!»— кричал он, когда девочка собиралась уходить. И Тоне приходилось брать его с собой на улицу.

Однажды, когда Тоня с ребёнком на руках проходила по улице, им повстречался лейтенант. Коля увидел его и замахал руками:

— Папа! Папа мой! Папа Вася!..

Лейтенант куда-то спешил. Но всё-таки остановился, подошёл к малышу.

— Сынок!..— ласково сказал он и погладил мальчика.

— Папа Вася,— повторял ребёнок и рвался на руки к лейтенанту.

Командир взял его к себе и пошёл рядом с Тоней. «Отца встретил»,— подумала она, радуясь.

Они дошли до угла, и тогда командир, передавая Тоне малыша, сказал:

— Возьмите, мамаша...

Тоня удивилась:

— А вы разве не отец Коли?

— Нет, конечно... Он ошибся. Видно, похож я на его отца...

Тоня взяла Колю и неслышно произнесла:

— А я тоже, наверно, на его маму похожа. И имена у нас, значит, одинаковые... Он мне «мама Тоня» говорит, а я просто Тоня.

Похороны

Пришла суровая ленинградская зима.

Молчаливые, с забытыми окнами дома, казалось, были скованы холодом. На улицах и площадях города высились снежные сугробы. Они увеличивались с каждым днём—не на чем было вывозить снег.

Улицы становились непроходимыми. И всё же с утра они заполнялись людьми, которые, утопая по колена в снегу, торопились на фабрики, заводы, в учреждения. Торить тропинки в снегу с утра выходили старики, женщины и дети. Ленинградские ребята не лепили, как бывало раньше, снежных баб, не играли в снежки. Чуть свет, под грохот артиллерийской канонады вставали они, хоть и трудно было им отрываться от своих постелей, согретых дыханием. Напялив на себя по-

больше тёплой одежды, похожие на маленьких водолазов в скафандрах, появлялись они на тёмных улицах — кто с лопатой, кто с ломиком, а кто с санями. С большой охотой принимались ребята за дело, и на их бледных, исхудавших лицах поблескивали глаза, в которых отражалось упорство, мужество взрослых и сознание важности своего труда. Ведь город, окружённый и обстреливаемый врагами, лишённый воды и электричества, скованный стужей и погружённый в снег, должен продолжать работу! И, хотя трамваи стояли, люди пешком добирались к своим рабочим местам!..

Так было в городе в эти тяжёлые зимние дни, когда голод и морозы, бомбы и снаряды косили людей сотнями и тысячами..

Смерть заглянула и в квартиру к Толмачёвым — умерла тётя Надя.

Ребятам надо было подумать о похоронах, но, подавленные несчастьем, они не знали, с чего начать.

Тринадцатилетняя худенькая Тоня, придя домой из детского сада, где она работала, забилась на кухне в уголок. Она боялась заглянуть в комнату: там лежала мёртвая тётя Надя..

А Стёпа, хоть он уже и взрослый почти, (скоро паспорт получать будет!), ничего сам сделать не сумел в такое тяжёлое время.

«Где достать гроб? Как отвезти его на кладбище? Кто возьмётся рыть могилу?..» — эти и многие другие вопросы встали перед Степаном, и он не знал, как их решить.

На выручку пришла дворничиха Васюткина. Узнав о смерти тёти Нади (а она всегда раньше всех узнавала, что и у кого случилось в доме), Васюткина сказала Степану:

— Ох вы, бедненькие. Уж я зайду к вам, помогу схоронить покойницу.

И верно, зашла. Оглянувшись кругом, увидела бархатное платье на вешалке и сказала:

— Вы бы мне, ребятки, это платьице отдали, покойнице-то оно уж всё равно не потребно..

Стёпа удивился сначала: зачем старухе такое платье? Потом вспомнил, что у неё есть дочь, которая любила пофрантить и называла себя не Марией, а Марго. Сейчас она — медсестра в какой-то части поблизости, часто дома бывает. Для неё, видно, платье. После войны франтить в нём будет. Пусть..

Отдал Стёпа платье Васюткиной и стал ей помогать труп выносить. На улице стояли длинные узкие сани. На них положили тётю Надю и накрыли мешковиной.

Тоня, заплаканная, выскочила на улицу и бросилась к саням, повторяя:

— Тётя Надя!.. Теперь одни мы!.. Тётя Надя!.. Одни мы!..

— Ну, хватит плакать-то... Домой марш!.. Теперича столько помирает, что плачь — не наплачешься, — сказала Васюткина и добавила: — Покойницу я сама схороню. Раз взялась, так сделаю!.. — И потащила сани..

Тоня долго не уходила. Она стояла и смотрела куда-то вдаль, не мигая и нервно всхлипывая.

— Вот и все похороны, — вздохнув, сказал тихо Стёпа и, тронув сестру за плечо, заботливо закончил: — Пойдём, Тоня, в дом, простынешь тут..

А дома, в пустых комнатах, было холодно, неудобно и — нет, не страшно, — а как-то тяжело-тяжело..

«Где-то теперь Василий», — подумал с

тоской Степан о брате. О нём же думала и Тоня. Ведь Василий был для них самым близким человеком,— отца и мать они потеряли ещё в раннем детстве.

«Хорошо хоть, что Тоня в детсаде работает. Всё-таки паёк служащего получает, а не сто двадцать пять граммов хлеба, как иждивенцы... Надо и мне на лесозаготовки отправиться. Дело нужное, и паёк хороший... Эх, была бы жива тётя Надя, я бы на Карельский к партизанам подался... А так — на кого Тоню бросишь?.. И Васи нет...»

Тяжело засыпал Стёпа в эту полную тоски ночь...

Выстрел

Василию Толмачёву повезло: он попал в морскую пехоту. Но ему, как и всему соединению, «не везло» в другом: прошёл месяц, а они ещё ни разу не побывали на передовой. Бои шли где-то в стороне, за синеватыми гребнями лесов.

— Не фронт, а дом отдыха, товарищ комиссар,— с досадой сказал однажды Василий.

Комиссар, Никита Львович Кожановский, улыбнувшись, взглянул на приземистого, широкоплечего паренька.

— Много нас здесь таких, горячих, потому-то фашисты и обходят наш участок,— пошутил комиссар.

Краснофлотцы засмеялись. Они любили своего комиссара. Рассказывали, что он вместе с бойцами два дня полз по льду залива к вражескому берегу и, несмотря на ранение, первым вступил на эту землю.

— Будут, товарищ Толмачёв, будут ещё бои. Враг силен, и бить его надо будет крепко,— добавил Никита Львович.

Василий покраснел. Ему стало неловко из-за своей горячности. Но город, его любимый город — в опасности. А враг прёт и прёт. Ведь там, в Ленинграде, с тётей Надей остались его брат Стёпа и сестричка Тоня, там его завод, его дом, широкие проспекты и красивые сады...

— Славные ребята! Однако во всём должна быть выдержка. Горячка только вредит,— сказал Кожановский политрукам, уходя в штаб.

День кончился, как и всегда, флотским борщом, шелестом гальки на берегу да отдалённым гулом канонады.

Только поздно вечером появилось что-то новое. У крыльца штаба остановился запылённый мотоциклист. Он спросил о чём-то у часового, быстро взбежал по ступенькам крыльца и скрылся за дверью.

Бойцы насторожились... Но мотоциклист уехал так же быстро и неожиданно, как и появился.

Вася Толмачёв, лёжа на койке, ворчал: — Это всё место виновато: самый, так сказать, дальний бережок. Вот мы и сидим, борщом пробавляемся... Надо заявление писать, проситься куда-нибудь поближе к фронту, а то просидим тут всю войну дачниками...

Пулемётчик Игнат Стеценко отозвался из темноты:

— Ладно! Спи! Будет и нам работа...

И, действительно, на рассвете подняли всех. Необходимо было отбить у противника районный город.

Кожановский сидел в головной машине. За ней на высшей скорости следовали другие. Они проскочили через перелески, миновали городские предместья и, не сбавляя скорости, прорвались в центр города.

Враги в панике заметались по улицам, открыв беспорядочную стрельбу из автоматов и пулемётов.

Бойцы залегли и повели огонь по противнику.

Выдвинувшийся далеко вперёд Вася Толмачёв стрелял по невидимой для других цели, но результаты, как видно, не удовлетворяли его. Он встал и выбежал на середину улицы. В этот момент откуда-то сбоку раздался спокойный голос Кожановского:

— Толмачёв! Назад!

Потом добавил:

— Ты, что же, хочешь врага бить, а сам без надобности на открытое место, под его пули лезешь...

Василий лёг на землю и подполз к Кожановскому:

— Я, товарищ комиссар, миномётчиков снять хотел.

— Знаю. Да не так их снимать надо...

В это время снова заработал вражеский миномёт. Мины, направляемые не-

видимым наблюдателем, начали ложиться всё ближе и ближе.

— Пойдём! — сказал Кожановский Васе.

Прижимаясь к стенам домов, они прошли до перекрёстка. Здесь комиссар лёг на землю и, омянувшись, подозвал Толмачёва.

На маленькой площади, рядом с круглой тумбой для объявлений, стоял миномёт. Трое миномётчиков исправляли наводку и готовили к выстрелу очередные мины.

— Снимешь? — спросил Кожановский Толмачёва.

— А как же! Сниму, товарищ комиссар! — уверенно ответил Вася.

— Смотри, Толмачёв, бей наверняка, не горячись. А то всё дело испортить можно...

Толмачёв выстрелил и... промазал.

Никита Львович молча протянул руку к винтовке Толмачёва. Первым выстрелом он снял наводчика, вторым — выскочившего из-за тумбы офицера и, возвращая Васе винтовку, отполз назад.

— Добивай остальных. И чтобы никого к миномёту не подпускать! Наши в атаку пойдут. Понял?

— Есть! — ответил Василий, лёжа с винтовкой на земле и не спуская пальца с курка.

Вот к миномёту бросился фашистский офицер. Не успел сделать и двух шагов,

как упал, раненный метким выстрелом Василия Толмачёва. Вслед за офицером из-за тумбы показалась каска, надетая на палку. Вася прострелил её и выпустил обойму по тумбе. Каска звякнула о мостовую...

Но на душе у Василия было беспокойно.

«Эх, Вася, Вася! — укорял он сам себя. — Осрамился ты на весь свет... И как это ты промазал, Вася? Как в глаза комиссару смотреть будешь?»

...К вечеру бой окончился.

В городе прочно обосновался краснознамённый полк, присланный сюда на подкрепление.

Краснофлотцы уезжали. Все были возбуждены, делились впечатлениями, пережитым за день.

А Вася сидел в углу машины и молчал.

Сосед Василия, пулемётчик Стеценко, заметивший необычную для Толмачёва молчаливость, участливо спросил:

— Ты что же, Васенька, не ранен ли?

— Нет!

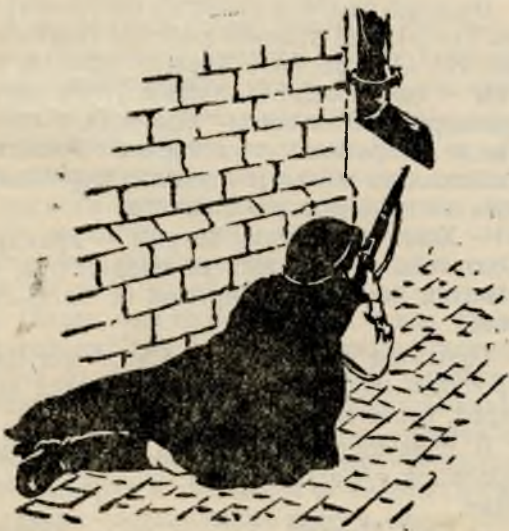
— Затосковал, значит. Братишку, се-стрёнку опять вспомнил, так?

— Нет, не то, Игнат...

— Так чего ж ты скис? Не понимаю!

— Не понимаешь! — с досадой ответил Вася и соврал: — А зубы у человека могут заболеть?

— Зубы?.. Шось болят они у тебя не-

кстати...— И Стеценко, недоверчиво покосившись на Васю, оставил его в покое.

А Вася думал: «Скажет комиссар о моём неудачном выстреле или нет?»

Не видя дороги, не замечая и не слыша сидевших рядом друзей, приехал Василий в часть. Под предлогом зубной боли отказался от ужина.

И даже во сне видел он всё того же фашиста у миномёта: безостановочно стрелял в него, но делал промах за промахом...

На второй день после обеда Кожановский устроил разбор вчерашнего боя. Бойцы расселись на скамейках, на траве, на песке и, слушая комиссара, заново переживали вчерашний бой.

— ...Атакуя врага, мы поднимаемся во весь рост и идём вперёд. Это нужно, товарищи, и это приносит победу. Но если выползешь из укрытия и появишься на совершенно открытом месте, то это может принести не победу, а смерть самому бойцу...

«Ну,— подумал Вася Толмачёв,— теперь ясно: скажет и о моей хвастливости, и о моём промахе. Да и как не сказать!»

— Гораздо лучше,— продолжал комиссар,— поступил боец Толмачёв, когда, метко стреляя из-за укрытия, не подпускал неприятеля к миномёту и помог всем нам без лишних потерь отогнать противника.

Василий Толмачёв ждал упрёка за промах, за что угодно! И вдруг — похвала комиссара, чьё слово дорого всем бойцам части!..

Кончив беседу, комиссар, как бы случайно прошёл мимо Василия Толмачёва.

— Ну, вот мы, Вася, и в бою побывали, и бить научились. Стали оттеснять врага от Ленинграда. Верно? — улыбнулся Никита Львович и, не дожидаясь ответа, отошёл.

Вася не мог скрыть своей радости. Широко улыбаясь, подошёл он к стоявшему рядом пулемётчику Игнату Стеценко.

— Слышал, что про меня комиссар говорил, а? Хорошо говорил! — И Вася весело подмигнул пулемётчику.

Он снял повязку со щеки и стал насвистывать что-то весёлое,— зубы у него больше не болели...

Спас

Двое суток шли бои за село, в котором Василий Толмачёв знал каждую улицу, каждый дом. Сюда приезжал он в летнее время к тётке Наде — маминой сестре. А теперь она в Ленинграде, вместе с его сестричкой и братом. Успела уехать из этих мест, куда вошёл враг. Как они нынче живут там — в осаждённом городе?..

Когда наши войска заняли село, Василий забежал в дом тётки Нади. Он был пуст, необитаем. Василий посидел немного на крыльце, закурил. Вдруг с радостным визгом к нему подбежала собака — тощая, взлохмаченная. Конечно, это был Бас, тёткин пёс, хотя узнать его было трудно.

— Ох, милый! Как же ты исхудал, Бас,— одни рёбра торчат. И как уцелел? — стал наглаживать его Василий, вынул из кармана пару галет, кусочек сахара и отдал псу. В этот день четвероногий друг не отходил от Василия.

— Бедняга, отощал-то как,— заметил командир Кожановский.— Подкормить его надо.

И бойцы охотно его подкармливали. Но недолго длился праздник у Баса. Фашисты после ожесточённой борьбы снова заняли село. Василий хорошо знал местность. Надеюсь выбраться отсюда в вечерних сумерках, он вызвался прикрывать отступление нашей части. С ним в пустом тёткином доме остался и Бас.

Василий долго и успешно отстреливался. Его ручной пулемёт работал безотказно. Но вот во двор вбежал офицер, за ним — двое солдат. Толмачёв успел снять офицера, но солдаты вскочили в сени. После короткой перестрелки Василий выбежал из комнаты и увидел корчившегося на полу рыжего фашиста.

— Хенде хох! (Руки вверх!) — крикнул Толмачёв. Но рыжий не поднял рук, а, схватив винтовку, направил её на Василия.

Толмачёв пригнулся, а в этот миг Бас бросился прямо на врага. Раздался выстрел, и пёс жалобно завизжал.

В следующую секунду Толмачёв расправился с фашистом и бросился к собаке.

— Бас! Милый! Ты что же? — гладил

он собаку и увидел струившуюся из лапы кровь. Но нельзя было терять ни минуты. И Василий, позвав собаку, понёсся через задний двор прямо к лесу. И только в кустарнике Василий отдышался, достал бинт.

Бас перестал визжать и всё время, пока хозяин перевязывал ему лапу, смотрел на него слезящимися глазами.

Ночью, благополучно добравшись до своей части, Василий доложил о выполнении задания и занялся псом.

Бас, спасший ему жизнь, стал для него предметом постоянных забот. Все ухаживали за ним, в особенности Вася и Игнат Стеценко. И всё же пёс охромел, но так приязнался к своему хозяину, что, когда тот уходил из землянки, начинал жалобно скулить и рвался наружу...

* * *

Прошли месяцы, настала весна. Бас привык к окопной жизни и по-своему развлекал бойцов, полюбивших его.

Но вот однажды рота Василия Толмачёва пошла на штурм вражеской высоты «Ремень». Когда после первой атаки бойцы вернулись в блиндажи, Василия с ними не оказалось. Не вернулся он и к вечеру. Кто-то вспомнил о его четвероногом друге.

— Бас! Бас! — стали его звать, но нигде найти не могли. Бойцы совсем приуныли.

— Видать, погиб,—сказал Стеценко — самый молодой пулемётчик.

А печалиться было отчего. Его друг, Вася Толмачёв, остался по ту сторону реки, где окопались враги. Было это так.

Когда стрельба затихла, Толмачёв, легко раненый в ногу, стал отползать к реке и вдруг увидел двух немецких солдат и впереди них женщину с мальчиком лет трёх, которого она вела за руку. На взгорочке, недалеко от куста, один солдат на ходу в спину расстрелял женщину. Падая, она толкнула мальчонку, словно говоря ему: «Уходи отсюда скорее, уходи от этих людей, которые приносят смерть!..» Но мальчик, скатившись вниз, стал карабкаться на взгорок, плача и выкрикивая: «Ма-ма! Ма-му-ся!..» Земля была мокрая и скользкая от талого снега. Мальчик соскальзывал вниз и снова без-

успешно пытался взобраться наверх, к матери. А солдаты смотрели и громко смеялись. Затем тот, что убил женщину, крикнул другому:

— Хелф им, Томас! (Помоги ему, Томас!).

Тогда солдат, всё ещё хохоча, поднял автомат и выпустил очередь в мальчишку.

Василий знал: вряд ли ему удастся отсюда выбраться, если он обнаружит себя, но он не мог стерпеть этой необузданной жестокости фашистов и, прицелившись, скошил убийцу. Следующим выстрелом он ранил второго солдата, попытался встать и побежать к реке, но автоматной очередью был сбит с ног и покатился куда-то вниз...

Очнулся Василий в воронке от снаряда и увидел над собой раскрытую пасть. «Волк!» — подумал он, но не в силах был сделать ни одного движения и снова потерял сознание...

...Прошли сутки, но в части ничего не знали о Васе. Исчез и Бас. Вдруг под вечер у блиндажа кто-то заскрёбся, повизгивая и приглушённо лая. Это был Бас.

Его стали угощать консервами, печеньем, сахаром. Слюна обильно сочилась у него изо рта, но к еде он не прикасался, а беспрерывно визжал и, хватая то одного, то другого бойца за ноги, тащил к выходу.

Бойцы не понимали: в чём дело, почему Бас не ест?

— Бас! Поешь, милый, сахарку! Ну, ты ж сладкоежка. Ну, поешь, поешь! — уговаривали бойцы. Но он не ел и продолжал тянуть всех к выходу.

Тогда Стеценко погладил пса и сказал:

— Он это, хлопцы, не зря за ноги нас хватает. Понимать треба! Что-то, видать, есть у него на уме. Собака — это вам не какой-нибудь подлый фашист. Она и дружбу понимает, и по-людски разумеет может...

Стеценко и ещё двое бойцов пошли к командиру, рассказали о странном поведении собаки, и командир разрешил им пойти с Басом на розыски.

Выбежав из траншеи, Бас кинулся вперёд, к речке. За ним поползли бойцы.

Так добрались они до реки. Дальше, за рекой, была полоса «ничейной» земли.

Пёс бросился в воду и поплыл, огля-

дываясь на бойцов. Бойцы не знали, как поступить. Речка здесь мелкая, но место хорошо пристреляно врагами.

Бойцы стали совещаться и вдруг увидели, что Бас вернулся. Выскочив из воды, он приблизился к ним, завизжал, запрыгал и снова бросился в воду, словно приглашая бойцов следовать его примеру.

— Який розум у собаки! — восторженно произнёс Игнат Стеценко. — Видать, она не даром нас туды тягне!

И, подумав, он добавил:

— От шо, хлопци: спробую я перейти через ричку, а вы тут наготове будьте...

И Стеценко полез в воду.

Перейдя речку, на самом берегу он сразу заметил Василия Толмачёва. Тот, видимо, был тяжело ранен и лежал без сознания. А Бас, вцепившись зубами в его гимнастёрку, стал тащить его к самой реке...

И вот, когда тяжело раненого в ногу Васю Толмачёва принесли в блиндаж и он пришёл в себя, то рассказал, что это Бас подтянул его к реке. Он тащил его и днём и ночью, выбиваясь из сил, и не оставлял его до тех пор, пока не приволок к самому берегу. И только там, не имея возможности перенести его через реку, перебрался на наш берег — за помощью...

С тех пор бойцы ещё больше полюбили Баса. А Стеценко предложил для него новое имя.

— Для такого благородного животного, — сказал он, — другое имя придумать треба. Пускай его зовут не Бас, а Спас.

Бойцы согласились. А пёс скоро привык к своему новому имени. И если бойцы его спрашивали: «Спас! Хочешь сахару?», он быстро прибежал на зов и нетерпеливо подпрыгивал, ожидая угощения...

Но когда раненого Васю Толмачёва понесли на носилках к машине, чтобы отправить в ленинградский госпиталь, Спас завизжал и бросился вслед за своим другом. С трудом удалось Игнату Стеценко вернуть Спаса с дороги. А Василий вдруг вспомнил плачущего мальчика, которого пристрелил немецкий солдат, и подумал, что прав Игнат: «Собака — не фашист. Она и дружбу понимает, и по-людски разуметь может...»

В госпитале

В красном уголке госпиталя былолюдно. Раненые — бойцы и командиры — собрались сюда слушать писателей, смотреть выступления артистов.

Миша Корольков, в больничном халате, с перевязанной рукой, внешне почти ничем не отличался от других раненых — взрослых. Он гордился тем, что находится среди них, проливших свою кровь за Ленинград, за Родину. Он радовался, что был тоже с ними, с этими людьми, о которых со сцены говорил поэт:

Пусть пройдут года, десятилетия,
Но отважных воинов родных
Будут чтить и помнить наши дети,
Наши внуки будут петь о них!

Миша хотел поаплодировать автору, но вспомнил, что у него повреждена рука, и с завистью посмотрел на соседа, который громко и щедро хлопал в ладоши.

У соседа было скуластое лицо с крупным подбородком. И Мише показалось, что лицо это ему давно знакомо. И всё же Миша не знал этого раненого бойца, сидевшего с ним бок-о-бок...

Концерт продолжался. Выступали поэты, рассказчики, баянисты, певцы, танцоры.

— Здорово пляшет! — обратился к Мише его сосед, кивком головы указывая на танцора, исполнявшего украинскую пляску — гопака. — Любил же я плясать, да теперь, может, больше не придётся, — доба-

вил он, глядя на костыли, что стояли рядом.

И Мише снова почудилось, что и голос соседа он раньше слышал. Но где?.. Нет, они не встречались. Сосед был очень похож на... На кого?..

Концерт был в разгаре, когда в красный уголок вошли Мишины друзья. Вот они остановились и сели возле двери у самого входа. Их, дежуривших на крыше госпиталя во время ночной тревоги, пригласил сюда сам политрук Полупенко, и ребята приняли это приглашение с большой радостью.

Ещё бы! Ведь Василия Ивановича Полупенко любили и уважали в госпитале все: и раненые, и сотрудники. Сколько раз ребята видели с каким удовольствием раненые слушали беседы Василия Ивановича. Обо всём он говорил просто, понятно и с увлечением, а добрая широкая улыбка никогда не сходила с его круглого и веснушчатого лица.

Он со всеми умел ладить. Помнится такой случай. В госпиталь привезли тяжело раненого в руку бойца. Его нужно было срочно оперировать — отнять руку. Но раненый противился этому. «Мне, — категорически заявил он, — рука нужна,

очень нужна! Я должен отплатить врагам за смерть братишки, за всё!..» Тогда главный врач обратился к политруку Полупенко и говорит: «Василий Иванович! Вы как бывший педагог сумеете убедить

раненого, что операция необходима и... словом, сами знаете...» И, действительно, после беседы раненый успокоился и согласился с врачами... Операция сласла ему жизнь...

Много, много примеров того, как уважают в госпитале политрука, встает в памяти, поэтому приглашение Василия Ивановича ребята считали для себя большой наградой.

Миша смотрел на своих друзей и сожалел, что они не привели с собой Тоню Толмачёву. Пусть бы тоже концерт послушала...

Особенно пожалел Миша об отсутствии Тони, когда после концерта на сцену вышел политрук и сказал:

— А теперь мы приступим к премированию наших молодых дружинников госпиталя.

Василий Иванович вынул из кармана листок бумаги и стал выкликать по списку:

— Еремеев!

— Здесь!—ответил Володя.

— Корольков!

— Здесь!—ответил с дрожью в голосе Миша, поглядывая на своего соседа; но тот весело подмигнул ему, дескать, не робей, парень!

— Толмачёв!—снова выкрикнул политрук Полупенко и глянул в зал.

— Здесь!—ответило сразу двое из разных концов зала. Один из тех, кто отозвался, был Мишин сосед. Он недоумевающе посмотрел в сторону двери, откуда донёсся второй голос, и, краснея от волнения, тихо произнёс:

— Не Стёпка ли?..

— Прошу, товарищи, пройти сюда,— продолжал Василий Иванович.

Миша Корольков поднялся и стал пробираться к сцене, поглядывая на своего соседа. Но тот, опираясь на костыль, вытянул вперёд голову и напряжённо всматривался в кого-то.

Политрук Полупенко вручил подарок «За смелость и отвагу, проявленные при охране госпиталя во время ночного воздушного налёта врага» сначала Мише Королькову. При этом он добавил:

— Поступок Миши Королькова достоин того, чтобы он был отмечен большой наградой. Это боевой подвиг!..

«Жаль, что Тоня этого не слышит...»— снова с досадой подумал Миша, но успокоился на том, что Стёпа, её брат, видимо, расскажет ей обо всём, как тут его отмечали перед всеми бойцами госпиталя...

Очередь дошла до Стёпы Толмачёва. Он поднялся на сцену, получил подарок и вдруг быстро соскочил вниз. Возле сцены, опираясь на костыль, стоял Мишин сосед. Он протянул Стёпе руку и дрогнувшим голосом произнёс:

— Стёпушка!.. Братенник!

Стёпа словно остолбенел, но уже через секунду бросился к брату:

— Вася!.. Вась...

Он прижался к брату, уронил голову ему на грудь и вдруг громко заплакал.

В зале притихли.

Только минуту назад раненые горячо аплодировали, радуясь этой неожидан-

ной встрече двух братьев — двух защитников родного города Ленина. А теперь все сразу приумолкли, услышав плач подростка.

Старший брат сказал:

— Ты это зря, Стёпа... Тебя вон как отмечают, как бойца, а ты — в слёзы...

— Вася, так я же... у нас...—начал было Стёпа, но так и не мог закончить.

— Ну, говори, что случилось?—забеспокоился Василий. — Я три дня как прибыл сюда. Просил сестричку сходить к нам, узнать, как живёте. А ты и сам объявился... Пойдём сядем, расскажешь мне всё.

Стёпа вытер слёзы, выпрямился и, всхлипывая, тихо, но внятно ответил:

— Теперь мы тут... с Тоней...одни... остались. Тётя Надя... умерла.

Они сели на стулья. Кругом было тихо. Раненые осторожно поднимались с мест и уходили из красного уголка, расстроенные и полные нерадостных мыслей о своих родных и близких, о судьбе которых трудно узнать в дни такой войны...

Братья сидели несколько минут молча. Но вот подошёл и подсел к ним политрук Василий Иванович, взял за плечо Стёпу и просто, от всего сердца сказал:

— Да, тяжело, хлопцы! Но унывать,— значит, врага радовать. А мы его лупцевать должны! И мы будем, будем его лупцевать, аж кости затрещат!..

Он поправил пальцами длинные «казачки» усы и продолжал:

— А пока тяжело, хлопчики... Но и о том подумать надо: нелегко было и отцам революцию делать. Знали бы вы, чего стоило воли добиться! Помню, в первый класс ходил я, когда меня в лесу на маёвке полицейские нагайками исполосовали. А потом батьку моего в тюрьму посадили за то, что большевиком был. В тюрьме он и помер, перед самой революцией. А мать я и не знал, давно она скончалась. Куда мне деваться? Спасибо, сосед наш — одинокий дед Юхим взял меня к себе, кормил, одевал. Душа-человек был. Но вот в гражданскую войну и его не стало: пришли беяки-деникинцы и на моих глазах расстреляли за то, что раненого партизана у себя прятал... Это, хлопчики, скоро можно рассказать, а чего только не испытаешь в жизни!

Василий Иванович вздохнул, глянул на Стёпу и сказал:

— Вот и у меня такой же, как ты, на Украине остался, в ремесленном училище. Знать бы, где он нынче! К немцам ли попал, в партизаны ли ушёл?.. Может, и в живых-то его нету...

Стёпа слушал Василия Ивановича, и своё личное горе уже не казалось ему таким тяжким.

— Что ж, тёзка,— обратился политрук к Василию Толмачёву,— пора братишке твоему, Степану, домой собираться, поздний час. Завтра снова встретитесь, наговоритесь, хлопчики...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЕРОИЧЕСКИЕ БУДНИ

Бабушка

Володя Еремеев сидел на краю бабушкиной постели и, прислушиваясь к артиллерийской канонаде, то и дело повторял вслух:

— Это бьют кронштадтские, наши...

А затем тише, чтоб бабушка не слышала, добавлял:

— А это немцы...

За время войны слух у Володи обострился, и он научился различать: стреляют ли по городу или из города. Но бабушка боится стрельбы. Её квартиру на Петроградской стороне разбило снарядом. Бабушку тоже поранило осколком. И вот она теперь больная лежит на Володиной кровати и при каждом выстреле стонет и крестится.

— Сохрани нас, господи!— шепчет она, и глаза её становятся просящими, как у нищего. Володя не любил эти глаза. Он любил настоящие бабушкины глаза— светлые, добрые, весёлые. Потому, быть может, он и хотел успокоить бабушку и при каждом выстреле повторял вслух:

— Это бьют наши, кронштадтские...

Бабушка, видимо, успокаивалась, так как переставала креститься, и, приподымаясь на локти, смотрела в заколоченное досками окно, приговаривая:

— Так их, так их, псов поганых, гоните их со двора нашего, родненькие мои... Глаза у бабушки менялись, они стано-

вились ласковыми. И Володя был доволен. Он вставал и, как это делал отец, засунув руки в карманы пиджака, расхаживал по комнате.

— Нам, бабушка, бояться нечего,— говорил он как взрослый ребёнку.— У нас в Кронштадте такие пушки есть, что за сто километров стреляют и попадают в самую точку, куда надо. И самолёты у нас хорошие. Вчера отец мне сказал, что самолёты и пушки у нас лучше, чем у них. И вообще, бабушка, фашистам всё равно будет капут, вот увидишь...

— Правда, миленький, правда,— уже совсем успокоенная отвечала бабушка, но тут же виновато добавляла:— А вот, когда бухают пушки, мне как-то страшновато... да, страшновато...

Бабушка о чём-то задумывалась и засыпала... Вот и сейчас она заснула, и Володя свободен. Теперь он может уйти по своим делам. А дел у него много: надо сходить и проверить— есть ли в бомбоубежище кипячёная вода, в порядке ли аптечка, на месте ли дежурные, осмотреть чердаки и, наконец, сходить в булочную за хлебом.

Тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить бабушку, вышел Володя из комнаты. Быстро сбежал он с четвёртого этажа по лестнице вниз.

Вечерело. Сумерки окутывали здания. У ворот на дежурстве стоял старик с бородой, из шестнадцатой квартиры.

— Здравствуйте, Матвей Яковлевич! Как у вас сегодня дежурство проходит? Всё в порядке?

— Здравия желаю нашему начальнику,— улыбаясь, ответил старик.— Я, как старый солдат, привык к порядку,— всё с той же улыбкой продолжал он.— Дозвольте доложить: никаких чрезвычайных происшествий за время моего дежурства во вверенном мне объекте не произошло.— Затем, перейдя на более дружественный тон, спросил:— А как бабушка поживает?

— Ничего,— ответил Володя,— бабушка поправляется, только...— Володя хотел сказать, что бабушка канонады боится, но ему стыдно стало за неё, и он, помедлив, закончил:— Только не ложится ей. «Пойду, говорит, я на улицу да подежурю у ворот. Вот, говорит, Матвей Яковлевич, какой старик, а дежурит. Чем

я хуже...» У меня, Матвей Яковлевич, бабушка, что надо, ничего не боится...

В это время снаряд со свистом пролетел над домом и, разорвавшись где-то за углом, поднял кверху груды асфальта, который, измельчённый, полетел вниз, на крыши и тротуар. Старик увлѣк за собой Володю под арку ворот и, словно ничего не произошло, продолжал разговор:

— Твоя бабушка права. Зачем бояться? Если бояться, то разве станет легче? Нет, наоборот, станет тяжелее. Она молодец, твоя бабушка.

Володе было приятно, что хвалят его бабушку. Но ему надо было спешить, у него ещё много дел впереди. Надо, пожалуй, сначала сходить за хлебом и заодно посмотреть, где упал снаряд.

— Ну, Матвей Яковлевич, я пошёл в булочную, скоро вернусь,— сказал Володя и вышел из-под арки на улицу. Он пересѣк дорогу, повернул налево и очутился на Литейном проспекте. Тут он увидел большую воронку, выбитую дальнобойным снарядом. Милиционер наводил порядок, то и дело обращаясь к собравшейся публике:

— Граждане, прошу разойтись. Сейчас аварийная бригада придет, а вы тут скопились. Прошу разойтись...

Володя прошѣл дальше. «И зачем, — подумал он,— люди толпятся?» Он снова пересѣк улицу и пошёл к булочной. Но хлеба в булочной не оказалось. «Хлеб будет через час»,— сказали ему. И Володя пошёл дальше, в следующую булочную. Там хлеб был, и очередь небольшая. Володя стал в «хвост». Незаметно продвинулся к прилавку. Он уже начал доставать хлебные карточки из кармана, как вдруг услышал сигнал воздушной тревоги. Не задумываясь, Володя выскочил из магазина. Улица была почти пустынной. Милиционеры указывали проходим места укрытия от бомб, дворники и дежурные стояли у ворот, помогая милиционерам. Но Володя бежал домой, нарушая всякие правила. Милиционеры свистели, останавливали его, но Володя, оправдываясь, объяснял:

— Товарищ милиционер, у меня там бабушка большая одна осталась. Мне близко. Вот тут, сразу за углом мой дом. Товарищ милиционер...

Но милиционер и слушать не хотел.

— Заходи под ворота да скорей в бомбоубежище! Что ты, порядков не знаешь, что ли? А ещё пионер, с красным галстуком... Дисциплина где? Ну, быстро!

Володя пошёл к ближайшим воротам, но, когда милиционер отвернулся, снова бросился бежать домой. «Нельзя же мне, в самом деле,— оправдывал он себя,— оставить бабушку во время тревоги без всякой помощи».

И мальчик, не обращая внимания на милицейские свистки и на воюющие бомбы, помчался дальше. Добежав до своей улицы, Володя увидел: дом его горит.

Ещё быстрее понёсся он к дому, вскопчил во двор и за несколько секунд поднялся по лестнице на четвёртый этаж.

В полутёмном коридоре постоял он несколько мгновений в нерешительности: зайти ли ему сначала к бабушке или повернуть на чердак. Но видя, что пожар их квартире пока не угрожает, бросился к чердаку. На чердаке было светло от пожара, и Володя сразу увидел Матвея Яковлевича. С лопатой в руках он стоял у окна. На лопате лежала зажигательная бомба. Быстрым рывком выбросил он бомбу из окна во двор. Другие люди, различить которых сразу не удалось, ломали горящую крышу.

Володя бросился к чердачному окну и выскочил на крышу.

— Товарищ начальник,— услышал он за собой шустрый и вместе с тем встревоженный голос Матвея Яковлевича,— разве так можно? Куда полез, там вся крыша горит!

И, действительно, крыша во многих местах горела.

Вдруг мальчик заметил вблизи себя зажигательную бомбу, застрявшую в кровельном железе. Но лома под руками не было, а медлить нельзя. И он, схватив бомбу, как его учили в кружке, вырвал её голыми руками, затем ногою сбросил с крыши. Володя обжѣг руки, но не заметил этого. Он вернулся на чердак и вместе со всеми стал тушить пожар.

Кто-то уже успел подвести к самой крыше пожарный рукав, и мальчик стал направлять струю воды поверх огня, как заправский пожарник.

Володе показалось, что пожарный рукав подала ему бабушка, но, обернув-

шись, он уже никого возле себя не заметил.

Вскоре огонь пошёл на убыль. Люди стали расходиться. Юный пожарник устал, почувствовал боль в руке... Вытерев рукавом пот со лба и осмотрев обгорелую почерневшую крышу, он вдруг заторопился—вспомнил о бабушке и быстро пошёл к выходу.

И тут, у выхода из чердака, кто-то тронул мальчика за рукав:

— погоди, Володенька...

Он оглянулся и увидел бабушку и Матвея Яковлевича. Пальто бабушкино было во многих местах прожжёно, как и шуба Матвея Яковлевича.

«Значит, и она тут была,—подумал удивлённый Володя.—И она, больная, пришла помогать тушить пожар... Неужели не побоялась?»

Но прожжённое пальто не оставляло никаких сомнений. Да, его бабушка пришла сюда, не побоялась!

— Что это у тебя, родненький, руку обжог? — спросила ласково бабушка.

— Пустяки,—ответил смущённый и растерявшийся Володя.—Ты, небось, устала. Пойдём домой.

Он пропустил вперёд бабушку и, обернувшись к Матвею Яковлевичу, с гордостью прошептал ему на ухо:

— А что, Матвей Яковлевич, правду я говорил,—моя бабушка ничего не боится. Она у меня—что надо, боевая...

И, подмигнув старику, быстро зашагал по коридору.

Воскресник

Апрельское солнце почти не грело.

Ледяными лапами зима охватила город и цепко держалась за каждый камень и куст. Но всё же в воздухе уже чувствовалось дыхание приближающейся весны. К полудню подтаивал снег на крышах, на солнечной стороне, на улицах и во дворах появились старательно укутанные дети. Дети и старики с особым нетерпением ждали прихода весны и тепла...

Но тепла не было. Весна запаздывала, и в квартирах царствовал холод.

В нашем доме был детский сад. Здесь тоже не топили несколько дней, дети спали в одежде.

Об этом узнали старшие ребята, жившие в доме. И вот однажды собрались они на лестничной площадке и стали решать вопрос: как достать дрова для детского сада?

Тоня Толмачёва предложила пойти по квартирам и просить по полену.

— Конечно,—сказала она,—каждый знает, что в садике живут дети фронтовиков. Никто не откажет. Тут только надо суметь хорошо объяснить...

Но кто-то из ребят возразил:

— Дать-то дадут, да ненадолго этих дров хватит. Надо достать побольше.

— Пока надо на раз,—поддержал Тоню Володя Еремеев,—а потом мы добудем, сколько надо.

— Добудем,—иронически вставил всё тот-же парнишка.—Сам, небось, в холоде сидишь...

— Ну и что ж? Сам в холоде, а для такого дела добудем... И всё будет нормально!—заявил Еремеев тоном, не допускающим возражения.—Надо только, чтобы не поленились,—и дрова будут,—добавил он.

* * *

К вечеру Володя обошёл всех своих друзей, но никого не застал дома, а от Тони Толмачёвой узнал, что Стёпа уехал на лесозаготовки. Приедет не раньше, чем через две недели.

Настроение у паренька испортилось. Он повернул домой, но у самых ворот встретил Мишу Королькова...

— Хотел уже уходить,— сказал Миша. — Прощаться с тобой пришёл...

— И ты на лесозаготовки?.. Сговорились с Толмачёвым?

— Да нет...— Миша покраснел.— Мать... с заводом, значит... эвакуируют... Завтра, собираться надо... уезжать будем...

— Выходит, расстаёмся?.. — с чуть заметной дрожью в голосе спросил Володя.

Миша поближе подошёл к нему и тихо, словно он в чём-то виновен, сказал:

— Понимаешь... с заводом... Нужно это, чтобы оружие было... Потому и едем...

— А я к тебе за делом шёл, — сказал приглушённо Володя.— Посоветоваться хотел...

— О чём же?

— Да так, дело...

— Ну, какое же?

— Теперь уже не надо... Было одно дело...

— Вот зарядил: «дело, дело». Ты толком рассказывай, не крути...

Володя пошёл рядом с Мишей и рассказал ему о детском саде, о дровах и о своём плане.

— Я уже договорился с бригадиром из нашего дома, Митрофаном Алексеевичем. Высокий такой, ну, которого мы «дядей Стёпой» зовём. Так вот он со своей бригадой нынче на Моховой работает, в домах, что недавно разбомбило. Мы ему помогать будем раскапывать, а он нам за это для детского сада досок, брёвен даст. Плохо только, что ребята наши уехали. Вот и ты уезжаешь... А у нас во дворе, кроме меня, только двое и смогут, а то всё малышня...

Миша выслушал до конца и спросил:

— А когда вы туда работать пойдёте?

— Когда же, завтра и пойдём!

— Выходит, субботник устраиваете?

— Воскресник. Завтра воскресенье...

— Ну, да это всё равно...

Миша задумался.

— Ладно,— сказал он,— с тобой не прощаюсь. Ещё встретимся до отъезда... Мне ехать вечером...

И он ушёл.

Еремеев остался один у своих ворот на потемневшей улице. Он долго смотрел Королькову вслед, пока тот не свернул за угол.

Трудно было Володе Еремееву расстаться с другом.

* * *

На следующий день Володя проснулся рано, оделся потеплее и собрался уходить.

— Ты куда же это, Володенька, в такую рань?— спросила его бабушка.

— На воскресник,— нехотя ответил Володя,— работать будем... Дрова для детского сада зарабатывать...

— Где же это, миленький, вы работать-то будете?— заинтересовалась бабушка.

— На Моховой, у Митрофана Алексеевича...

— Ага. Так, так... Потеплее оденься. Да вот шарф отцовский надень...

— Ладно, бабушка.— Обмотался шарфом и пошёл во двор. Там его уже ждала Тоня Толмачёва. Затем пришли ещё трое...

Митрофан Алексеевич встретил ребят шуточкой.

— Вот и моя бригада явилась. Ну что ж, принимайтесь за работу...

Он роздал лопаты, ломы, и работа началась.

Горячо взялись ребята за дело. Из груды обломков вытаскивали уцелевшие кирпичи и складывали их во дворе квадратной башенкой, выкапывали из-под щебня обгорелые доски и расколовшиеся балки. Незаметно проходило время... От усталости заныли суставы...

— Отдохните малость, товарищи ударники,— сказал Митрофан Алексеевич, и ребята пошли в дровяник.

Не успели ребята разместиться на брёвнах, как раскрылась дверь и в дровяник вскопился Миша Корольков.

— Еле вас разыскал,— сказал он, запыхавшись.

Володя никак не ожидал увидеть здесь Мишу и был рад встрече.

— Ты же уезжаешь, — сказал он. — Сегодня уезжаешь, да?

— Сегодня! — ответил Миша.

— Зачем же ты пришёл? Тебе в дорогу готовиться надо...

— А что мне готовиться? У меня до вечера вон ещё сколько времени. Я пришёл попрощаться. — Миша посмотрел на Тоню, потом подсел к Володе. — Вы же остаётесь в Ленинграде, вам трудней... На прощанье с вами поработаю...

Глаза у Володи заблестели...

«Эх, Миша, друг!.. Молодец, Миша!» — хотел он сказать, но ничего не сказал, а только крепко пожал товарищу руку...

* * *

Когда закончили работу, Володя забеспокоился:

— Что же это мы, ребята, салазок не взяли? Как же теперь дрова перевозить будем? Миша, Тоня, пошли за салазками!

Они втроём выбежали со двора и у самых ворот увидели Матвея Яковлевича, Володину бабушку и заведующую детсадом. Все они стояли с саночками и, видимо, дожидались ребят.

— Здравия желаю, товарищ начальник! — сказал Матвей Яковлевич, улыбаясь. — Лошади прибыли. Грузчики тоже. Транспорт в полной готовности. Разрешите грузить?..

Отец

— Жить надо с толком, — часто говорил отец.

Володя любил слушать его, в особенности, когда тот рассказывал о своём отце и деде — о «потомственных токарях Еремеевых».

Отец с тех пор, как с голоду слёг, часто и подолгу беседовал с Володей. И всё об одном:

— На завод сходи, Володя, делу там научишься, за мой станок станешь... Плох я... Видно, не дотяну. А ты молодой, жизни в тебе много. Сходи, говорю, на завод. Я уже договорился с Иваном Ивановичем. Толковый мужик, слушайся его. Он и меня в люди выводил. Чудит порою, но это от годов, стар... Ты на него не обижайся.

Рассказывая о своей профессии, отец так увлекался, что даже забывал о болезнях.

— Наше токарное дело уменья требует и охоты. Вот берёшь ты кусок металла и начинаешь его резцом обтачивать. Смотришь потом и сам удивляешься, какие красивые вещи из того куска получаются.

Володе нравились эти рассказы отца, и он решил пойти на завод.

Иван Иванович, действительно, оказался, хоть и ворчливым, но хорошим стариком. С каждым днём Володя Еремеев всё больше и больше разбирался в тонкостях токарного дела. Он радовался своему малейшему успеху. Но самое приятное ожидало дома.

Отец подробно расспрашивал его: на какой работе был, сколько деталей сделал, как затачивал резцы? Советовал, как лучше выполнить ту или иную операцию, и всегда похваливал:

— Хорошо у тебя дело идёт. Кровь в тебе наша, горячая... И голова смекалистая. Делу научишься — всегда в почёте будешь...

Сидели долго. Слушали последние известия по радио и только после этого ложились спать.

Утром Володя вставал раньше всех, затапливал печь.

Просыпался и отец. Лёжа в постели, слушал сведку по радио, затем спрашивал:

— Правда ли, говорят, трамваи уже пошли?

— Пошли, — отвечал Володя и собирался на завод.

— Нехорошо это, дома теперь лежать, — говорил отец сыну и добавлял: — Вот чуть ноги мои задвигаются, и я с тобой.

* * *

Отцу становилось легче. Он уже ходил по комнате.

Сын увидел, обрадовался. Но на душе у него было беспокойно. Уже несколько дней приходил он домой грустный, озабоченный.

Отец заметил эту перемену и, наконец, спросил:

— Давай, сынок, начистоту: что случилось?

Володе понравилось, что отец спросил его прямо, как товарища, и охотно рассказал:

— Поставили меня на другой станок... и на другую операцию... Четвёртый день ничего сделать не могу... Норму даже не выполняю... Мне уж и Иван Иванович помогал, советовал, а я, что дубина,— ни с места...

— Та-ак,— медленно произнёс отец,— понятно...

В этот вечер они снова разговорились и долго не ложились спать.

Утром Володя проснулся позднее обычного. Не зажигая коптилки, быстро собрался и, выбежав на улицу, поскорее вскочил в трамвай.

— Эх, чёрт побери, отца даже не видел,— досадовал Володя.— Чуть не проспал...

И снова он подумал о своём станке, о новой, трудной детали.

— Сегодня обязательно выполню норму,— решил молодой токарь.— Попробую, как отец мне советовал, обтачивать кольца на оправке, по несколько штук сразу.

На завод Володя пришёл к самому началу работы. Когда вошёл в цех, увидел, что около его станка возится какой-то человек.

Володя перескочил через кучу деталей и быстро зашагал к своему станку. Но уже издали, по согнутой спине, по резким движениям рук и по другим мелким, трудно объяснимым признакам, он узнал этого человека.

То был отец...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что было дальше

Весна всё же победила жестокую зиму. Солнце растапливало обильно выпавшие снега. Захламлённый за зиму город нужно было очистить и привести в порядок. И снова ленинградские ребята вышли на помощь своим матерям и старшим сёстрам и братьям.

На расчистку разрушенных зданий, улиц и площадей выходили в первую очередь те, кто не был занят на заводах и фабриках. Среди них, конечно, были и

наши знакомые: Матвей Яковлевич и Володина бабушка, дворничиха Васюткина и Тоня Толмачёва. Бывал с ними и Володя Еремеев, но реже: ведь он работал с отцом на заводе, он стал настоящим токарем!

Остался в Ленинграде и Стёпин брат, Василий Толмачёв. После операции нога у него не сгибалась, и пришлось ему остаться дома, с Тоней, которая по-прежнему помогала няням в детском саду. А Стёпа?..

Куда девался Стёпа?

Когда Стёпа Толмачёв узнал о том, что Василий не сможет вернуться в строй защитников Родины, он твёрдо решил пойти на фронт — заменить брата. Но как это сделать, если он ещё и паспорта не имеет?..

Стёпе было досадно, что он не успел получить паспорт. Ведь ему недавно шестнадцать исполнилось!.. Стёпе казалось, что, будь у него паспорт, он сумел бы уговорить командира взять его в часть, а потом и на деле доказать чего он стоит!..

Но всё это мечта. Не помог ему и госпитальный политрук Василий Иванович Полупенко. Он сказал:

— Это, хлопец, хорошо, что сердце у тебя горячее, но погоди — и на твою долю героических дел хватит...

Однако это не могло успокоить Стёпу. И он решил: «С Тоней останется Василий, значит, мне можно уйти на лесозаготовки. Сказал же товарищ Полупенко, что это очень важная работа... А там и на Карельский перешеек — к партизанам. Уж они-то меня обязаны принять!»

Так и сделал. Партизанам сказал, что нет у него в Ленинграде ни отца, ни матери (и правда) и что хочет он отомстить за брата.

Взял его в свой отряд «командир И» — молодой партизан, у которого не было кисти левой руки. Говорили, что он ещё недавно служил в морской пехоте, но мины ему оторвало кисть. Тогда он организовал отряд и стал действовать по тылам противника.

Стёпу Толмачёва командир встретил в лесу, возвращаясь на свою базу после

удачного разгрома вражеского патруля и захвата обоза. Беседуя с юным партизаном, он сказал:

— Подожди, подожди, Толмачёв!.. А как твоего брата зовут?

— Василий, — ответил Стёпа и увидел, как командир переменился в лице и стал внимательно разглядывать его.

— Василий!.. Недаром я сразу, как только тебя увидел, подумал: что-то знакомое лицо... Здорово же ты, Стёпа, на своего брата похож! Это же мой лучший друг по армии, — сказал командир, затем, помолчав, тихо добавил: — В нашем деле, хлопец, всякое бывает... И если убьют меня, ты Василию обязательно привет передай от Игната, от пулемётчика Игната Стеценко...

Эшелон уходит на Урал

Это был последний рейс наших машин по льду Ладожского озера — по «дороге жизни», связывавшей блокированный Ленинград со всей страной. Враги обстре-

ливали дорогу. Пригревало солнце, — на льду появилась вода.

С трудом завершила свой путь автоколонна. Люди вышли из машин — усталые, измождённые. Они стали устраиваться в пустых товарных вагонах.

В комнатке с надписью «эвакопункт» было холодно, на полу вповалку лежали люди. Это были больные. Их не успевали уносить на носилках в госпиталь.

Тут были и ремесленники — одни, без отцов и матерей. «Мне повезло. Со мной мама едет», — подумал Миша Корольков, жадно доедая тёплую похлёбку, которую мать принесла из столовой эвакопункта.

Через несколько часов к составу подцепили паровоз. Без гудка двинулся он вперёд и потащил за собой вагоны с людьми и заводским оборудованием. Где-то громыхала артиллерия, но с каждым часом стрельба становилась менее слышимой, а на второй день и вовсе заглохла.

Миша Корольков мысленно попрощался с любимым городом, с друзьями. Он уезжает всё дальше и дальше от фронта. Эшелон уходил на Урал...

Томина книжка

Нарисован на обложке
Бурый Мишка...
Тома выбрала в киоске
Эту книжку.

Книжкам всем с такой, пожалуй,
Не сравниться:
В ней зверей и птиц немало
На страницах.

Быстро Тома побежала
Тротуаром.
Книжку бережно держала,
Как подарок.

Длинной кажется до дома
Путь-дорожка.
Почитать решила Тома,
Хоть немножко.

До конца не дочитала
Даже строчки—
Оступилась и упала
На мосточке.

Утонула в луже книжка,
Так обидно!
На обложке только Мишкин
Хвостик видно.

Говорит Тамаре Тая:
— Очень плохо.
На ходу разве читают?
Нетерпёха!

Звонко-звонко зазвонил
Телефон.
Как не вовремя звонит
Нынче он:

Только кукла засыпать
Начала,
Только Маша принялась
За дела.

Папы, мамы дома нет —
Вот печаль.
Кто же будет на звонки
Отвечать?

Телефон чуть помолчал,
Отдохнул —
И ещё длиннее трель
Затянул.

Маша к стенке тихо стул
Поднесла.
С трубкой строгий разговор
Повела:

— Попрошу не нарушать
Тишину.
Дайте кукле на часочек
Уснуть.

Петр Горбунов

ЦЕПЬ НАШЕЙ КНИЖКИ

Интересная мысль

Сегодня нам опять не повезло. Юрик Шитов так зафутболил мяч, что угодил в окно тёти Луши.

Стекло, конечно, разлетелось вдребезги. И такой звон раздался во дворе, будто сразу полопались стёкла в окнах всего нижнего этажа. Хорошо, что тётя Луши дома нет (она эту неделю работает в первую смену), а то бы такой шум поднялся — хлеще звона!

После «классического» удара Юрки игру мы, конечно, прекратили. Хотя и жалко нам расставаться с мячом, и счёт был в нашу пользу, обещая полное поражение противников — «геофизиков», но что сделаешь?

Виноваты во всём строители. Домину отгрохали громадную, в четыре этажа, а двор — как пяточок. Куда ни повернёшься, кругом «запретные зоны»: там бельё висит, в другом углу — дрова, в третьем — канава для водопровода прорыта, того и гляди свалишься в неё. Где уж тут до настоящего футбольного поля!

Когда мы разбили оконное стекло и собрались за дровяниками, — мы часто там собираемся, — Миша Струков потёр облупленный нос и предложил пойти играть к «геофизикам».

— У них и двор больше, можно настоящие ворота поставить, — доказывал он.

Дом «геофизиков» тоже большой, даже чуточку на наш похож, только в на-

шем живут работники типографии, а в их — все из геологического управления. Вот мы и зовём ребят «геофизиками».

Но «геофизики» не согласились.

Напрашиваться к ним мы не стали. Не хотят, чтобы мы поиграли в их дворе, — не надо! Правда, Юрик вначале стал уговаривать, но в разговор вмешался Лёшка из двадцать первой квартиры:

— Раз не хотите, — сказал он, — чтобы мы шли к вам, выметайтесь отсюда.

«Геофизики» обиделись.

Мы с Юриком и Галей Жук заступились за них: нельзя же поступать так грубо. Но Лёшку поддержал Миша Струков, и «геофизиков» выдворили. Лёшка даже припугнул их: если не уберутся сейчас же, он покажет им, где раки зимуют.

«Геофизики» спорить не стали. Они хорошо знали Лёшку и не хотели с ним связываться. Когда же двое из них остановились, Лёшка совсем разозлился.

— Ну, чего встали? — крикнул он. — Может, у нас идея интересная появилась и мы без вас начнём что-нибудь строить?

Но какая там «идея»! Просто Лёшке не хотелось, чтобы «геофизики» играли с нами. Он такой: задумает — сделает!

Об игре мы больше не думали. Не до игры, когда настроение испорчено и на душе кошки скребут. Все мы смотрели на разбитое окно — его из-за дровяников очень хорошо видно, — и каждый из нас

думал: что-то будет вечером, когда вернётся с работы тётя Луша?..

Так мы сидели и молчали. Галка уже раза два высовывалась из-за дровяников, намереваясь, видимо, улизнуть. Но каждый раз возвращалась и снова садилась на своё место. Следом за Галкой поднялся Миша. Он тоже выглянул во двор, потом обернулся к нам и сказал:

— Ну что, так и будем сидеть?.. Пойдёмте в зоопарк слона кормить!

Мы переглянулись и ничего не ответили. Только Галя оттопырила губы и недовольно поморщилась:

— Фи!.. Подумаешь, тоже работу нашёл.

— Пошли лучше на речку,— предложил Юрик. — Пока купаемся, малыши из садика придут, и тётя Луша подумает, что это они в окно камнем попали.

— Это нечестно,— отозвался Лёшка.— Ты разбил, ты и отвечай.

Другой бы на месте Юрки покраснел от таких слов. Лёша правильно пристыдил: разве можно сваливать свою вину на кого-то, особенно, на малышей? А Юрке хоть бы хны. Сидит и тарашит на нас глаза, словно ничего плохого не сказал. А глаза у него открытые и чуточку навывкате. «Геофизики» часто называют Юрку «лупоглазым», когда он здорово насолит им. Но Юрка не обращает на это внимания.

Сидеть за дровяниками — удовольствие небольшое. Но что делать? Каждый из нас думал, чем бы заняться, но ничего не придумать не могли.

— Знаете, ребята, пошли в пионерский сад,— предложила Галя.

— Скажешь тоже. Может, куклы велишь захватить с собой? — съязвил Мишка.

— Зачем куклы? Там волейбольная площадка есть и сетка натянута.

— Чего раскричались? — недовольно проговорил Лёшка.— «Зоопарк», «сетка»! Ну, ходим, поиграем час-два, а дальше? Каникулы только начались. Сколько у нас таких дней, как сегодняшний? Что же, по-вашему, каждый день будем ходить в зоопарк?

Мы не знали, что ответить. Действительно, каникулы только начались и чем заняться, чтобы провести их весело, хорошо, с пользой для дела?

— Организовать бы поход! — мечтательно проговорил Мишка.

— На лодках, вниз по Черемшанке, — добавил Юрка.

— А что, махнём? — загорелся Мишка.

Он всегда любил пофантазировать и о походах твердил каждое лето, но дальше загородной роши да пионерского лагеря нигде не был.

— Не отпустят,— заключил Лёшка.— Вот если бы кто из старших с нами поехал, это да!

— Знаете, ребята, давайте стенную газету выпускать, — снова предложил Мишка.

Галка пришла в восторг от такой мысли и тут же начала распределять обязанности, кому что делать.

— А газету назовём «За чистоту двора», — подхватил Юрик, — и будем в ней продёргивать всех, кто безобразничает во дворе.

— Правильно,— донеслось из дровяника.— И в первую очередь нарисуйте себя возле разбитого окна.

Мы притихли. В дровянике кто-то кашлянул, потом звякнула кастрюля, скрипнули двери, и все стихло.

Лёшка поднялся, чтобы посмотреть, кто бы это мог подслушивать наш разговор. Но не успел он выглянуть из-за дровяника, как в узком проходе показался Михаил Терентьевич.

— Что присмирели, испугались? То-то же... Всегда у вас так: набедокурите и — в кусты. А ну-ка, вылазьте из своей засады,— проговорил он.

Мы и не думали бояться. Михаил Терентьевич жил в нашем доме и никогда не ворчал на нас понапрасну, как тётя Луша. А если ругал, так за дело.

— Ну что же, так и будем сидеть? — спросил он.— А я думал, вы бойчее, если о газете заговорили.

— Чего же нам бояться? — ответил Лёшка.

— Как это чего? Газеты! Нарисуете себя, заметочку напишете. Так, мол, и так. И подпишетесь все под ней. А газету вывесите посредине двора, чтоб все её увидели и почитали. Но, может, вы труда испугались? Газета — она большого труда требует.

— Подумаешь,— отозвался Лёшка.— Не больно-то нужна здесь храбрость.

Знай себе пиши — и всё. Вот если бы в поход идти да ночью в тайге ночевать. Не всякий решится на такое. А газета — что?..

— Пиши, говоришь...— Михаил Терентьевич присел на скамеечку, задумался. Сели и мы: кто на берёзовый чурбачок, кто на кирпичи. Сидим и ждём, что он нам скажет. А Михаил Терентьевич стал рассказывать, как делают газету, как набирают её, печатают.

— Выпускать во дворе газету,— покашливая, продолжал Михаил Терентьевич,— это тоже дело большое. И пользу ваша газета принесёт немалую. Только, думается мне, другим бы вам следовало заняться...

Михаил Терентьевич передохнул, посмотрел на нас поверх очков и заговорщически прошептал:

— А не попытаться ли вам, ребята, написать книжку о типографии? Очень бы интересная книжка получилась.

Глаза его прищурились. В них было столько таинственности, что всё это — и прищуренные глаза, и необыкновенный, с хрипотой шёпот — на какое-то время сквало нас.

Мишка сполз с кирпичей и сидел на земле, у ног Михаила Терентьевича, Лёшка смотрел на старика, полуоткрыв рот. У Галки глаза искрились радостью, и длинные чёрные ресницы, вспорхнув вверх, застыли без движения.

Предложение Михаила Терентьевича захватило нас настолько, что мы не знали, как на него ответить.

— А как они пишутся? — спросил, наконец, Лёшка.

— Писать книжку, конечно, трудно,— ответил ему Михаил Терентьевич.— Но если возьмётесь все, у вас должно получиться! Ребята вы грамотные, сочинения в школе пишете бойко—вот и попробуйте.

— Может, всё-таки газету вначале сделаем? — неуверенно проговорила Галя.— А то как-то сразу — книгу!

— А вы попробуйте,— повторил Михаил Терентьевич.

— Но почему про типографию? — спросил Мишка.— Про рыбалку писать куда легче. Или в поход идти и наблюдения записывать: о птицах, о погоде, о тайге... Я читал такую книжку.

— Да помолчите вы,— строго прогово-

рил Лёшка.— Ещё ничего не решили, а вы тараторите неизвестно что. Дайте человеку сказать всё до конца, потом и кричите.

— А я всё сказал, Алёша,— ответил Михаил Терентьевич.— Дело это, конечно, большое. Не раз придётся переписывать то, что напишете, чтобы каждое слово было точным, мысль — ясной... Почему о типографии, так ты сам и ответил, Миша. Вот ты говоришь, что читал книжку о природе. И я читал, и Галя, и Костя, наверно, перечитали их больше десятка (это он на меня показал). А читал ли ты книжку о рабочих-полиграфистах? Наверное, не читал. И о производстве нашем ребята ничего не знают. Вот вы возьмитесь да и напишите книгу, чтоб и другим ребятам интересно было почитать.

Михаил Терентьевич помолчал, потом заговорил снова:

— У сталеваров, шахтёров, забойщиков и машинистов — кругом героика. А что наборщик? Сидит он за клавиатурой линотипа, набирает статью в газету или книгу, и кажется, что ничего героического в его работе нет. Но вы присмотритесь! Уже за полночь, а он трудится в типографии, набирая сообщение, недавно переданное по радио. Набор поставят в полосу, затем полосу передадут в стереотипный цех, в ротационный, а рано утром газету отправят в районы на самолётах, катерах, поездами, автомашинами. И все узнают о каком-то важном событии. А кто сделал газету? Рабочий-полиграфист!

Михаил Терентьевич проговорил это так восторженно, будто он выступал на каком-нибудь собрании.

— А ещё я избрал типографию потому, что это производство для вас ближе, роднее. Ваши папы и мамы — работники типографии. Когда начнёте писать, родители многое вам подскажут.

— Но, чтобы писать о типографии, надо посмотреть на всё,— перебил Михаила Терентьевича Лёшка.— Вот я был у мамы несколько раз, а что я напишу, когда, кроме машины, за которой она работает, я больше ничего не видел. Да и машину-то не разглядел как следует.

— А мы договоримся,— сказал Михаил Терентьевич.— Попросим главного инженера разрешить вам побывать в типографии. Согласны?

— Вот это здорово! — отозвался Лёшка.

— И мы пройдем по всем цехам? — спросила Галя.

— Конечно. И я с вами за компанию, в качестве экскурсовода. Хорошо?

Мы согласились.

— Только футбол на время оставить придется. Глядишь, и окна целы будут...

Михаил Терентьевич поднялся со скамейки, посмотрел на нас. Глаза его посмеивались.

Юрка отвернулся. Мы видели, что перед Михаилом Терентьевичем ему было очень неудобно. Да и все мы переживали не меньше Юрки.

Михаил Терентьевич ушел, а мы еще долго сидели у дровяников, разговаривали об экскурсии, о нашей будущей книжке.

Мы твердо решили написать книжку

К единому мнению мы все еще не пришли. Галя, после разговора с Михаилом Терентьевичем, сразу же согласилась писать книгу, хотя и не знала, как это делать, а Юрик возражал.

— Если бы детский стадион устроить да команды хорошие организовать. Это да! А книжка — так себе. Все равно она у нас не получится, — твердил он.

Мишка ни о чем, кроме похода, и слышать не хотел. В походе он соглашался вести дневник, собирать для костра хворост, даже обещал носить свой и Галкин рюкзак, если она устанет.

Но Мишку никто не поддерживал. Поход по Черемшанке был для нас несбыточной мечтой.

Писать книжку... Но как?.. О чем?..

Мы надеялись, что все станет ясным, когда побываем в типографии и посмотрим работу каждого цеха. Но и после экскурсии наши сомнения не рассеялись: что мы могли написать о типографском деле?

Серое здание типографии занимает половину квартала и известно в городе каждому, так как стоит оно в самом центре. Здесь круглые сутки дежурят работники охраны и без пропуска никого не пускают. Мы тоже показали пропуск, когда проходили в цеха.

По типографии мы ходили долго. С первого этажа поднялись на второй, осматривали разные залы и комнаты — и

маленькие и большие, которые Михаил Терентьевич называл цехами; видели, как на отполированном цинке получают фотоснимки, как работают травильные машины, как набирают, печатают.

Когда мы прошли по всем цехам, Михаил Терентьевич проводил нас по коридору к проходной, а сам вернулся в типографию: ему надо было зачем-то в контору.

Мы вышли из типографии и решили подождать Михаила Терентьевича в скверике, чтоб вместе идти домой. Но просидели, пожалуй, больше часа, а Михаила Терентьевича так и не дождались.

Еще в скверике мы начали рассказывать друг другу о том, кто что лучше заметил. Но рассказы наши получились путаными: оказалось, что мы многого не поняли. А главное — не увидели, как же делаются книжки.

И вот вечером, когда все снова собрались у дровяников, мы сидели и молчали.

Один Юрка не мог сидеть спокойно. Ему обязательно надо куда-то идти, что-то делать. Он не раз вставал, надеясь, видимо, что мы поднимемся следом за ним. Но идти нам было некуда, и мы продолжали сидеть.

— Нет, это просто глупо, — не выдержал, наконец, Юрка. — Ну что мы сидим! Пойдемте лучше к «геофизикам». Может, мяч погоняем!

— Ты только и знаешь свой мяч, — возразила Галя. — С твоим характером ни одного хорошего дела не доведешь до конца.

— Знаете что, — перебил её Лёшка, — давайте попросим Михаила Терентьевича, чтобы он был за главного. Иначе у нас ничего не получится.

— Правильно, Лёшка! — подхватила Галя. — Михаил Терентьевич — наборщик. Папа говорил, что он еще мальчиком поступил в частную типографию и вот уже пятьдесят лет работает.

И мы вдруг заговорили все сразу. Наперебой хвалили Михаила Терентьевича и так загорелись, что готовы были сейчас же бежать к старому наборщику и просить его, чтобы он согласился быть редактором нашей книжки.

Но нас остановил Мишка. У него всегда какие-нибудь сомнения появляются. Так вот, Мишка и говорит:

— Допустим, Михаил Терентьевич согласится. А писать-то всё равно придётся нам. Что же мы напишем, если ничего не поняли? Не разрешат же нам каждый день по типографии разгуливать.

— Это правильно,— поддержал Мишку Юрик.

— Правильно, правильно,— передразнила его Галя.— Тебе бы только мяч гонять, а когда дело большого труда требует, улизнуть стараешься. И Мишка тоже. Настоящей силы воли у вас нет, вот!

— Это у нас-то нет силы воли? — враз проговорили Юрик и Мишка.

— Хватит вам ругаться,— вмешался Лёшка и обратился к Гале:— Вот если бы тебя, Галя, заставили в школе написать сочинение о том, где работает твой папа, ты написала бы?

— Конечно, написала бы,— не задумываясь, ответила Галя.— Может быть, не так подробно, не совсем точно, но написала бы. Я ведь кое-что знаю о линотипах.

— Значит, позовём Михаила Терентьевича,— заключил Лёшка.— Скажем ему, что мы ещё мало поняли, пусть посоветует, как нам лучше узнать обо всей работе типографии.

Галя сбегала за Михаилом Терентьевичем, и тот успокоил ребят:

— Пропуска у вас будут постоянные, на неделю. А изучать мы будем каждый цех отдельно. Вначале возьмём линотипный, затем цех ручного набора, потом стереотипный, печатный и так далее. В каждом цехе мы побудем с вами столько, сколько потребуется, чтобы написать хорошее сочинение.

— А вы поможете нам писать? — спросила Галя.

— Чем могу, тем помогу. Только вряд ли вам потребуется моя помощь. Дома у вас такие специалисты, такие консультанты, что обо всём расскажут вам лучше меня. Я ведь только наборщик. А наборщик не может знать всего.

— Ну, тогда будьте редактором,— сказал Лёшка.

— Нет, ребята.— Михаил Терентьевич рассмеялся и посмотрел на нас поверх очков.— Редактором мы выберем кого-нибудь из вас. Кого бы?

Мы молчали. Быть редактором никто из нас, конечно, не хотел, потому что мы

не знали, чем же он должен заниматься. И тогда Михаил Терентьевич сам предложил:

— Давайте выберем на эту должность Костю, и пусть он тормозит вас.

Я стал отказываться. Какой же из меня редактор?..

Но Михаил Терентьевич подзадорил ребят, и они все в голос закричали:

— Согласны!

— Костю редактором!

— У него по литературе и по русскому одни пятёрки.

— Ну вот, а ты отказываешься. Смотри, какая активность,— проговорил Михаил Терентьевич, посмеиваясь.

Мне пришлось согласиться, хотя я не знал ни обязанностей редактора, ни дела, которым рекомендовал нам заняться Михаил Терентьевич.

Чтобы не ходить по цехам всем вместе, мы тут же решили, кто в какой цех пойдёт. Галя, конечно, взяла линотипный: папа её работает там инструктором-механиком.

Каждый выбрал себе цех. Не хватило у нас человека на фотоцинкографию, но Галя обещала поговорить с Шурой Викторовой. Мама у неё работала фотографом в цинкографии и производство знала хорошо.

— С чего же всё-таки мы начнём книжку, Михаил Терентьевич? — поинтересовался Лёшка. Он, видимо, всё ещё не верил в наш успех.

— С чего начнём? — переспросил старый наборщик. — Давайте начнём нашу книжку с истории книгопечатания, припомним, кто же был в России первопечатником.

— Иван Фёдоров,— хором ответили мы.

— Вот, с Ивана Фёдорова и начнём,— проговорил Михаил Терентьевич.— В Европе первый начал печатать книги немец Иоганн Гутенберг, ещё в пятнадцатом веке. А в России это великое дело начал Иван Фёдоров. Правда, в одном из писем царя Ивана Грозного упоминается имя «мастера печатных книг» Маруши Нефедьева. Значит, была на Руси попытка напечатать книгу ещё раньше, до Ивана Фёдорова. Но первопечатником всё-таки считается Иван Фёдоров— создатель первой известной нам печатной русской книги. Эта книга называлась «Апостол» и

была выпущена Фёдоровым и Петром Мстиславцем в Москве в марте тысяча пятьсот шестьдесят четвёртого года...

И Михаил Терентьевич начал рассказывать, как выпускались первые книги, как они набирались, как печатались. Нам было смешно. У всех с лиц не сходила улыбка, но Михаил Терентьевич не обращал на это внимания и продолжал рассказывать.

Оказывается, первые книги на Руси печатались на деревянном прессе. Текст набирался из отдельных металлических букв. Доски с текстом клали на станок, смазывали краской и накладывали на них бумагу. Затем деревянный винт прижимал бумагу к доске.

Позднее для печатания были изобретены станки. Но первые печатные станки были очень примитивными. Даже лет двести спустя после Ивана Фёдорова книжки печатались очень медленно.

— Со временем количество выпускаемых книг и газет увеличивалось,— продолжал рассказывать Михаил Терентьевич.— Печатные станки не успевали обеспечивать своевременный их выпуск. Мастера задумались: нельзя ли получить копию с набора, чтобы одну и ту же книжку можно было печатать сразу на нескольких станках.

И вот в восемнадцатом веке был предложен пресс, с помощью которого можно было получить копию набора.

Первый пресс был не таким, какие вы видели в нашей типографии. В то время набор заливался гипсовым раствором, получалась матрица, то есть углубления в гипсе, отображающие буквы набора. Затем матрицу заливали расплавленным металлом и получали выпуклую копию набора, которую называют стереотипом. С металлического стереотипа уже можно было печатать книги и газеты, причём, сразу на нескольких станках, так как с одной матрицы можно снять несколько стереотипов.

Михаил Терентьевич говорил о первых печатных машинах, когда рабочий мог отпечатать уже не сто, как раньше на станке, а четыреста листов за час; рассказал, что на смену гипсовой матрице для стереотипа пришла картонная матрица. Гипсовые матрицы были очень непрочны — быстро ломались. Кроме

того, чтобы изготовить из гипса матрицу, нужно было затратить много времени. Картон же оказался намного прочнее. И изготовить из него матрицу значительно проще.

Сейчас техника далеко не такая, какой была раньше. На смену ручному набору пришли специальные наборные машины; в печатном цехе рабочий уже не накладывает листы руками. Для этого имеется специальное устройство — самонаклады. А газеты и многие книги печатаются на быстроходных машинах — ротационных. Такая машина за один час может отпечатать до ста тысяч газет...

Но всё это пришло не сразу.

Михаил Терентьевич немного помолчал, потом добавил:

— Вот видите, какой большой и славный путь прошло книгопечатание!

И опять последние слова он произнёс торжественно. Он очень любил свою профессию, гордился ею и, отдав всю жизнь любимому делу, был счастлив.

Своим рассказом Михаил Терентьевич окончательно покори нас. И все мы твёрдо решили писать книжку. Даже Юрка и Мишка забыли про мяч, забыли о походе на Черемшанку и стали договариваться между собой, как лучше начать сочинение.

Сочинение Гали Жук

Напрасно Юрка доказывал, что у нас ничего не получится. Все мы пошли вчера в типографию с таким желанием и так долго пробыли там, что когда я вернулась домой и рассказала обо всём маме, она ужаснулась и всплеснула руками.

— И тебя папа не выгнал?

— Нет,— отвечаю,— не выгнал. Какое же он имел право выгонять, когда у меня был пропуск от главного инженера?

— Так ты же целый день голодом. Неужели он не мог до этого додуматься?— И мама так расстроилась, что чуть не заплакала.

Чудные эти родители. Они всё ещё считают нас маленькими, как будто мы ничегошеньки не понимаем и не умеем о себе позаботиться. Мы с папой прекрасно пообедали в типографской столовой.

Пока я успокаивала маму, мысли мои расстроились. Я думала: вернусь из типографии и сразу же начну писать сочинение. А получилось не так.

Вот я и отвлеклась. Вместо того, чтобы писать сочинение, пишу какую-то ерунду. То Юрка вспомнился, то мама мысли расстроила. Но я всё равно буду писать. Если решила, значит, надо делать. Пусть не думают, что я слабовольная.

С чего же начать? Что я могу рассказать о цехе? Не лучше ли описать всё так, как было? Если где-нибудь получится немножко коряво, Костя подправит. Он же редактор. Собрать все сочинения да сшить в одну тетрадь — проще простого. Он хитренький. А вот пусть-ка вместе с нами поработает.

И опять я пишу не то, что следует. Какой-то болтливой стала. Это, наверное, потому, что я на каникулах и не чувствую дисциплины.

Итак, я начинаю сочинение.

В цехе меня встретил папа. Вначале он удивился и даже спросил:

— Ты зачем? Как ты сюда попала?

Кругом стоял такой шум, что я еле разобралась, о чём он меня спрашивал.

Я показала пропуск.

Папа внимательно посмотрел на пропуск, пожал плечами, улыбнулся и сделал жест в сторону машин: пожалуйста, дескать, смотри.

Всё это было до того необычно, что из-за ближних машин выглянули линотипистки и тоже улыбнулись.

Вначале я не могла определить: откуда такой шум, что трудно разговаривать. Но когда подошла к машинам ближе, поняла: оказывается, шумят электрические моторы, которые приводят в движение машины. А машин в цехе больше десятка. Значит, столько же моторов.

Наборные машины, которые стоят в нашей типографии, называются «Линотип». Отсюда и название цеха — линотипный. А ещё, папа говорил, есть другие машины для механического набора, — более сложные. Это монолиты и даже фотонаборные машины, которые набирают текст прямо сами, без человека. Но в нашей типографии таких машин нет.

Все тексты книг и газет — после того, как их отредактируют и перепечатают

на пишущей машинке, — попадают вначале в линотипный цех.

Линотипистка сидит за наборной машиной на специальном вращающемся стульчике, берёт текст, кладёт его перед собой на железную подставку с указательной палочкой, которая подчёркивает строки, и начинает набирать.

Хитрого в работе линотипистки ничего нет. Сидит она перед клавиатурой, примерно, такой же, как у пишущей машинки, и слегка дотрагивается пальцами до клавиш, а каждая клавиша связана с одним из отделений «магазина». Магазин находится сверху машины и похож на большую ведную коробку с тонкими стенками-перегородками внутри, которые и разделяют его на отделения.

В магазине хранятся матрицы — такие тоненькие латунные пластинки.

Так вот, как только линотипистка нажмёт на клавишу, в одном из отделений магазина отодвигается заслонка, удерживающая матрицы, и на скользящий ремешок вываливается нужная матрица. А этот ремешок выносит её в верстатку — решёточку из тоненьких планок.

Когда из матриц набирается целая строка, машина отливает её. Отлитая строка выскакивает на железную подставку с двумя бортиками (подставка эта называется гранкой), а матрицы, при помощи механизмов, подаются кверху, и скользя по рейке, опускаются в свои каналчики. И, что интересно, матрица с буквой «а», например, никогда не упадёт туда, где лежат матрицы других букв.

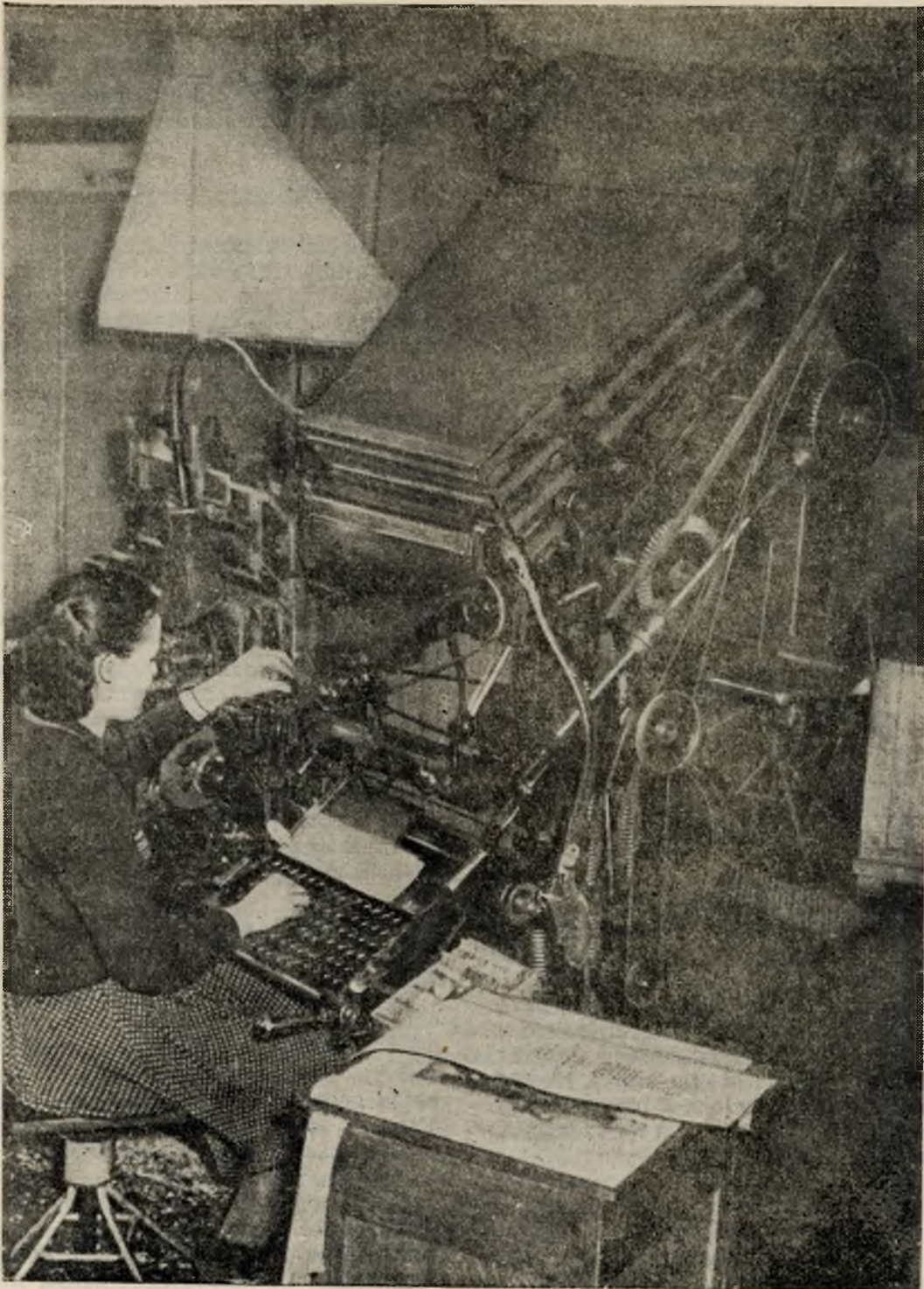
Это всё рассказал мне папа. А сама я заметила, что в работе у машины сразу три строки: одна набирается, другая отливается, а третья, подхваченная рычагом, поднимается кверху и разбирается. И всё это делают механизмы.

Я прошла к другой машине и увидела Валентину Ивановну. Она живёт в нашем подъезде, и я её хорошо знаю.

Валентина Ивановна работает линотиписткой. Когда я к ней подошла, она набирала в газету какой-то срочный материал. Я остановилась возле её машины и всё время смотрела, смотрела.

Пока я наблюдала за работой Валентины Ивановны, она успела набрать целую страничку, а следующей странички

„Я прошла к другой машине и увидела Валентину Ивановну...“

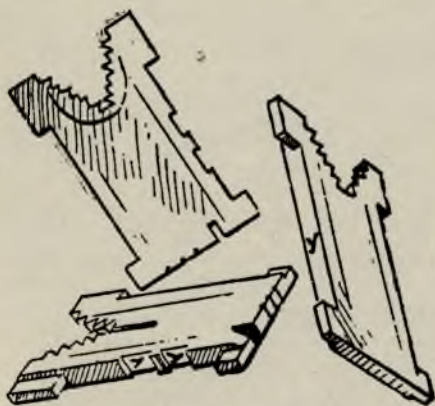
у неё не оказалось, и она должна была ждать, пока принесут окончание.

Когда Валентина Ивановна освободилась, она позвала меня к себе и спросила:

— Поняла что-нибудь?

— Не совсем,— ответила я.— Откуда это на отлитых строках буквы появляются?

Валентина Ивановна рассмеялась и показала мне матрицу.

«...матрица—это плоская латунная пластинка.»

Я уже говорила, что матрица — это плоская латунная пластинка. Так вот, сверху у каждой матрицы—зубчики. С их помощью различные механизмы перемещают матрицы в машине. По толщине матрицы бывают разные, в зависимости от буквы. Для «о» или мягкого знака, например, пластинка узенькая, а для таких букв, как «ж», «щ», «ф»—шире. На ребре каждой матрицы с одной стороны имеются два углубления, в которых выдавлена какая-нибудь буква, с другой — эта буква написана, чтобы линотипистка могла её определить, когда матрица будет находиться в верстатке.

— А теперь смотри,— сказала Валентина Ивановна, когда я кончила рассматривать матрицу. И она очень медленно и легонько прикоснулась к клавише с буквой «д». Тут же из магазина выскочила матрица и, скользя по ремешку, встала в решётку-верстатку. Затем Валенти-

на Ивановна слегка задела клавишу с буквой «а»— и всё повторилось с начала. А когда набрала строку, показала мне на матрицы, стоявшие в верстатке рядышком.

— Читай.

Я прочла: «Да здравствует родная школа!»

— Что же происходит дальше?

Валентина Ивановна слегка нажала на рукоятку, которая находилась справа от клавиатуры. Строка поднялась немного вверх, затем, подхваченная механизмом, скрылась влево, как раз против железной подставки с бортиками, где собираются отлитые строки.

— Сейчас происходит отливка строки. Видишь сзади котёл? Над ним висит болванка металла, а по-нашему — чушка. Одним концом чушка всё время соприкасается с расплавленным металлом и плавится сама. В момент отлива матрицы своими углублениями плотно прижимаются к отверстию, которое имеет форму строки. Отверстие заполняется из котла жидким металлом. Он моментально охлаждается, и — строка отлита...

И, как бы в подтверждение слов Валентины Ивановны, от механизма, где происходила отливка, по желобку выкатилась блестящая строка. Не дожидаясь, пока строка соскользнёт на гранку, я схватила её, чтобы посмотреть, всё ли правильно отлито, но тут же бросила назад.

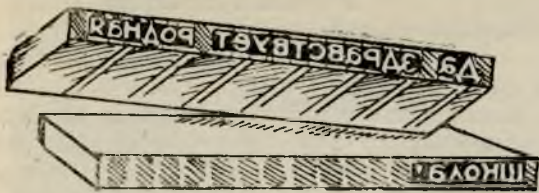
— Не тронь! Она же горячая,— поспешно проговорила Валентина Ивановна.

Но со своим предупреждением она опоздала. Я уже успела обжечь руку и дула на пальцы.

В это время Валентине Ивановне принесли очередной лист. Она быстро положила его на железную подставку с указательной палочкой и стала набирать.

Постояв ещё немного возле машины Валентины Ивановны, я прошла по цеху дальше, вдоль выстроившихся лино-типов. Все они шумели, пощёлкивали матрицами, какими-то колёсиками и рычагами. В уголке за крайней машиной сидела Таня Фёдорова. В прошлом году она окончила десятый класс нашей школы — и вот уже работает самостоятельно.

«...по желобку выкатилась блестящая строка.»

— Тебе не страшно, Таня?— спросила я её, наклонившись почти к самому уху.

Таня рассмеялась, покачала головой. Потом подняла набранную строку, пустила её в отливку и повернулась ко мне.

— Вначале немножко страшновато было, а потом ничего, привыкла,— сказала она и снова начала набирать.

Набирала Таня какую-то книгу. Выскакивающие на гранку строки были длинными. Я спросила у Тани разрешения, взяла одну строку, которая уже успела остыть, и посмотрела на буквы. Они были не такими, как в наборе Валентины Ивановны. Буквы у Тани большие, да и сама строка толще чуть не в два раза. А у Валентины Ивановны буковки маленькие и строка тоненькая.

Когда я спросила папу, почему на машине разные буквы, он рассказал мне о назначении магазинов линотипа.

В каждом магазине лежат матрицы одного размера, но двух рисунков. Один рисунок обыкновенный, светлый, а другой — жирный, чёрный. Надо, скажем, выделить в тексте какое-то слово — линотипистка поднимает в верстатке матрицы чуть выше, и в отлитой строке получается слово, набранное жирным шрифтом. Потому-то на рёбрышке каждой матрицы и выдавлены две одинаковые буквы. Только одна тоненькая, а другая — жирная. И получается, что в каждом магазине находится один комплект матриц, но двух шрифтов: светлого и жирного. А в машине четыре магазина, значит, шрифтов уже получается восемь. Вот как много!

Когда надо набирать газету, линотипист специальной рукояткой ставит нужный магазин в рабочее положение. На это уходит всего несколько секунд.

В газете разные заметки набраны разными шрифтами: одни — мелкими, другие — чуть крупнее, а третьи — совсем крупным и широким шрифтом. А если взять книжку для школьников, так там шрифт ещё крупнее и шире. Поэтому читать его ребятам очень удобно. Так вот, все эти заметки и даже книжку можно набрать на одном линотипе, только из разных магазинов.

Когда папа всё это объяснил, мне стало понятно, откуда получаются разные шрифты и как набираются книги и газеты. Я постояла ещё немножко возле Тани Фёдоровой, посмотрела, как она набирает книгу, и снова пошла к Валентине Ивановне.

Но в это время зазвенел звонок на обеденный перерыв. Валентина Ивановна включила машину.

Я спросила, можно ли мне посидеть на её стульчике, пока она обедает. И она разрешила.

Стул у Валентины Ивановны, как и у других линотиписток, на железных ножках. Спинка с пружиной. Сиденье вращается. Хочешь, вправо повернись, хочешь — влево. Очень удобно!

Когда ушли все линотипистки, а папа с механиком что-то делали у машины, на которой работает Таня Фёдорова, я положила руки на клавиатуру, как это делала Валентина Ивановна, и чуть нажала на клавишу с буквой «г». Но не успела я, кажется, прикоснуться, как что-то щёлкнуло — и на плоский ремешок упала матрица.

Колёсики, на которые надет ремешок, не вращались, ремешок не скользил, как при работе. И выпавшая из магазина матрица поэтому тоже лежала без движения прямо перед моими глазами. Только взять её с ремешка я не могла, так как ремешок был под стеклом и к нему никак не подступиться.

Больше я не трогала клавишей, а сидела и смотрела на буквы клавиатуры. И тут я заметила, что они расположены не по порядку. Буквы, которые встречаются ближе к линотиписту, а такие, например, как «ф», «ж», «ы» — дальше. Это, видимо, потому, что при наборе они менее нужны. Вот их и поставили подальше, чтоб не мешались под рукой.

Клавишей на машине пятнадцать штук в один ряд. А рядов шесть. Значит, всего девяносто клавишей. Выходит, и каналов в магазине столько же, так как у каждой клавиши есть свой канал, с которым она связана.

Но, когда я села писать сочинение и спросила у папы, сколько в магазине каналов, он мне ответил: «Девяносто два». Оказывается, девяносто первый канал является вторым каналом для буквы «о», так как она встречается в наборе особенно часто и матриц одного канала не хватает. А в девяносто втором канале находятся буквы латинского алфавита и разные математические знаки.

Когда я сидела за линотипом, мне хотелось рассмотреть рычажки, которые идут от клавиатуры к магазину, но в это время зазвенел звонок, и в цех вошли линотипистки. Каждая из них подходила к своей машине, включала её, и всё кругом наполнилось привычным гулом.

Вместе со всеми линотипистками вошла и Таня Фёдорова. Она так же, как и другие, уверенно села за машину, привычно повернула выключатель и осторожно опустила пальцы на клавиатуру.

Я смотрела на Таню и, признаться, завидовала ей.

И вот, когда цех снова загудел, ко мне подошёл папа с Михаилом Терентьевичем.

— Ну, как успехи, Галя? — спросил Михаил Терентьевич.

— Хорошо, — ответила я.

— Сколько же линотипистка заменяет ручных наборщиков? — Михаил Терентьевич посмотрел на меня поверх очков и улыбнулся. — Ну-ну, смелее.

Об этом как раз я ни у кого не спросила. И мне неудобно стало перед Михаилом Терентьевичем.

А он посмотрел на меня и подсказал:

— Почти пять человек, Галенька... Средний квалифицированный наборщик вручную набирает за смену двенадцать-четыре тысячи знаков, а квалифицированный линотипист даст за это же время семьдесят-восемьдесят тысяч. Вот и считай, какая выгода от машин... Ну, а теперь пошли обедать. Я тоже, пожалуйста, перекушу вместе с вами.

И мы втроём отправились в столовую.

Плохо, когда в чём-нибудь провинишься. Лучше бы я сам сходил к тётке Луше и попросил у неё извинения за разбитое окно. А то хожу и всё время думаю: вот-вот остановит где-нибудь и начнёт ругать. Хорошо ещё, если один встречу её. А если с товарищами? Стыд. Позор.

И сочинение один написать не мог. А всё из-за этого несчастного окна.

Когда Костя распределял, кому в какой цех идти, я совсем забыл, что тётка Луша — наборщица и работает как раз в наборном цехе, о котором мне надо писать сочинение.

Вспомнил я об этом в самую последнюю минуту. И хорошо, что рядом со мной был Мишка. Ему дали печатный цех — папа у него работает там мастером. А мне — наборный, потому что мама моя, как и тётка Луша, — наборщица.

Когда мы стояли рядом с Мишкой перед тем, как разойтись по своим цехам, я и вспомнил о тётке Луше. И такой страх меня взял — мурашки по телу побежали. А ну, думаю, как начнёт она меня отчитывать за разбитое окно прямо в цехе. Рабочие насмех поднимут, и никакого сочинения у меня не получится.

Тут-то я и позвал Мишку.

— Пойдём, — говорю ему, — вместе. Вначале о наборном напишем, а потом о печатном. А хочешь наоборот: сначала о печатном, потом о наборном. Понимаешь, неудобно мне идти туда одному.

— Почему? — спросил Мишка.

— А окно? Забыл? Ведь тётка Луша — наборщица. Как же я с ней встречу?

Мишка от моих слов даже присвистнул. Но не отказался.

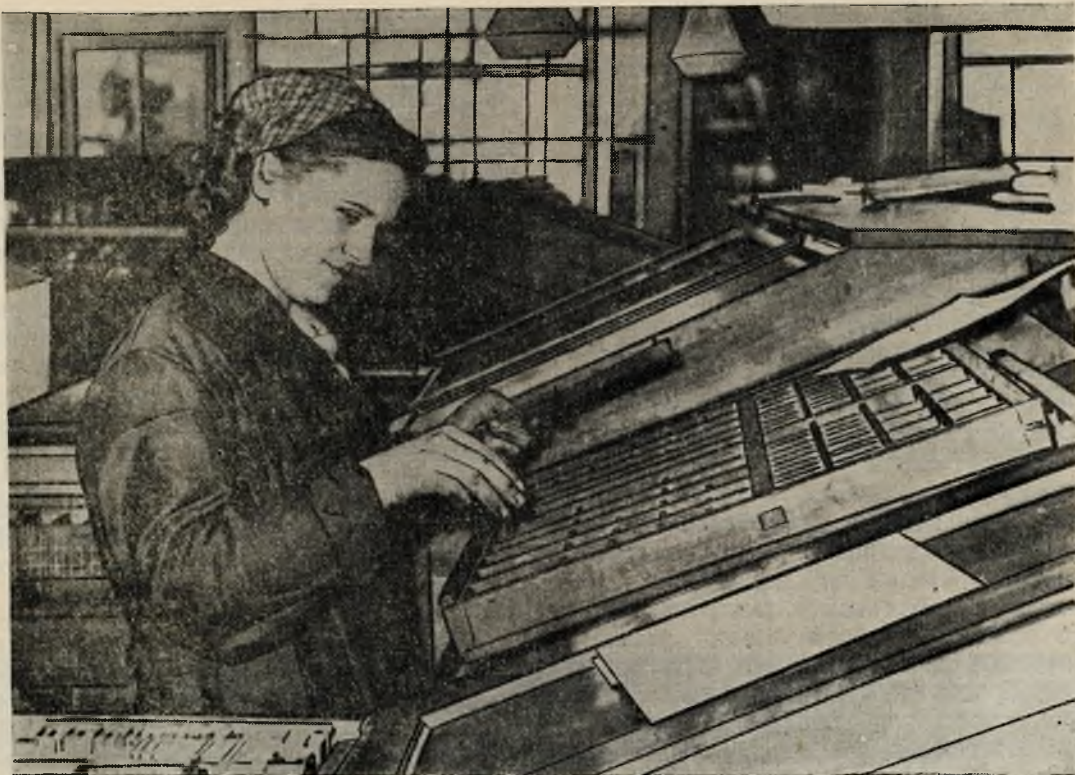
— Хорошо, — сказал он. — Так и быть, пойду. Только ты мне тоже помогать будешь.

— Конечно! Какой разговор! — обрадовался я.

Мы отправились в цех вместе с Мишкой.

Когда мы пришли к начальнику цеха и попросили, чтоб нам дали хорошего наборщика, который мог бы подробно рассказать о наборном цехе, нам указали на тётку Лушу. И тут я подумал: как хорошо, что рядом со мной Мишка. Может,

„Рабочим местом у нас является наборная касса...“

при нём тётя Луша не вспомнит о разбитом окне.

Тётя Луша и вправду хороший наборщик. Она так толково объясняла нам, что когда мы пришли домой и начали писать сочинение, то решили записать всё так, как рассказывала тётя Луша. Даже заглавие другое не стали придумывать.

А рассказала нам тётя Луша много. Начала она так:

— Ручной набор—старенький. Но долго ещё не смогут обходиться без него типографии. Появился он в типографии самым первым. Не было ещё печатных машин, а ручной набор уже существовал, и первые рабочие-наборщики набирали книги...

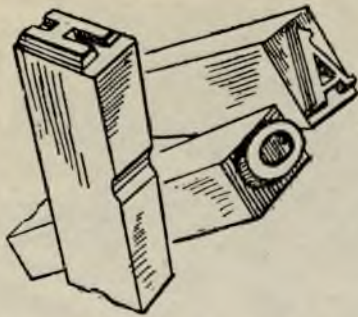
Говорила тётя Луша негромко, чтобы не мешать рабочим, потому что в цехе тишина и никто из рабочих не разговаривает. Все они стоят на своих местах

возле высоких столов с наклонно расположенными верхними досками. На этих досках лежат деревянные ящички, разделённые перегородками на клетки.

Тётя Луша заметила, что мы смотрим на наборщиков, сама посмотрела на свой стол и даже руку на ящичек положила.

— Рабочим местом у нас,— сказала она,— является наборная касса— вот этот деревянный ящичек. Он разделён на клетки. В каждой клеточке лежит одна буква-литера или какой-то знак. Буква-литера— это металлический брусок, на верхней части которого находится изображение буквы. Буквы расположены в кассе не по порядку. Те, которые чаще всего нужны наборщику, находятся в центре кассы, а менее нужные—вверху или в боковых отделениях. При наборе рабочий пользуется верстаткой...— И тётя Луша показала нам верстатку.—

„Буква-литера—это металлический брусочек, на верхней части которого находится изображение буквы.“

Она металлическая, не особенно длинная, сантиметров двадцать. С двух сторон у верстатки стенки глухие, а третья — подвижная, с хомутиком и зажимом, потому что размеры набора бывают разные и верстатку часто приходится переключать.

Наборщик держит верстатку в левой руке, а правой собирает в неё нужные литеры. И так из отдельных букв складываются слова, предложения. Когда наборщик наберёт верстатку полной, он выставляет набор на гранку — специальную металлическую подставку с бортиками — и снова набирает.

Тут тётя Луша помолчала немного, потом продолжала:

— Дальше, пожалуй, о кассе я не буду говорить, а скажу вот про что. В системе мер есть много единиц измерения: сантиметры и дециметры, граммы и килограммы, литры и декалитры, дюймы ну и другие там меры. Так вот, у нас, в полиграфической промышленности, всё измеряется пунктами и квадратами. Пункт — это очень тоненькая пластинка. По толщине она меньше полмиллиметра. Измерять всё такой пластинкой так же неудобно, как неудобно высчитывать большой вес граммами. Более удобной единицей является квадрат. Квадрат содержит в себе сорок восемь пунктов и равен одному сантиметру и восьми миллиметрам.

Если надо сделать какой-то набор, нам не говорят: «Наберите на десять сантиметров», а указывают квадраты. Газетные столбцы, например, набираются на три—три с половиной квадрата, а книги — на пять, шесть и семь квадратов.

Шрифты тоже измеряются по высоте пунктами. Самый мелкий шрифт — шести-пунктовый. Называется он «нонпарель». Шрифт этот употребляется в наборе очень редко, так как он слишком мелкий. Газеты обычно набираются девятипунктовым шрифтом — боргесом, а книги для взрослых — десятипунктовым — корпусом. В детских книгах применяют шрифты ещё больших размеров.

Хранятся шрифты в кассах, о которых я вам говорила. В каждой кассе лежит только один шрифт. Если наборщик набрал заголовок к заметке в газету из какой-то кассы, то после печати разборщик разберёт этот заголовок в ту же кассу, откуда он набран.

Тётя Луша провела нас по цеху вдоль выстроившихся шкафчиков — реалов, в которых стоят кассы. Шкафчиков этих так много — начни считать, не сосчитаешь. И все они заполнены кассами. А в кассах — шрифт. Сколько же тут его?! Тонны. Честное слово! Мы с Мишкой даже ахнули, когда обошли цех.

Я хотел спросить тётю Лушу, сколько в типографии разных шрифтов, но она в это время остановилась возле каких-то других ящичков и показала нам тоненькие пластинки разных размеров.

— Если нужно отбить строку от строки, — стала рассказывать тётя Луша, — наборщик берёт вот такие пластинки. Называются они шпонами. Толщина их разная — в два и в четыре пункта. Если надо сделать широкую разбивку между строк, для этого есть реглеты.

Пока мы рассматривали пластинки, тётя Луша подошла к своему рабочему месту и из бокового столика, похожего на тумбочку, выдвинула несколько узеньких ящичков, которые так же, как касса, были разделены на клетки — длинные и короткие.

— У наборщика всегда под рукой ящички с линейками, — продолжала рассказывать тётя Луша. — Вот, посмотрите... — И она показала нам множество всяких линеек: больших и маленьких, тонких и толстых. — Толстые линейки служат для украшения и применяются при наборе афиш, рамок к лозунгам, плакатам. А тонкие нужны для набора бланков.

Вот и всё, что нам рассказала тётя Луша.

Когда наше сочинение было готово, мы хотели подписать его: «Писали Юра Шитов и Миша Струков». Но подумали, подумали и решили сочинение не подписывать. Всё равно Костя вычеркнет.

А Михаилу Терентьевичу мы потом как-нибудь скажем, что это сочинение писали мы вдвоём.

Сочинение Шуры Викторовой

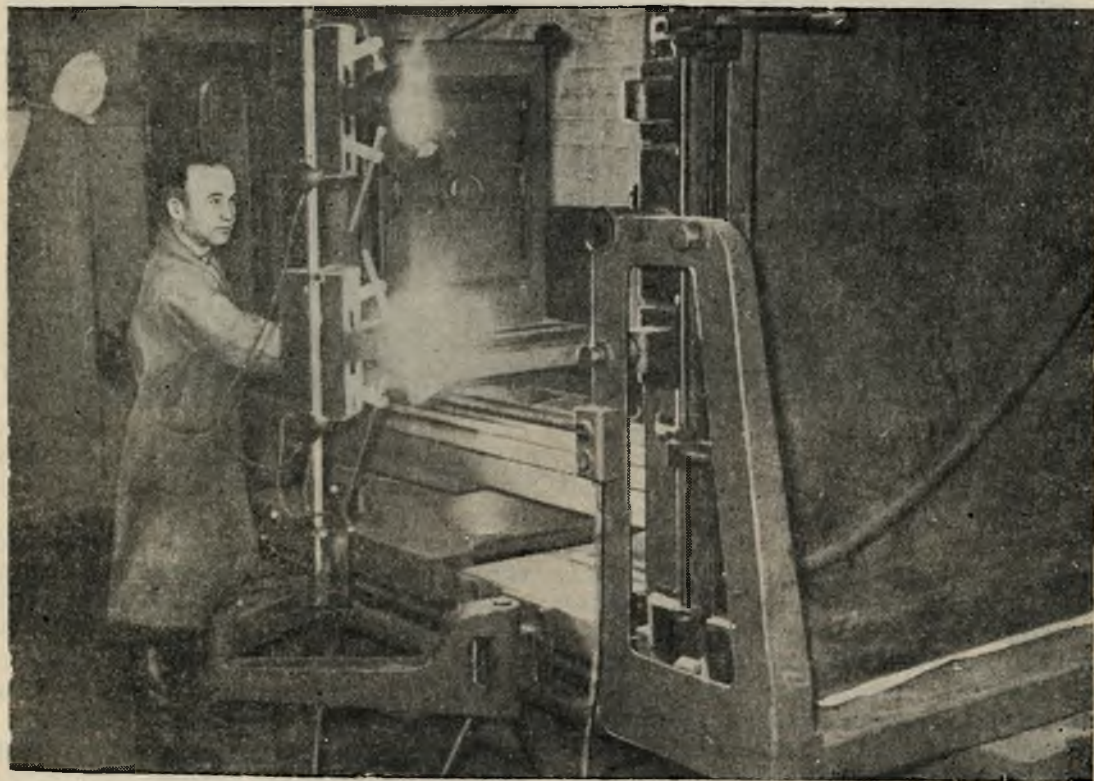
Как изготавливаются клише

Если б не Галя, я никогда не согласилась бы писать сочинение на такую трудную тему. Но Галя так просила, что я не могла отказаться. Да и отставать от ребят не хочется. Все они пишут сочи-

нения про типографию, чтобы осенью показать их преподавателям. Галя сказала мне, что о цинкографии писать совершенно некому, и если я не соглашусь, то у них во всей работе получится пробел, и они не достигнут цели.

И правда, о всех цехах напишут, а о цинкографии нет. Это неправильно. Ведь без рисунков не выходит ни одна газета. Да и книжки часто иллюстрируются, особенно детские. Такие книжки читать намного лучше и интереснее. Посмотришь на рисунок и сразу становится яснее то, о чём читал, представляешь себе всё, как бы наяву. А рисунки для книг и газет, или, как их называют в типографии, — клише, изготавливаются цинкографией.

Мама говорит, работа в цинкографии самая тонкая, самая точная, самая кро-

„На таких больших аппаратах фотографируют рисунки для плакатов.“

потливая. Клише— это цинковая пластинка с изображением рисунка. Изготовить его для книги или для газеты— не то, что положить на машину лист бумаги да тиснуть. Тут большое умение нужно. Хотя, по-моему, сделать на листе хороший оттиск тоже не так просто.

Название цеха — фотоцинкография — говорит само за себя. Все клише здесь изготавливаются из цинка фотографическим способом, а затем путём травления кислотами.

Для того, чтобы сделать клише, нужен фотографический снимок или рисунок, выполненный тушью на хорошей бумаге. С фотоснимков изготавливаются тонные клише, или, как их ещё называют, — сетчатые, а с рисунков — штриховые.

Чтобы клише получилось хорошее, фотоснимок сначала ретушируют — придают ему большую контрастность. Затем снимок помещают в репродукционный аппарат.

Репродукционные аппараты по своему устройству, точно такие же, как фотоаппараты в обычных фотографиях. Только по размерам они намного больше.

Собираются аппараты на чугунной раме. Экран — устройство перед объективом, куда вставляется снимок для фотографирования, — у такого аппарата большой — больше метра в квадрате. Объектив — как блюдце. На таких больших аппаратах фотографируют рисунки для плакатов. А фотоснимки для газет или книг снимаются на других аппаратах такой же конструкции, только размерами меньше.

Когда фотоснимок поместят на экран для съёмки, его сильно освещают, чтобы была видна малейшая чёрточка. Для этого у аппарата имеются электрические дуговые фонари.

Фотоплёнка для негативов такая же, как и в обычных фотографиях, только большей чувствительности. И выдержку фотографы цинкографии делают очень большую.

Проявляют негативы, как и в фотографиях, проявителем и закрепителем.

После того, как снимок сфотографируют и проявят, его просушивают и передают копировщику.

Копирование происходит очень просто.

На цинковую пластинку со светочувствительным слоем кладут негатив и заключают всё это в копировальную раму. Стекло копировальной рамы плотно прижимает негатив к пластинке, и с помощью дуговых фонарей (при копировании нужно очень яркое освещение) производится копировка.

После копировки цинковая пластинка промывается в обыкновенной воде. Там, где на негативе были светлые пятна, во время копировки яркий свет от дуговых фонарей задубливает светочувствительный слой, и поэтому он не смывается водой. Тёмные же пятна негатива заслоняют пластинку от дублирования, и в результате на этих местах светочувствительный слой смывается без особого труда.

Затем пластинку травят в специальных кислотах. Там, где светочувствительный слой был с пластинки смыт, кислота выедает в цинке углубления, и при печати краска в них не попадает, а на рисунке получается белое пятно. Там же, где светочувствительный слой был задублен прошедшими через негатив лучами, кислота на цинк не попадает и не травит его. Именно на эти места при печати ложится краска, и они дают чёрный рисунок.

Вот так изготавливаются клише.

В стереотипном цехе

Когда распределяли цеха, Костя сказал: «О стереотипном цехе будет писать Лёшка». Я, конечно, не стал отказываться. И вот теперь пишу своё сочинение.

Стереотипный цех нашей типографии, по сравнению с другими цехами, — небольшой.

Когда я зашёл в него, мне вспомнились слова Михаила Терентьевича о первых печатных станках, о первых процессах стереотипирования, когда набор заливался гипсовым раствором.

Какие с того времени произошли изменения!

Сейчас большинство газет печатается по сто и более тысяч экземпляров, а центральные — даже по миллиону и больше.

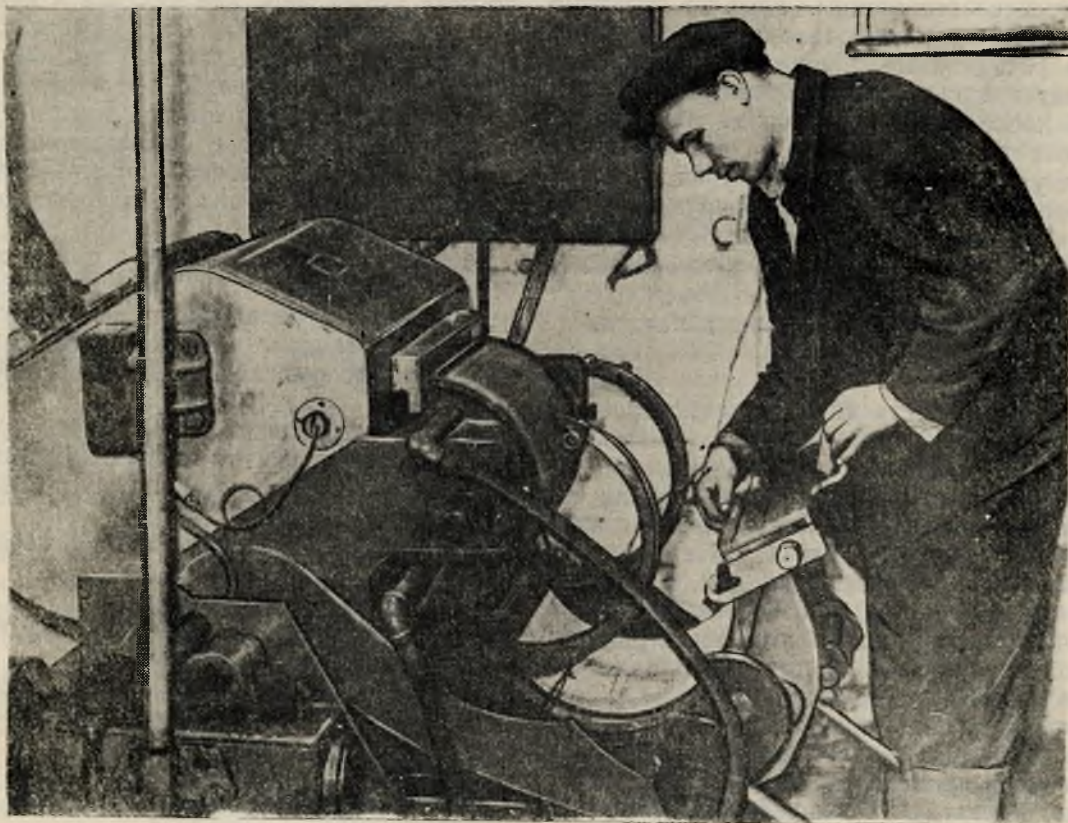
Книги печатаются по сто, двести, триста и больше тысяч экземпляров. Вот здесь и приходят на помощь стереотиперы. С набора они снимают матрицы, с матриц

делают отливы, и печатай газету или книгу сразу на нескольких машинах. А такие газеты, как, например, «Правда», благодаря стереотипёрам, сразу печатаются во многих городах Советского Союза. Снимают стереотипёры с набора

снимают их с машин, ставят новые, и печатание продолжается.

Для матрицирования набора применяется матричный картон. Поверхность его как отполированная — гладкая-гладкая.

„Высушенную матрицу укладывают в отливной станок.“

пятнадцать-двадцать матриц и уже через несколько часов матрицы на самолёте будут доставлены в Свердловск, Омск, Новосибирск, Иркутск, Хабаровск. Там с готовых матриц быстро делают отливы и печатают газету. Вот и получается, что даже в таких отдалённых городах, как Хабаровск, читают «Правду» в тот же день, что и москвичи.

Вот что значит стереотипный цех!

Книги тоже часто печатают с отливов. Это очень быстро и удобно. Придёт в негодность одна партия отливов, рабочие

Прежде чем снять матрицу, картон увлажняют. Он становится до того мягким, что, когда попадает под пресс, даже самые незначительные знаки выдавливаются на нём очень чётко.

Полосы набора перед матрицированием заключают в специальные рамы. После этого набор зажимается винтами, чтобы его не свалило, когда он попадёт под пресс, сверху кладут увлажнённый картон, накрывают «подушкой» из мягкой ткани и слоя бумаги, и раму с набором помещают под пресс.

Вынимая готовую матрицу из-под преса, стереотипёр проверяет, не продавило ли её где-нибудь насквозь. Если матрица хорошая, без продавленных отверстий, её кладут на просушку.

Высушенную матрицу укладывают в отливной станок. Станки эти двух видов: для плоского стереотипа и для круглого. Плоские стереотипы идут на печатные машины с плоским талером, а круглые — на ротационные. Процесс отливки занимает всего три-четыре минуты. Но сразу после отливки станок не открывают: дают отливу остыть. И только спустя минут пять отлив вынимают из станка и передают для отделки. Отделка отлива заключается в том, чтобы углубить свободную (не занятую набором и рисунками) площадь.

И вот стереотипы готовы к печати.

Я буду печатником-ротационером

Нет, что ни говорите, а Юрка — парень невезучий. Надо же было мне согласиться писать сочинение вместе с ним. «Давай, говорит, Мишка, вместе писать. Сначала о наборном напишем, а потом — о печатном». Ну, я и согласился. Его-то сочинение мы написали, а мне придётся работать одному. Я так и решил: лучше буду писать один, чем с ним. Один я хоть через неделю, но напишу. А с Юркой не напишешь и за месяц. Ему всё время в голову приходит фантазия: то он начинает чертить на бумаге футбольное поле и определять места игроков, то спрашивает меня: как я думаю, если он будет играть центром нападения, хватит ли у него силы? И вместо того, чтобы заниматься делом, мы спорим о футболе, доказываем друг другу, какой игрок нужнее в команде и где он должен находиться, когда мяч у наших ворот или у ворот противника. Вот и решите сами: можно ли так работать над сочинением?

Нет уж, лучше я буду писать один!

Да и что может подсказать мне Юрка, когда в цехе с ним всё время приключаются какие-нибудь истории.

Не успели мы зайти в цех, как в коридоре его прижали к стене бумагой. Коридор узенький. Рабочий вёз на тележке большую стопку бумаги — листов, навер-

ное, тысяч десять. Я говорю Юрке: «Подождём». А он не послушался, хотел проскочить, да не рассчитал. Вот его и притиснули к стене. Правда, Юрка говорит, что не больно, но брюки и рубашка у него на спине побелели от извёстки. Я пробовал отряхнуть, но извесь так въелась, что никак не отставала. Так он и ходил по цеху целый день, как мельник в муке. Рабочие посмотрят на него и улыбаются.

А цех большой. Ходили мы по нему с утра до самого вечера. И всё время были около машин. И каких машин тут только нет! Маленькие печатные машины — тигельные, и плоскопечатные — средние, и большие с полной автоматикой и самонакладами.

Рядом с печатным цехом, в таком же большом зале, стоит книжная ротационная машина, а через стенку от неё — ротационные машины газетные. И такой шум стоит вокруг, как на большом заводе.

Юрка расчувствовался. Когда мы прошли по всему цеху от начала до конца, посмотрели на все машины, он и говорит:

— Кончу школу, пойду работать печатником.

— А футбол? — спросил я.

— Футбол не уйдёт. Можно и в типографии команду организовать.

Он, конечно, прав. Столько здесь народу — не пересчитаешь. В одном только печатном цехе человек полтора, а то и больше.

Ходим мы так с Юркой, присматриваемся, расспрашиваем рабочих, чем они занимаются. Рабочие нам отвечают. Несколько раз подходил к нам папа. Подождёт, послушает, о чём мы разговариваем с печатником, и опять отойдёт. А мы довольны, что он не вмешивается в наши дела. Ему, наверное, Михаил Терентьевич подсказал, чтоб он не мешал нам.

Что-то всё у меня в виде предисловия получается, а к главному никак не подойду.

Вот я слышал, некоторые называют печатный цех сердцем типографии, даже в газете об этом читал однажды. А что, это, пожалуй, правильно. Да и папа говорит: вся работа в типографии зависит от печатного цеха. Идут машины, печатаются книги, значит, работа переплётному

цеху есть, книги выходят своевременно, и план типография выполняет хорошо. А если затор какой появится у печатников, сразу всю типографию лихорадить начнёт: переплётный цех работает не на полную мощность, выпуск книг задерживается, план не выполняется. Мастера бегают злые, ругаются. Папа даже домой иногда злым приходит. Поужинает и снова едет в типографию...

И люди в печатном цехе шустрые, подвижные. Выдаст им мастер форму, бумагу к машине подкатят или поднесут и — пошёл печатать!

Не сразу, конечно, начинают печатать. Вначале печатник подготовит форму к печати. Но всё это он делает очень быстро, чтобы машина не простояла лишние минуты.

Набор для спуска в машину готовят специальные рабочие. Они расставляют на столе полосы (страницы будущих книг) так, как требуется для печати, потом закрывают их в раму и подвозят на тележке к машине. Подвезённую форму осторожно сталкивают на талер машины.

Талер — это такая тележка у печатной машины, которая ходит на роликах или на колёсиках и возит на себе набор. Поверхность талера, как зеркало, гладкая. Печатник после того, как спустит форму в машину, проверит её, перезаклучит, то есть зажмёт как следует винтами, чтобы форма не рассыпалась во время печати.

Над талером стоит большой, во всю ширину машины, цилиндр. Он называется барабан. Барабан этот чугунный. Чтобы не сдавить набор, по которому он как бы прокатывается, когда талер идёт под машину, на барабан надевается лист тонкого гладкого картона или толстой бумаги, затем натягивается прорезиненное полотно, а поверх полотна закрепляется ещё несколько листов бумаги.

Во время работы машины барабан поворачивается вкруговую. Каждый раз на него кладут чистый лист бумаги, барабан прижимает его к набору, и так получается оттиск.

Когда мы всё это рассматривали, печатник отошёл. Юрка лёг на талер и так далеко просунул под машину, что упёрся головой в валик. А валик мягкий, голове не больно, ну Юрка и жмёт на него, а сам пальцем что-то нащупывает. Когда

всё уточнил, сползает с талера. Я как глянул на него, так и подавился от смеха. Валик-то, в который Юрка головой упирался, оказался в чёрной краске. Вот у Юрки и получилась отметина — широкая чёрная полоса во всю голову. Словно кто сажай провёл, да до того жирно, что даже волосы слиплись.

Я Юрке показываю на голову и, еле сдерживаясь от смеха, говорю:

— Что ты наделал?..

А он не поймёт никак. Смотрит на меня, моргает своими глазками и не догадается, что голова у него стала полосатая, как у зебры.

Тут уж я не вытерпел — засмеялся, и на голову ему показываю.

Схватился он за голову — вся рука чёрная от краски стала. Вначале Юрка растерялся, покраснел, оглянулся кругом, не смотрит ли кто на него, потом надел кепку и сам засмеялся:

— Ничего, — говорит, — дома отмою.

Случай с Юркой заставил нас рассмотреть как следует красочный аппарат, а то мы, пожалуй, не додумались бы узнать, откуда краска на валиках берётся.

Оказывается, сверху у машины имеется красочный аппарат, который наполняется краской. В нём всё время вращается валик. Этот валик берёт на себя краску и передаёт её на другие валики.

А у машин-автоматов красочный аппарат находится под столиком, на котором складываются отпечатанные листы. И валики здесь расположены не сверху вниз, а на одной линии. Их очень много. Если не ошибся, я насчитал восемнадцать штук.

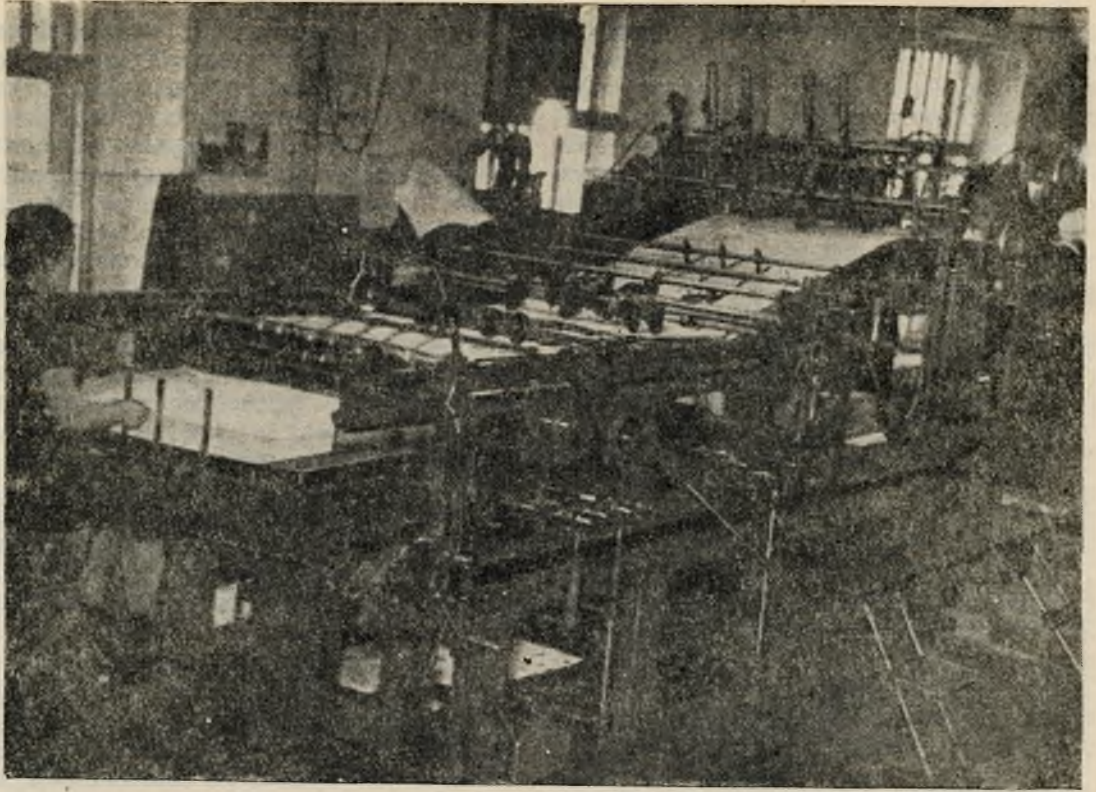
Машины-автоматы — быстроходные. Они печатают за смену до двенадцати тысяч листов.

Но есть машины ещё быстроходнее. О них я напишу немного позднее. А сейчас расскажу ещё одну историю, которая приключилась с Юркой.

Ходим мы с ним по цеху, присматриваемся, как работают машины, разговариваем с печатниками, интересуемся, чтобы потом всё подробно описать и не ударить лицом в грязь перед ребятами.

Остановились возле одной машины, на которой печаталась красочная обложка для книги, и задержались. Интересно смотреть, как переливаются на об-

*„Машины-автоматы — быстроходные.
Они печатают за смену до двенадцати тысяч листов.“*

ложке краски. Смотрели, смотрели, Юрка и сам не заметил, как положил руку на валик с зубчиками. А по этим зубчикам ходит «собачка» — крючочек такой металлический — и вращает валик. Юрка этого не знал. Положил руку и опирается. И голову решил нагнуть пониже, чтобы посмотреть, как получается красочный оттиск. Но не успел наклониться, как подошла к зубчику «собачка», чтоб повернуть валик, да вместо зубчика впиалась в Юркин палец.

Юрка руку отдернул, сморщился и чуть было в рот палец не засунул.

Я подскочил к нему, спрашиваю:

— Что с тобой, Юрка?

А он отталкивает меня и продолжает морщиться.

— Отойди, не до тебя, — говорит.

В это время подошёл к нам папа. Увидел, что Юрка рукой машет, поймал его

за руку, посмотрел палец и повёл Юрку во врачебный пункт, который находится тут же, при типографии.

Народу там, конечно, никого нет. Рабочие все трудятся и болеть не думают. А дежурный врач сидит: мало ли что может случиться на производстве. Вот они и дежурят вместе с медицинской сестрой.

Обмыли они быстренько Юркин палец, смазали йодом, забинтовали. Папа спросил у врача:

— Ну, как?

— Ничего особенного, не волнуйтесь, — ответила врач, — прищемило немножко и кожицу сорвало. Заживёт.

Вышли мы от врача, папа и говорит:

— Не лезьте, куда не следует. Да и вообще в цехе вам делать нечего.

— Как же, — говорю, — нечего? Мы ещё у ротаций не были. И потом у нас же пропуск от главного инженера.

— Пропуск даётся для того, чтобы ходить и смотреть, а не совать руки в машины. Хорошо, что только царапнуло. А могло бы руку оторвать.

Видать, здорово папа рассердился на Юрку. А что я сделаю? Не буду же я защищать его, раз он сам виноват. Стою и молчу. Всё равно, думаю, не прогонит. А потом, когда папа ушёл от нас, я сказал Юрке:

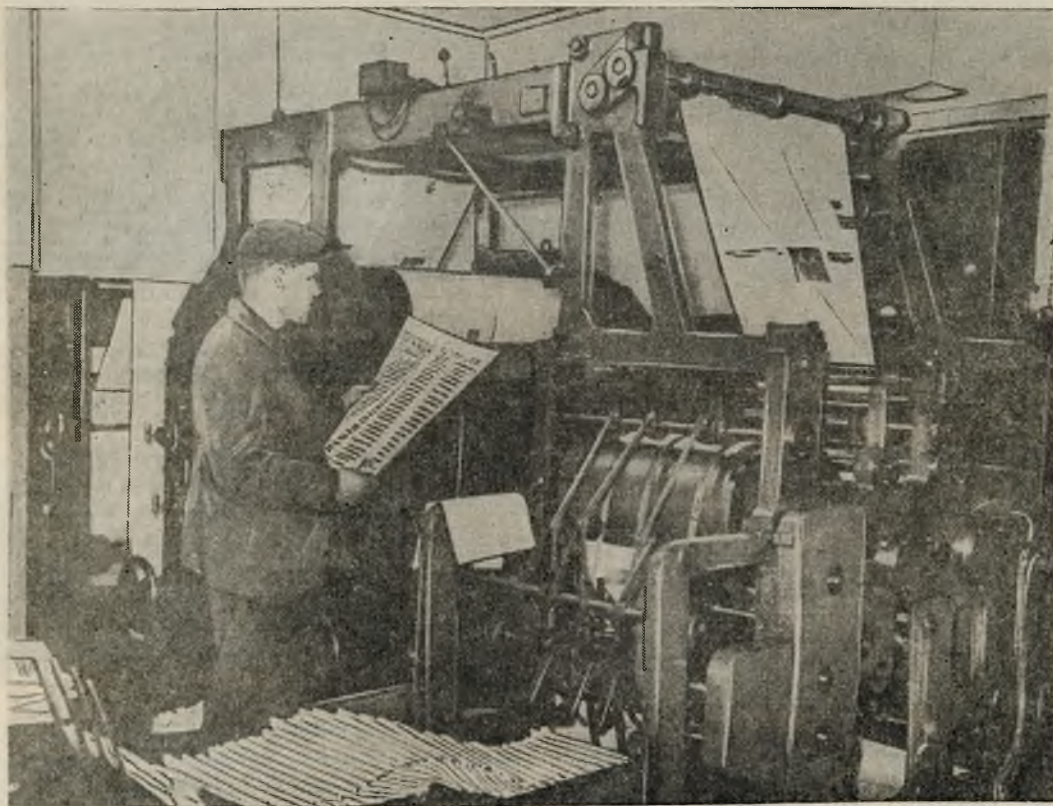
— Какой ты невезучий, Юрка. Иди-ка лучше домой. Я уж как-нибудь один справлюсь.

Но Юрка идти домой не согласился, и мы вместе с ним отправились к ротационным машинам.

Книжная ротационная машина это не то, что плоскочечатные машины. На плос-

кочечатных машинах печатают листами, а на ротационной подвешивают рулон бумаги, весом килограммов в четыреста, включают машину и — пошёл.

Рулон разматывается, сплошная лента бумаги пропускается через множество металлических валов, подаётся на первый барабан, который прижимает её к набору одной стороной, затем снова скользит по валам и идёт ко второму барабану, который прижимает её к набору другой стороной, а потом воронкой спускается в фальцевальный аппарат. Здесь она разрезается, складывается в тетради, или, как говорят полиграфисты, фальцуется,— и на приёмку машины сплошным потоком выползают сфальцованные тетради, отсчитанные машиной по пятьдесят штук.

„...ротационная машина это не то, что плоскочечатные...“

Мы, как подошли к машине, как увидели всё это, так и ахнули:

— Вот это да!.. Вот это скорость!..

А машина, знай себе, гудит да пощёлкивает. Мастера ходят вокруг неё, поглядывают и всё что-то подкручивают.

Разговаривать с печатником-ротационером во время работы машины очень трудно. Во-первых, машина здорово шумит и ничего нельзя разобрать; а во-вторых, работает она очень быстро, и печатник всё время следит за лентой бумаги, за печатью, чтобы бумага не рвалась, а печать была чистой, ровной.

Мы и не осмелились отрывать мастера от дела. Я тут же решил: лучше расспрошу папу дома обо всём. Он мне расскажет подробно.

Так я и сделал.

Походили мы с Юркой вокруг ротационной машины, посмотрели, как развёртываются рулоны, как выходят готовые тетради, и отправились домой...

Сочинение я писал долго. Больше недели. Хотелось написать его как можно лучше. Сейчас мне очень нравится наша идея написать книжку о типографии. Это не то, что вести дневник в походе. Что бы я там написал?

И главное, сегодня я понял: профессия для меня избрана! Если ещё этой зимой я собирался стать шофёром, то сейчас скажу так:

— Я буду печатником-ротационером!

Переплётный цех — завершающий

Мама у нас очень любит книги. Как получит зарплату, обязательно книги принесёт домой. И такая у нас хорошая библиотека скопилась — загляденье.

Мы с Витькой, моим младшим братишкой, тоже любим и бережём книги.

Часто к нам приходят соседи и просят маму.

— Маша, дай что-нибудь почитать.

И мама даёт книги охотно, даже из своих любимых. Но всегда напобит:

— Только осторожнее. Не порвите. Не запачкайте.

Да какое там «не запачкайте»! Как начнёшь проверять, смотришь: то листок у книги надорван, а то и вся страничка еле-еле, на одной ниточке, держится, то форзац запачкают или помнут. Форзац —

это чистый листочек, который соединяет книжку с папкой и приклеивается к внутренней стороне переплёта. А бывает, переломят книжку — это те, кто лёжа читает, и книжка сразу теряет вид. Вот мы с Витькой и сидим потом целыми вечерами, подклеиваем листочки, выправляем их. А когда и расшить всю книгу приходится.

Разорвёшь книжку, тетради от клея очистишь, подклеишь первые листочки, если они рваные, и сшиваешь снова. Потом в пресс зажмёшь, столярным клеём корешок намажешь, чтоб книга была прочнее и тетради не отставали одна от другой.

Не забываем и крышки книг посмотреть. Если надо — отремонтируем и их или новые сделаем. И снова книжка, как игрушечка.

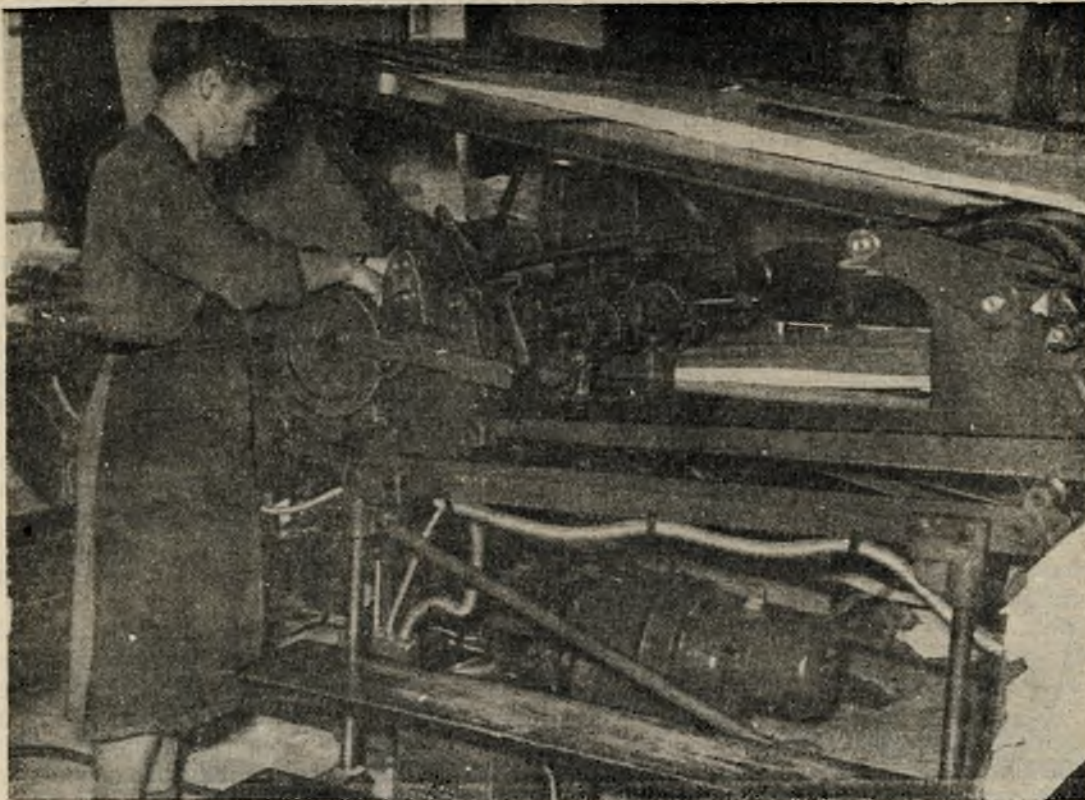
А переплетать учит нас мама. Витька сначала не хотел учиться. Мы с мамой берёмся за книги, а он — в дверь. Но потом мама его пристыдила, и он начал понемножку привыкать. А когда научился переплетать — не подступись! Только и носится со своими книгами, даже мне не стал доверять хорошие переплёты. Да я на это и не обижаюсь. У него, действительно, переплёты получаются очень красивыми и прочными. Лучше, чем у меня. Наверное, он какую-нибудь хитринку у мамы подметил, а я её не поняла. Или, может, у него талант к переплётному делу.

Вообще-то я не завистливая, не завидую Витьке. Но сделать что-то хорошее мне тоже очень хочется. И когда меня попросили написать сочинение о переплётном деле, я с радостью согласилась. Только попросила ребят, чтобы они Витьке пока ничего не говорили. Я хочу удивить и его. Пусть не задаётся своими переплётными.

Ребята обещали, что не скажут, и я села за сочинение. Делать-то всё равно нечего. Витька рыбалкой увлекается. Утром встанет раным-рано и — на реку. Мама целый день на работе. А я дома одна.

В переплётном цехе у мамы (она работает переплётчицей) я не была ни разу. Мама не любит, когда дети приходят к родителям в цех. И как переплетают новые книги, которые никто ещё не держал в руках, я не знаю,

„От фальцевальных машин доносится лёгкий свист скользящих тесёмок, пощёлкивание аппаратов, которые подают лист.“

На печатные машины можно в окно взглянуть и увидеть, как они печатают, а окна переплётчиков выходят во двор. К тому же половина цеха находится на втором этаже. Попробуй тут, загляни! Поэтому, когда мне ребята сказали, что достанут пропуск, чтоб всё рассмотреть как следует и описать, я очень обрадовалась.

Пока я не ходила в цех, мне почему-то казалось, что все переплётчики работают, примерно, так же, как учила нас мама. Берут одну за другой тетради (то есть отпечатанные и сфальцованные на машинах листы), сшивают их на тесёмки — и всё. А когда побывала в цехе, подумала: какая же я чудная! Да разве можно сшить тысячи книг руками?

В переплётном цехе сплошной поток. Куда ни помотришь, везде книги, книги, книги. Они двигаются по конвейеру, под-

хватываются разными машинами: обжимаются, прессуются, режутся, вставляются в папки. И кругом рабочие. Они-то и направляют потоки.

У входа в переплётный цех стоят высокие стопы отпечатанных листов. Листы из стоп фальцуются — то есть сгибаются тетрадями — и расползаются по цеху, затем приобретают форму сшитой книги, но ещё незаклеенной и не вставленной в папку. А в другом конце цеха стоят штабеля готовых книг, не успевших ещё потерять запах типографской краски. Разве это не интересно?

Чтобы проследить весь процесс от начала до конца, я прошла по цеху не один раз. И если бы меня попросили сейчас рассказать обо всём, что я видела, то я рассказала бы, пожалуй, не хуже мастера: так живо у меня всё в памяти и так отчётливо я представляю путь книжки.

Сейчас вот сижу, пишу сочинение, а мне кажется, что я всё ещё в цехе, всё смотрю, смотрю... Вот подкатывают на тележках отпечатанные листы повести Льва Николаевича Толстого «Хаджи-Мурат». Столик, на котором сложены отпечатанные листы, устанавливается в ряду с другими такими же столиками, а тележку уводят обратно в печатный цех, чтобы привезти новую стопу.

Стопы стоят рядами возле фальцевальных машин и ждут своей очереди на фальцовку.

От фальцевальных машин доносится лёгкий свист скользящих тесёмок, пощёлкивание аппаратов, которые подают лист. Фальцовщик берёт подвезённые листы пачками, распускает их веером и кладёт на стол машины. Листы постепенно подаются к ножам для сгиба, и лист сгибается раз, другой, третий. Всё это делают механизмы без малейшей помощи рабочего настолько быстро, что еле успеваешь следить за листом.

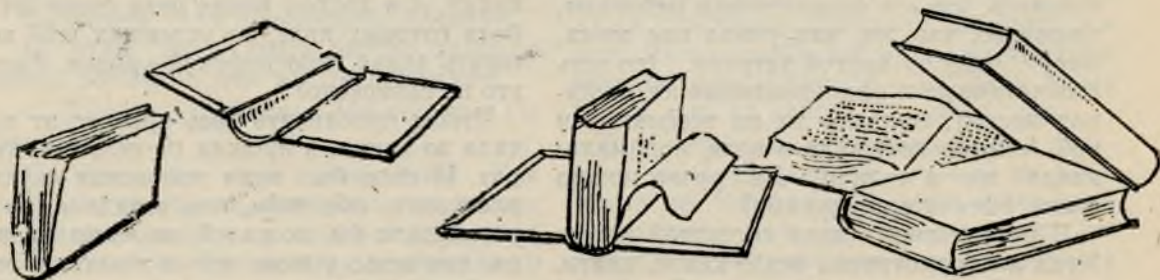
Сфальцованный лист выводится в приёмный жёлоб машины. Отсюда листы берутся на просмотр, — правильно ли сделаны сгибы, — и тетради вяжутся в пачки.

Тетради, связанные пачками, снова укладывают в штабеля, и так лежат они, пока не дойдёт до них очередь на листоподборочную машину.

В листоподборочной машине восемнадцать секций. Это значит: машина может подбирать книги толщиной не более восемнадцати тетрадей. Тетради укладываются в секции по порядку листов — от первого до восемнадцатого. Сработают механизмы — и на транспортёр выскакивает одновременно восемнадцать тетрадей, сложенных по порядку, как требуется для книги.

Скомплектованные, но не сшитые ещё книжки идут на ниткошвейные и проволокошвейные машины. На этих машинах тетради сшиваются на марлю и получается блок книжки. Ниткошвейные машины сшивают тетради нитками, а проволокошвейные — скобками из тонкой проволоки.

Подготовленный блок, то есть сшитая, заклеенная, но не вставленная ещё в папку книга, поступает на резальные машины. Здесь блок подрезается сразу с трёх сторон. Затем у книги заклеивается корешок, приклеивается каптал — голубая, зелёная, красная или какого-то другого цвета полоска, которая выступает у корешка книги сверху и снизу. После обрезки и заклейки блок подготовлен к вставке в папку.

Папки для книг готовятся отдельно. Вначале производится заготовка материала: режется картон на сторонки папки, раскраивается коленкор, ледерин или другая техническая ткань на корешок книги.

После того, как корешок и сторонки картона склеены, на корешке цветной типографской краской печатают название книги и фамилию автора. Затем сторонки картона заклеивают заранее отпечатанной обложкой — и папка готова.

Подготовленные папки попадают в сушильный шкаф или на сушильный конвейер. Затем у папок выгибается корешок, и только после этого они идут на блоковставочную машину, чтобы покрыть блок. Готовую книгу спускают на конвейер для контроля.

Так заканчивается путь книжки.

Наша книжка

Своё сочинение «Переплётный цех — завершающий» Женя Сизикова принесла нам раньше, чем Миша Струков. Но когда мы стали обсуждать, как лучше расположить материал, все пришли к одному выводу: сочинения надо поставить в таком порядке, в каком книга проходит по цехам типографии.

В этом у нас разногласий не было. Поэтому Женя не обидится, если её сочинение мы поставим самым последним.

Когда мы стали придумывать название книжки, долго спорили.

Первым название предложил Юрка:

— Давайте, ребята, назовём нашу книжку так: «Что мы узнали в типографии».

Мы долго обсуждали это название, даже поспорили, но тут Миша предложил новое:

«Необыкновенная фабрика».

Лёшка возразил ему:

— Не пойдёт!

Однако всем нам такое название понравилось, и мы готовы были согласиться с ним. Только Лёшка настаивал на своём и недовольно хмурился.

— Я читал книжку с точно таким же названием, — сказал он.

— Ну и что? — спросили мы.

— А то, что в этой книжке рассказывается про инкубатор, как в нём цыплята выводятся. Вот вам и «Необыкновенная фабрика».

В комнате поднялся шум. Стало ясно, что предложение Мишки отвергается.

И опять нам помог Михаил Терентьевич. До этого он сидел и молчал, но, поняв, что одни мы ничего путного не придумаем, сказал:

— А что если вы назовёте свою книжку, скажем, так: «Путь нашей книжки».

— Здорово!

— В самую точку!

Название, действительно, хорошее! Когда наши сочинения пройдут через ленточный, наборный, печатный, переплётный цехи, это на самом деле будет книжка. Может быть, маленькая, но зато настоящая. Наша книжка!

После того, как мы согласились с названием, которое предложил Михаил Терентьевич, мне осталось только собрать книжку из отдельных сочинений.

Может быть, мы и не всё написали, как надо. Мы рассказали о нашей областной типографии, которая намного меньше крупных полиграфических комбинатов Москвы или Ленинграда. Но когда Михаил Терентьевич прочитал нашу книжку, он похвалил нас:

— Молодцы! Молодцы, ребята! Главное — ваша! Главное — своя!

Он прошёлся возле стола, за которым мы сидели, каждого из нас похлопал по плечу или потрепал за волосы, потом подошёл к окну, снял очки и, отвернувшись, долго протирал стёклышки чистым платком.

Видимо, он очень волновался.

Василий Еловских

Г Р У З Д И

Уже осень наступила, а груздей в лесу всё нет и нет. Изредка встречаются сыроежки, опята, подберёзовики, разбросанные по полянам, возле мелких, бог весть кем протоптанных дорожек и между высочен-

ными соснами. «Не грибной год», — говорят старики.

Я целый день пробродил по лесу. Забирался в самую глушь, где не было ни дорог, ни тропинок. Разгребал палкой мелкий валежник,

рылся в больших и маленьких земляных кучах, покрытых сосновыми иглами. Но ни одного груздя не нашёл.

Домой возвращался по широкой, наезженной просёлочной дороге. В ту и другую сторону двигались пешеходы, повозки, велосипедисты и автомашины. Над дорогой поднималась светло-серая густая пыль. Она медленно оседала на землю, придавая траве и кустарникам урюмо-осенний вид.

Иду по этой дороге и думаю, что даже поганыша здесь не встретишь. Сел на траву отдохнуть. Корзину положил рядом. Палкой от нечего делать подковырнул бугорок, который возвышался слева от меня. Бугорок подался, верхушка его, представляющая собой плотную массу из сосновых игл, сухих комочков земли и мелких хворостинки, отлетела в сторону. И на меня глянули три ядрёных ярко-белых груздочка.

КАК ПОЙМАЛИ ЩУРЯТ

В тайге возле Тобола появились волки. Их видели женщины, ходившие за ягодами.

Мой сосед, старик Фирсович, лучший охотник в селе, зарядил старинную двустволку пулями, взял провизии на два дня и пошёл в лес. Вместе с ним отправился и я. Я охотник неопытный, и Фирсович мог меня многому научить.

Мы проходили с утра до вечера, но волков найти не смогли.

— Может, хоть следы обнаружим,— сказал я, не теряя надежды увидеть зверей.

— Нема следов,— равнодушно отозвался Фирсович. Его родители были украинцы, и он иногда путал русские слова с украинскими.— Давай обед готовить.

На берегу Тобола мы развели большой костёр. Фирсович вынул из котомки старенький закоптелый котелок и стал варить в нём пшённую кашу.

Горячая каша, крепкий чай и куски пшеничного зачерствелого хлеба утолили наш голод. Фирсович прилёг возле костра вздрем-

нуть, а я стал бродить по берегу реки.

Весной здесь река разливалась широко, и вода только что спала. Во многих местах остались лужи,

кое-где они были соединены с Тоболом узкими извилистыми потоками.

В большом логу, среди щепок, веток, коры и прошлогодней сухой травы, нанесённых сюда рекой, виднелась мелкая продолговатая лужа. Я ещё издали увидел, что в ней плавают щурята. Подошёл поближе. Щурята стали стремительно носиться из одного конца лужи в другой. Я подойду к северной стороне, рыбки уплывают в южную, подойду к южной, а они уже в северной стороне. Все щурята маленькие, тёмные, тоненькие. Но уху из них сварить можно. Как бы их поймать? Попробовать руками? Ничего не выйдет. Рубахой? Надо, наверно, тридцать рубах, чтобы перекрыть всю лужу. Стрелять из ружья? Но из ружья можно попасть в большую щуку, а не в таких маленьких.

Решив оглушить щурят, я поднял объёмистый ком земли и бросил его в воду. Но не тут-то было! Рыбки уже плавали в другом месте. А там, куда я бросил ком земли, вода замутилась. «Ну, думаю, в мутной воде рыбу ещё хуже ловить. Не поймать мне щурят». И вдруг так я захотел щучьей ухи, что не смог боль-

ше глядеть на лужу и пошёл к костру.

Рассказал обо всём Фирсовичу. «Вот, говорю, как бывает: видит око, да зуб неймёт».

Старый охотник молча выслушал меня, нахмурил брови, пробормотал что-то про себя и поднялся с земли.

— Ты посиди пока здесь,— сказал он,— а я пойду сам посмотрю.

Его не было минут двадцать. Я стал волноваться и крикнул:

— Фирсович!

— Ну чего, чего ты кричишь?— сказал старик, раздвигая кусты.— Глянь-ка, гарна уха bude?

В левой руке он нёс фуражку, которая наполовину была наполнена щурятами.

— Как тебе удалось их поймать?— удивился я.

— Это, сынку, штука несложная. Я зашёл в лужу и сильно-сильно взмутил воду. Стала вода на жидкую грязь похожа. У такой воды рыба не може находиться, ей там, чуешь, дышать больно трудно. О щурята и начали головы пидыматы на воздух. Я тильки подходил и брал их руками. Вот так-то, рыбак!

Уха получилась очень вкусная.

САД ПОД ОКНОМ

Ранней весной сорокового года я приехал в село Ильинка, расположенное в самой глубине Уссурийской тайги.

Мне посоветовали снять квартиру у одинокой старухи Макаровны, жившей в небольшом домике на краю Ильинки. Макаровна встретила меня приветливо и охотно согласилась сдать комнату.

— Живи пока здесь,— сказала она, показывая мне чистую светлую комнату с двумя большими окнами, выходящими в сад.— Пока тут поживи. А как деревья распустятся, в соседнюю комнату переберёшься. Пойдём, я тебе покажу её.

Соседняя комната была вдвое меньше и с одним окном. За окном виднелся огород, на котором ещё

не растаяли сугробы снега. На краю огорода — дощатый забор, сверху серого цвета и внизу тёмный от талой воды.

— А почему надо будет перебраться?—спросил я, недовольный тем, что старуха с самого начала обрекает меня на беспокойную жизнь.

— Когда сад распустится, в большой комнате темно будет.

«Врёт и не краснеет, — подумал я.— Так я тебе и поверю, нашла дурака. Наверное, решила кого-нибудь пустить весной в эту комнату».

Макаровна, видимо, заметила моё недовольство и сказала успокаивающе:

— В какой комнате понравится, в той и живи.

И вот я живу в большой комнате. Прямо в стёкла моих окон упираются ветки кустов. Веток очень много, и все они тонкие, длинные. Только у самой земли видны довольно толстые искривлённые стволы. Сад метров десять длиной. Но сквозь него я превосходно вижу соседний дом, из трубы которого целый день вьётся тёмная струйка дыма.

Вскоре наступили тёплые солнечные дни. На ветках появились малюсенькие светло-зелёные листики. И сразу же сад стал казаться вдвое гуще и выше. Соседнего дома уже не видно. Только дымящаяся труба возвышается над кустами.

И по мере того как сад под окном зеленел, в моей комнате становилось всё темнее и темнее. Наконец, зелёные кусты полностью закрыли солнечный свет, и в комнате наступил полумрак. За окнами виднелась сплошная зелёная масса, и от неё шёл густой, опьяняющий аромат.

Пришлось перебраться в соседнюю комнату.

Позднее я узнал, что кустарники в Уссурийской тайге обладают интересной особенностью: зимой они невзрачны на вид, а в летнюю пору становятся очень густыми, пышными и яркими.

Владимир Сидоренко

БОЛЬШОЙ ПАДУН

В глухомани иногда попадают-ся красивейшие уголки. Таким местом был Большой Падун.

По краям падуна величаво темнели строгие пихты, а вокруг растиался ковёр, вытканый яркими листьями жёлтых берёз, красных осин и коричневых черёмух. Зелёной бахромой окаймляли его молодые ёлочки.

Федька, который шёл на промысел впервые, просто остолбенел, увидев такую красоту...

Он скинул котомку и бросился к

вершине падуна. Вскоре сверху зазвенел его восхищённый голос:

— Петрович!.. Айдайте скорее!.. Вот где красиво-то! Ух!.. И далеко ви-и-дно!... А косачей-то, косачей! Ровно ягоды!..

От места, где мы остановились на ночлег, дно падуна круто поднималось кверху. Деревья расступались, давая место звонкому ручейку. Мелкой галькой шуршала под ногами узкая тропа. На ней виднелись свежие следы лося. Недавно проходил сохатый на водопой. Но

кто-то помешал ему. Сдвинутая в кучку галька, кривой след копыт и несколько надломленных веточек осины говорили о поспешности, с какой умчался лось.

Место у родника было чистое. Полянка пестрела поздними цветами кипрея. Посреди поляны — небольшая кладка из крупных камней.

Упавшие веточки, листья и камешки покрылись воздушными пузырьками. Казалось, что всё дно усыпано искрящимися драгоценностями.

Когда я пришёл на полянку, Федька стоял у ключа, наклонившись к воде. Одна сторона кладки была разворочена. Я подумал, что это сделать мог только медведь, стараясь достать до воды. По-видимому, он и спугнул сохатого.

Услышав мои шаги, Федька поднял голову и крикнул:

— Гляньте-ка, Петрович! Вот это здорово!

И действительно было здорово. Кристаллы минеральных солей густо покрывали лежавшие на дне камни и переливались разноцветными огоньками.

Если для меня, ежегодно бывавшего на падуне, каждый раз это зрелище казалось необыкновенным, то каково было Федьке!.. Ведь он никогда не видел ничего подобного.

— Хочешь, Федька, послушать маленькую хантыйскую легенду про такие ключики?— спросил я.

У Федьки загорелись глаза.

— Конечно, хочу...

— Ну, так слушай. Когда-то, в очень давние времена, медведь был хозяином тайги. Всё в тайге покорялось его силе и могуществу. Ото-

всюду стекались к медведю богатые приношения. Птицы отдавали самое красивое пёрышко, звери—золотой волосок, а деревья — изумрудные листья.

С каждым годом росла медвежья жадность. Прятал хозяин тайги свои сокровища глубоко в землю, зарывал их. Но всех несметных богатств было мало жадному медведю. Начал он ловить зверей и птиц, сдирать с них пушистую шкуру, обрывать разноцветные перья.

Испугались таёжные обитатели, зароптали на злого медведя. Услышал их ропот бог лесов — всемогущий Вонт-Ики. Сильно рассердился он на медведя. Великий грохот пошёл по земле. Всё живое попряталось от страха. А у медведя сразу память отшибло: забыл он, где спрятаны сокровища. Глубоко в землю запрятал их Вонт-Ики, залил, окружил подземными водами.

Иногда пробьёт из-под земли ключ — как раз в том месте, где были спрятаны сокровища. Рады такому ключику жители тайги, как будто вернулись их сокровища, отнятые медведем. Играют в ручье водяные струйки — переливаются, блестят сокровища...

А медведь найдёт такой ключик и старается достать своё добро со дна, но между мохнатыми лапами проскальзывают драгоценности, падают на дно, а ручей словно дразнит, насмешливо лепечет, смеётся над непутёвым. Заревёт на всю тайгу медведь от досады и злости, начнёт всё крушить на своём пути... А злостью разве делу поможешь? Не нужно было жадничать!..

Федька слушал мою сказку с раскрытым ртом.

— Ну, а дальше что?— спросил он, когда я кончил.

— А дальше... Всё... Или нет... Смотри, стенка разворочена. Вон там, подалее, сломано несколько молодых осинок, а недалеко от тебя свежий медвежий след. Сегодня утром был на ключике хозяин. Шибко сердился, да так и ушёл ни с чем.

Федька зябко поёжился и, прижавшись ко мне, оглянулся по сторонам.

— Так медведь и на самом деле приходил на ключик?— недоверчиво переспросил меня Федька.

— А то как же! Был, разворочал кладку у ключика, сломал несколь-

ко осинок и напугал своим рёвом лося. Видишь отпечаток лосиного копыта? Мелкие частые шажки говорят об усталости зверя, пробежавшего большой путь. Вот здесь он на секунду остановился, но, услышав медвежий рёв, сделал резкий скачок, сломал по пути несколько веточек осины. Смотри, на этом сучке прилепились волоски — стало быть, у него шерсть включена и сильно лезет.

— Здорово,— задумчиво протянул Федька, подходя к костру.

Ничего больше не сказал он в этот вечер, но и уснуть долго не мог — всё ворочался под полшубком...

КЕДРОВКА

Кто бывал в лесу, тот знает кедровку. Большеголовая, несуразная птица при встрече с человеком всегда прояв-

ляет нахальное любопытство. Стоит вам только появиться на опушке — она уже тут как тут. Выглядывает где-нибудь из-за сука старого кедра и верещит на весь лес: «Охотник идёт! Охотник идёт!»

А если вы смазали по улетающему глухарю?.. Вы ещё стоите на месте и переживаете промах, а уже десяток кедровок подняли вокруг такой трезвон, хоть из лесу беги: «Ай да стрелок! Ай да стрелок!»

Вот за такое-то пустозвонство я всегда недолюбливал кедровку. Но то, что я увидел однажды в лесу, навсегда изменило моё мнение.

Как-то, устав бродить по тайге, я присел отдохнуть на поваленный ствол ели. Выпавший ночью снег засыпал кочки и кусты багульника, хлопьями висел на деревьях. Тайга стояла молчаливая, торжественная. Лесные жители успели оста-

вить на первой пороше следы, и я с интересом рассматривал их.

Вот прошёл по своим заячьим делам беляк. У ручейка он, видно, присел отдохнуть да заодно и тальником полакомиться: молодые ветки, как ножницами, острижены...

А дальше, у кустов, крестики напечатаны — куропатка прогуливалась.

Вдруг над моей головой пролетела птица. Повинуясь охотничьему инстинкту, я схватил ружьё. Но это была всего лишь кедровка. Недалеке от меня она опустилась на сухую вершину дерева, покрутила

длинным носом и с размаху вниз головой окунулась в снег. Вскоре она уже сидела на пне. Посидела секунду, посмотрела вокруг и снова в снег нырнула. А ещё через секунду проделала всё снова.

Я вначале удивился: «Что, думаю, за желание у кедровки купаться в снежной ванне?» А потом заметил, что она не просто ныряет в снег, а что-то достаёт из луночки. Достанет, вспрыгнет на пень, расклюёт — и снова в снег нырнёт.

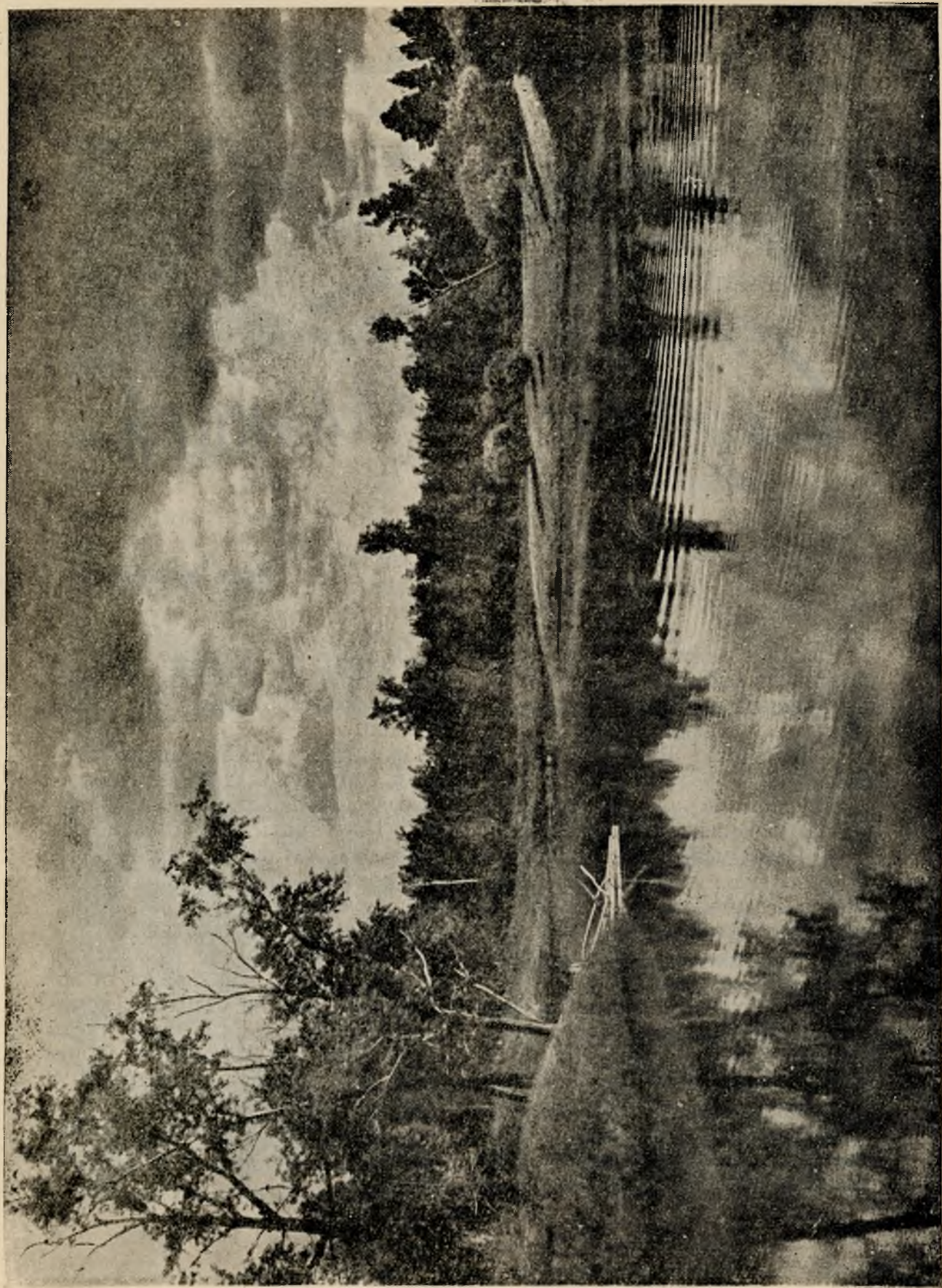
Подошёл я к пню — кедровка наель взлетела и сердито застрекотала.

Вижу: на пне скорлупа кедровых орехов разбросана. Я руку в снежную луночку запустил и среди стебельков мха нащупал что-то твёрдое и круглое. Достал и своим глазам не верю — кедровые орехи — ядрёные, один в один. Вот оно что! Значит, кедровка запасы на зиму готовит! Удивительно, как это она безошибочно их в снегу находит!

С тех пор изменилось моё отношение к кедровке. За такую память любое её пустозвонство можно простить...

На Ильметьевском озере (Байкаловский район)

Фотоэтиюд Е. Дежуса.

Иван Истомин

Как-то в детстве поехали мы с братом на рыбалку. Только оттолкнули лодку от берега, видим — бежит мать и кричит:

— Погодите! Рукавицы-то забыли!

Пришлось вернуться. Мать подала нам рукавицы и напутствовала:

— Разве можно без рукавиц-то? Намозолите руки, и комары искусают. Берите, да не теряйте, ещё не раз поедете.

Мы попеременно сидели на вёслах и, конечно, могли натереть ладони, а рукавицы сшиты из двойной замши — мягкие, удобные.

Была середина приполярного лета — стояли жаркие дни. Чуть веял ветерок, и вода на Оби лишь кое-где морщилась. Всё небо с белыми, как снег, редкими облаками отражалось в широкой реке. Когда мы

переезжали её, мне даже стало немного страшно. Казалось, что плывём по воздуху: вверху небо и внизу небо.

Промышляли мы на заливном лугу — в сору. Вода здесь неглубокая, и везде проглядывают островки ярко-зелёной травы. Сети ставил брат Федюшка, а я сидел в носовой части лодки и придерживал её веслом. Сразу же вокруг нас появились комары и стали больно кусать. Я одной рукой крепко держался за весло, а другой отмахивался от комаров. Но как ни старался, комары не унимались, и я решил гнать их рукавицей. Снял рукавицу с руки и давай воевать с комарами. А Федюшка предупреждает:

— Не хлещи себя сильно по лицу, опухнет. Со мной так однажды было.

Но как не хлестать, когда их целый рой вокруг головы кружит? Я сильнее махнул рукавицей и выронил её в воду.

— Ну вот,— засмеялся брат.— Я же говорил: не маши сильно.

— А я её сейчас достану веслом,— спокойно сказал я.

— Ладно, погоди,— говорит Федюшка.— Всё равно не достанешь, а утопить можешь. Никуда она не уплывёт, течения-то здесь нет. Вот поставим сеть и достанем.

Я промолчал и снова стал придерживать лодку, изредка поглядывая на плавающую рукавицу. Но тут у Федюшки что-то стряслось с сетями, и я засмотрелся на него. Лицо и руки у брата, как и у меня, казались просмолёнными, были коричневыми. Это оттого, что мы, как окончили учёбу, всё время на ветру, а руки — каждый день в воде. Оба мы были в тонких суконных парках, похожих на длинную рубаху, но с капюшоном и короткими рукавами, чтобы не мочить их в воде.

Я нарвал в воде пучок длинной сочной травы и стал им отгонять комаров. Пока следил за братом, совсем забыл про рукавицу и вспомнил про неё, когда кончили ставить сети. Теперь мы были далеко от того места, где я выронил рукавицу. Когда мы вернулись туда, её уже не оказалось.

— Куда же она делась?— удивился Федюшка.— Течения-то ведь нет и тихо, даже вода не шелокнётся.

— Ну, значит, утонула,— уверенно сказал я.

— Неужели утонула, такая лёгкая?— И Федюшка стал всматриваться в воду. Я тоже припал к бор-

ту лодки и гляжу вглубь. Дно недалеко, а северная летняя ночь светлая — всё видно. Вон трава стелется по дну, а вот жучок прополз. Что-то блеснуло вроде рыбки.

— Нет в воде рукавицы,— заключил брат, а сам зачем-то начал щупать дно веслом и даже помешал им.

Я тоже заработал веслом, и мы вмиг замутили воду.

— Ой, что мы делаем!— спохватился Федюшка.— Зачем мушкетеры, сети-то рядом!

— А может, зыбью от лодки вон туда, к траве, рукавицу отнесло,— сказал я.

Поехали, внимательно осмотрели островок травы — нет рукавицы. Доехали до берега, потом вернулись назад, опять всё кругом осмотрели — безуспешно.

— Ты, наверно, не рукавицу выкинул, что-нибудь другое,— сказал брат.

— Что ты, Федюшка. Я хорошо помню, как снял рукавицу с руки и стал махать ею.

— А всё-таки посмотри хорошенько около себя,— посоветовал недоверчивый брат.

Я перетряс всё, что было возле меня, и, конечно, ничего не нашёл.

— Ну вот и потеряли рукавицу,— загоревал я.— Это из-за тебя. Надо было сразу достать.

— Уже и захныкал! Найдём, куда денется.

Федюшка воткнул весло в ил и привязал к нему лодку. Пристать к берегу нельзя было из-за комаров. Мы долго молчали, каждый по-своему размышляя о случившемся. Сети стояли недалеко, и я заметил, как в одном месте туго натянутая

тетива вдруг прогнулась и ушла в воду. Затем раздался громкий всплеск.

— Федька, рыба попалась. Гляди!— воскликнул я обрадованно.

Брат обернулся и стал смотреть.

— Однако, щука. Поедем скорее, а то порвёт сеть и уйдёт,— сказал он.

Мы с трудом высвободили рыбу из сети, и в лодке громко зашлёпала хвостом большая щука.

— А живот-то какой огромный!— удивился я.

— Видно, икраяная. Хорошая будет уха, да и кулебяка неплохая выйдет.

Мы отъехали от сетей и вновь привязали лодку к веслу. Потом поели простокваши с зырянскими шаньгами и перед тем, как лечь спать, ещё раз объехали вокруг— искали рукавицу. Но так и не нашли. Мы запечалились — что скажем маме? Рукавица была почти новая, и вот потеряли. Мать не успевает шить и чинить нашу одежду.

Когда мы проснулись, от утреннего свежего ветерка лодку покачи-

вало на небольших частых волнах. Солнце стояло выше тальников, а дружный вороний гай и беспокойные голоса чаек предвещали ветреный день. Мы поспешили снять сети. Рыбы оказалось совсем немного — маленький сырок да два пыжьяна. Зато щука какая! Раскрыв зубастую пасть, она всё ещё шевелила жабрами.

— Рукавицу-то так и не нашли,— вздохнул я, принимаясь грести.

— Да, чудно получилось. Словно улетела,— ответил Федюшка.— Рассказать — не поверят.

И правда — мать не поверила нам.

— Не могли так потерять рукавицу,— сказала она твёрдо.— Наверно, где-нибудь оставили.

— Да нет же, мама, мы и к берегу-то не приставали,— убеждал её Федюшка.

— Ну, тогда ищите в своих вещах, в лодке. Рыбы-то хоть добыли? Батюшки, совсем мало! А щука большая и какая пузатая! Чай, икраяная. Сейчас уху сварим.

Мать сложила рыбу в мешок и пошла домой, захватив с собой вёсла. Федюшка ещё раз тщательно прощупал и перетряс всю дорожную одежду и мешочки с остатками провизии. Я же считал это совсем напрасным делом — ведь рукавица-то в воду упала.

Во дворе мы принялись развешивать сети для просушки. Этого нельзя было откладывать. Вдруг на крыльцо выбегает мать с засученными рукавами, в переднике и с радостно изумлённым лицом.

— Дети, рукавицу-то ведь я нашла!— весело воскликнула она.

Мы с братом молча перегляну-

лись и продолжали работать. Тогда мать окликнула нас громче:

— Слышите, ребята? Вот потерянная-то рукавица! Смотрите!

Мы оглянулись, и верно — мать показывает рукавицу.

— Откуда она взялась? — произнёс я с изумлением.

— Да у щуки в животе нашла, — объяснила мать сквозь смех.

— Как у щуки?! — закричали мы и побежали в дом.

Оказывается, мать распорола щуке живот и вместо икры увидела туго набитый чем-то тёмным желудок. А когда разрешила его, от удивления ахнула — рукавица!

— А мы-то её искали! — покачал светлой головой Федюшка и ткнул пальцем в щуку, распластанную на столе. — Ишь, воровка.

— И как она съела рукавицу? — продолжал удивляться я.

Старый дед объяснил:

— Видно, плыла близко, увидела на воде рукавицу, приняла за утёнка и — хват. Прожорливы они, щуки-то. Помню, мы однажды в желудке у щуки подпилоч обнаружили.

— Какой подпилоч? — удивился я.

— Обыкновенный, с деревянным черенком. Наверно, кто-то выронил, он и поплыл торчком, а щука увидела и схватила.

— Вот жадюги! — Федюшка взял со стола нож и ударил им по рыбе.

Я долго рассматривал рукавицу, не повредила ли её щука зубами, но рукавица была целая, только мокрая.

Ох, и смеялись же мы тогда! И сколько ещё потом рассказов было!

Медведи-рыболовы

Григорий Лазарев

С восьми лет я часто выезжал с отцом на рыбалку.

Как сейчас помню одну осень. Промысел рыбаки вели на речке, притоке Оби. Ловили поднимающуюся на зимовку в омуты рыбу.

Шёл сентябрь. Приближение осени прежде всего ощущалось здесь, возле речки, которая проложила себе путь между гор северного увала. С каждым днём становилось всё прохладнее. На закате над речкой рано сгущался туман. Долго держался он и по утрам.

В это утро туманная завеса держалась особенно долго. Рыбаки, ожидая прояснения, находились в своей избушке.

— Гости к нам идут, — весело произнёс рыбак, входя в избушку.

— Какие гости?— спросил старик, чистивший трубку.

— Мохнатое семейство — медведи. На той стороне речки, — ответил рыбак.

Незаметно избушка стала пустеть. Один за другим рыбаки тихонько выходили на улицу посмотреть на «гостей».

За ними выскользнул и я. За речкой я увидел трёх медведей, которые шли гуськом — один за другим.

— Одна семья. Мать с детьми, — пояснил старый рыбак.

Подойдя к речке, медведица стала смотреть в воду.

— Видишь, как заморозило, — продолжал старик. — Это рыба её приманила.

Осенью на отмелях, возле берегов речек, густо скапливается рыбная молодежь, поднимающаяся к ис-

токал. Особенно много её собираются ночью, когда тихо.

Медведица стояла неподвижно и наблюдала за игрой рыб. А медвежата бегали, толкали друг друга, кувыркались. Мать тихонько рычала на них и отгоняла от себя. Медвежата отскакивали, барахтались и снова возвращались к ней.

Постояв над водой, медведица круто повернулась, подошла к траве и начала рвать её вместе с корнями. Набрав большую охапку травы, выпрямилась, как человек, и, переваливаясь с лапы на лапу, зашагала к заливу.

— Смотрите, и вправду собираются рыбу ловить!— удивился кто-то из рыбаков.— Тоже что-то соображает.

Медведица вошла в воду, остановилась посреди залива, забрала травой воду и выплеснула её на берег. Попавшаяся в этот «невод» рыба вылетела на сушу. Медвежата на лету подхватили рыбу и с большим аппетитом проглотили. Всё это повторялось много раз. Когда отдельных рыбок сносило водой обратно, медведица старалась поймать их. Если ей это удавалось, она тут же клала их себе в пасть. При неудаче злилась, рычала и шлёпала лапой по воде так, что поднимался фонтан брызг.

Когда «невод» стал приходиться пустым, медведица бросила траву, вышла на берег, рывкнула, мотнула головой и вперевалку пошла в лес. Следом за ней потянулись медвежата.

— Вот тебе и медведица!— сказал, улыбаясь, старый рыбак.— Невод придумала...

Тут рассеялся туман, и рыбаки начали лов...

* * *

В другой раз мне пришлось быть на рыбалке на Оби. Стояло сибирское лето. Над Обью вились чайки и халеи, высматривая для себя добычу. Вечером и утром раздавался крик гусей и уток, большими стаями собиравшихся на кормовые озёра.

Хорошо в это время на Оби!

Отец работал на стрежовом неводе. Неводная тонь представляла собой полуостров. Отходил он узкой полосой от левого берега, вдавался далеко в реку. Ловили здесь ценные породы рыб: муксуна, нельму и осетра.

С конца августа рыбу начинали отсаживать в сады — специальные водоёмы с проточной водой.

Рыбаки собирались отвозить в сад добытую рыбу. Вместе с ними был и я. Перевалили Обь, стали приближаться к берегу. Сидевший за рулём рыбак неожиданно сказал:

— Иван, смотри, кто-то осетра потащил в лес...

— Что ты болтаешь? Кто может рыбу в лес тащить, что с ней там делать!— ответил Иван Павлович, сидевший на вёслах.

— Да я тебе говорю!

Иван Павлович, приподняв вёсла, повернул голову и стал смотреть вперёд.

— Вон, туда смотри, на берёзу, что в конце лога.

Я тоже посмотрел туда, куда показывал рыбак, и на опушке леса заметил двигавшегося медведя. На плече его лежал большой осётр, изогнувшийся дугой. Рыбий хвост волочился по земле, а головы не было видно.

— Ах ты, мишка косилапый! — закричал рыбак. — Видно, в саду поймал и в лес потащил!

Иван Павлович налёг на вёсла.

Как только лодка коснулась берега, рулевой громко крикнул. Из леса ответило эхо. Медведь не обратил на крик внимания и спокойно уходил дальше. Тогда мы закри-

чали все разом. Не выпуская из лап осетра, медведь повернулся к нам. Мы закричали ещё раз. Тут медведь бросил свою добычу и юркнул в чащу.

Поймал медведь в саду осетра килограммов на сорок, но отведать вкусной осетринки ему так и не удалось...

Вратарь.

Фотоэтиюд М. Рогожнева.

Настоящий пионер

Знайте: Сэко Салиндер —
Настоящий пионер.
Порыбачить спозаранку
Он решил и сел в колданку.

Едет — смотрит: у болота
Бьётся что-то или кто-то.
Э, да то попал в капкан
Лебедь — гость из южных стран.

Машет крыльями, но в путях
Обе скованы ноги.
И у Сэко просит будто:
«Сэко, Сэко, помоги!».

Мальчик птице помогает,
А вдали старик бежит,
Палкой машет и кивает,
Знать даёт: «Держи, держи!».

Вот с трудом капкан раскрыт.
Лебедь вырвался, летит.
А старик ругает Сэко,
Очень зол старик на Сэко.
«Что наделал ты!»— кричит.

Только Сэко Салиндер—
Он не трус, а пионер.
Он ответил: «Эту птицу
Бить, ты знаешь, не годится.
Ты, выходит, браконьер».

А над тундрой зелёной
Лебедь пел освобождённый:
«Ай да Сэко Салиндер!
Настоящий пионер!»

*Перевёл с ненецкого
Михаил Лецкий.*

**БЫТЬ
ТАКИМ,
КАК
ИЛЬИЧ**

Леонид Лапцуй

В красном галстукe Вэсамбой
На почётной линейке стоял.
— Весь наш класс гордится тобой, —
Вэсамбою учитель сказал.

Окружила его детвора,
Вэсамбою кричат гурьбой:
— Вэсамбой — отличник, ура!
— Молодец ты у нас, Вэсамбой!

Покраснел Вэсамбой, смущён.
То и дело смотрит в окно.
Ждёт отца в интернате он —
А отец уж приехал давно.

А отец его — старый пастух.
Голова у него седа.
Много лет, как солдат на посту,
Он оленьи хранит стада.

Не разделся с дороги он,
Ждёт, когда отпустят ребят.
Только малицы капюшон
С головы откинул назад.

У ребят окончился сбор,
И горнист отбой проиграл.
Вэсамбой побежал в коридор
И отца своего увидал.

Вэсамбоя спросил отец:
— Буквы русские знаешь, сынок?
Говорят, что ты молодец—
Так прочти же мне несколько строк.

Я ведь, видишь, совсем уж стар,
Не учился читать никогда...
Открывай, Вэсамбой, букварь
Там, где Ленин, Кремль и звезда.

Вэсамбой, волнуясь, читал
Про любимого Ильича,
Про того, с кем народ восстал
И прогнал навсегда богача.

Кто Советскую власть укрепил,
Коммунистов повёл за собой...
Старый ненец слезу уронил:
— Хорошо ты прочёл, Вэсамбой!

Это Ленин принёс на Ямал
И колхозы, и светлую жизнь...
Ты, сынок, хоть ещё и мал,
Быть таким, как Ильич, учись!

*Перевёл с ненецкого
Михаил Лецкий.*

У НАС В ГОСТЯХ УКРАИНЦЫ

На все языки переводятся лучшие произведения русских писателей. Широко издаются переведённые на русский язык лучшие произведения писателей всех народов. В разделе „У нас в гостях“ мы будем знакомить наших читателей с новыми произведениями украинских, белорусских, болгарских, чехословацких, польских, китайских и других писателей советских республик и стран народной демократии.

В этом выпуске сборника мы познакомим наших читателей с отдельными украинскими литературными произведениями, переведёнными на русский язык Е. Григорьевым и М. Лецкиным.

Мамы ПРАЗДНИК

Наталья Забила

День Восьмого марта — праздник
Наших милых, славных мам.
Мы их нынче не напрасно
В детский сад позвали к нам.

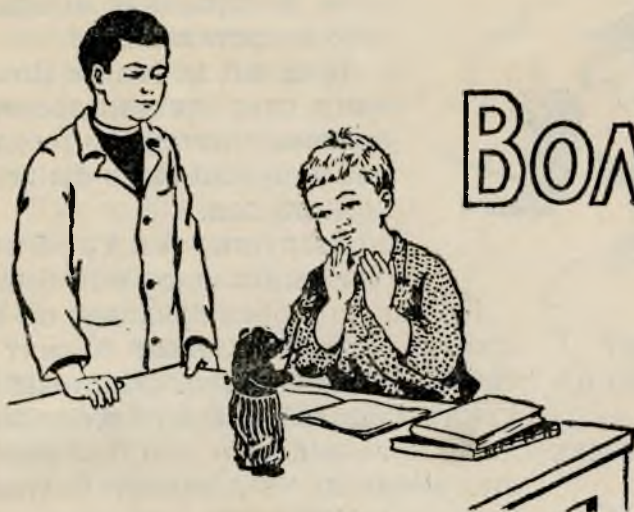
Каждой маме по подарку
Преподносят малыши:
Рисовали краской яркой,
Вышивали от души.

И украшенный цветами
Написали мы плакат:
«Честь и слава каждой маме
И привет от всех ребят!»

Перевёл М. Лецин.

ВОЛШЕБНИК

Пилип Бабанский

Началось всё с медвежонка. Купил отец Андрейке медвежонка-скрипача. Такой смешной, в полосатых штанах, в одной лапе скрипка, в другой—смычок. На спине у медвежонка—дырочка. Вставишь туда ключик, заведёшь—медвежонок начинает на скрипке играть да ещё пританцовывать.

Старший брат Николай,—он уже десятилетку закончил и теперь в техническом училище учится,—дразнил Андрейку:

— Большой уже, в школу ходишь, а игрушками забавляешься.

Андрейка хмурился и отвечал:

— Ну и что же, а если мне нравится...

И так он полюбил свою весёлую игрушку, так привык к ней, что не мог за уроки сесть, пока медвежонок ему не спляшет.

Но вот однажды с медвежонком что-то сделалось непонятное. Начал Андрейка заводить его ключиком, и вдруг внутри что-то хрустнуло. Андрейка словно застыл. «Что ж это хрустнуло?»—думал он. Поставил медвежонка на стол, тронул пальцем—не двигается. Чуть не заплакал Андрейка. Но никому ничего не сказал.

Прошла неделя, а может, и больше. Как-то вечером сидит Андрейка над задачей, в дом заходит Николай. Разделся и спрашивает:

— Ну, как твой медвежонок?
— Не шевелится,— грустно отвечает Андрейка.

Николай улыбнулся, взял ключик и ну заводить медвежонка.

Стал Андрейка смотреть, что же дальше будет. А брат поставил медвежонка на стол. Эх, как затарахтит зверушечка, как затанцует, смычком задвигает, ну настоящий скрипач!

— Пляшет, пляшет!— возбуждённо закричал Андрейка, подпрыгивая и хлопая в ладоши.

Андрейка был очень рад и каждому, кто приходил к нему, объяснял Колиными словами:

— Мой медвежонок прежде немного устал, а теперь отдохнул и снова пляшет.

Всё бы, возможно, хорошо было, но подстерегла Андрейку ещё одна беда. Зашла как-то раз к ним соседка с мальчишкой Вовой. Он совсем ещё маленький, ничего не соображает. Взял Вова медвежонка, а ключик от него выронил. В полу щель была меж досками. Брякнулся ключик об пол и — в щелку.

Андрейка незаметно толкнул Вову и сердито сказал:

— Теперь, как хочешь, так и доставай...

Конечно, не только Вова, но и отец не мог достать ключик, потому что для этого нужно было бы поднимать пол.

Загрустил Андрейка. Очень досадно ему было.

Но как-то в обед приходит он из школы, видит: ключик торчит в спинке медвежонка. Настоящий ключик! Да ещё какой блестящий, даже красивей того, что был раньше. «Чудеса, — подумал Андрейка. — Откуда ж этот ключик мог взяться?»

И побежал к отцу.

— Папа, ты не знаешь, откуда взялся этот ключик?— спросил он.

— Не иначе, как волшебник побывал у тебя,— сказал отец.

Андрейка недоверчиво глянул на отца. Он решил проверить: может, и вправду тут какие-нибудь чудеса. Незаметно спрятал ключик в ящик стола и стал ждать, не появится ли ещё один ключик.

День ждал, второй, третий—ключик не появлялся.

«Видимо, этого волшебника не перехитришь», — подумал Андрейка и достал из стола ключик. Мальчик, наверно, скоро и забыл бы об этом, но в квартире и во дворе снова стали твориться всяческие чудеса.

Как-то ранним утром в комнату вошла соседка по квартире — старенькая бабушка Елена.

— Та кастрюля... не ваша? — растерянно спросила она у Андрейкиной мамы.

— Где? — не поняла мама.

— А там, на столе, в коридоре.

— Так то же ваша! Забыли, что ли?

Бабушка, конечно, не могла забыть своей эмалированной кастрюльки. Но ведь в прошлом году она стала протекать, и бабушка Елена выбросила её в коридор, так и не успев отнести в мусорный ящик. А нынче пошла, глянула, а она — целёхонькая! Ещё и водой кто-то наполнил.

— Вот, посмотрите, — показывала всем бабуся. — Полнёхонькая кастрюля воды и хоть бы тебе капелька вытекла!

Тут Андрейка снова вспомнил волшебника. Наверно, это тоже дело его рук...

Во дворе были качели. Катались все, кто хотел, пока не сломалось железное кольцо, тогда все забыли о качелях. А вот недавно кто-то подошёл, глянул, а качели — в полной исправности. Раскачиваются ребята и смеются:

— Волшебник качели исправил!

Но в это же время всех разбира-ло любопытство: кто же он, тот волшебник?

И вот как-то случилась такая история. Дворник Евсеевич заметил, что кто-то вывернул внутренний замок парадных дверей. Евсеевича никто не боялся, но он по самому малому поводу поднимал такой шум, что на его голос сходилась весь двор и даже участковый милиционер прибегал.

— Чтоб ему душу вывернуло! — кричал Евсеевич.

— Так это ж волшебник! — смеялись ребята.

— Всё равно я в милицию заявлю! — не успокаивался Евсеевич. — От меня не спрячешься!

...Вечером того же дня волшебник поймался. Андрейка сидел за столом и заводил своего медвежонка, как вдруг услышал под окнами какой-то шум. Мигом выскочил он в коридор и застыл: в тамбуре стоял окруженный ребятами Коля. Он стыдливо улыбался. Тут же был и Евсеевич.

— Я же говорил, что от меня не спрячешься! — выкрикнул дворник, но потом спохватился:

— А вообще, парень, с хорошими делами прятаться не следует. Руки у тебя, брат, золотые. Гордись-

А вот совсем недавно придумал— мастерскую устроить. В углу двора сделали длинный стол, отгородили его. Как только Коля появляется во дворе, ребята за ним — табуном. И уж до самого вечера в той ма-

ся надо! Видишь, замок-то был никудышный, а теперь как новый...

С тех пор все приходят к нашему Коле. Водопровод ли у кого испортился или игрушка, примус надо наладить или кастрюлю запаковать — всё делает Коля, как настоящий слесарь.

стерской заклёпывают да паяют. И Андрейка частенько вертится там: то кому-нибудь паяльник подержит, то зубило подаст. И очень гордится он своим старшим братом, которого все во дворе прозвали Волшебником.

Перевёл Е. Григорьев.

Подружки.

Фотоэтиюд Ю. Чернышёва.

ЗАЧЕМ РУГАТЬ КОТЁНКА?

Шутка

Сварила мама холодца.
А чтоб скорей остыл он,
Влила в тарелку—
    для отца —
И ситом чуть прикрыла.
И в сени вынесла—
    туда,
Где курочка неслася.
За мамой вслед вошёл тогда
Пушистый котик Вася.
Свалил он сито с холодца
Так ловко и умело,
И преспокойно до конца,
До крошки всё поел он.

Наелся—
    хороши дела!—
И лапкой умывается...
Но в сени мама вдруг вошла
И — слышу я—
    ругается.
Бежит котёнок впереди,
А мама — вслед, вдогонку.
И я сказала:
    — Подожди!
Зачем ругать котёнка?
Не виноват котёнок, нет!
Смотри: трясутся лапы!
Не мог же знать он,
    что обед
Оставлен был
    для папы!..

Перевёл Е. Григорьев.

Девочка ночью шагает

Ухают совы... Рыдает,
Воеет, хохочет гроза.
Девочка ночью шагает—
Не обернётся назад.

Сердце в груди замирает...
Сердце не подведёт!
Девочка ночью шагает
Смело, упорно вперёд.

Перевёл М. Лецкий.

Девочка ночью шагает
Лесом дремучим одна.
Тьма её злая пугает,
Злая страшит тишина.

Веки смыкает усталость...
Жутко... Но время не ждёт:
Мама больная осталась—
Дочь за лекарством идёт.
Долго идти ей. Далёко!
Темень. Собьёшься с пути.
...Девочка ночью глубокой
Вышла, чтоб маму спасти.

Вот, темноту зажигаю,
Волчьи сверкнули глаза...
Девочка ночью шагает—
Не обернётся назад.

Пусть ещё город не близко,
Ветер свирепствует вновь,—
Крепнет от страха и риска
Светлая к маме любовь.

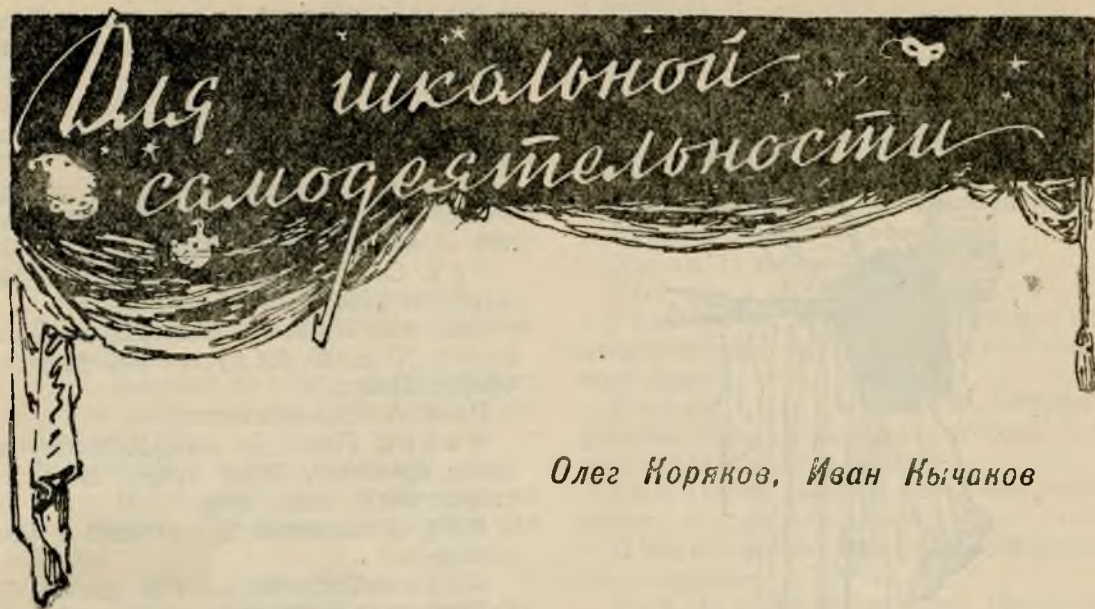
Сказка-шутка

Вы послушайте, ребяташки,
Рассказ,
Он написан про барашечка
Для вас.
Жил в кошаре
Он с отарой,
Наш юнец.
Отлучился
И отбился
От овец.
Возле брода
Пить он воду
Жадно стал.
И малышка—
Ох, глупышка—
В лес помчал.
В чаще скрылся,
Заблудился
Наконец:
— Как добраться
Мне до братца,
До овец?..
А из чащи—
Глаз горящих
Огоньки.

Это волки:
Слышно — щёлкают
Клыки..
Оглянулся,
Повернулся—
Наутёк!
Вдруг за ёлкой —
Снова волки,
Зубы — щёлк!
Что ж тут делать?
Растерялся наш юнец..
Только сказочке, ребяташки,
Не конец.
В чаще книжечку писал я,
Рядом был—
Для барашечка страничку
Приоткрыл.
Он меж строчек
Может спрятаться везде!..
Вы же спросите меня:
— А волки где? —
— Перегрызлись все от злости
У кустов.
И остались только кости
От волков!..

Перевёл Е. Григорьев.

Олег Коряков, Иван Кычаков

ПАВКА

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Том, Джон, Рой — дети американских рабочих.

Фэйни — сын адвоката.

Дядя Мак.

1-й полицейский.

2-й полицейский.

Улица американского пригорода. На углу, беседуя, стоят Том и Рой.

Том. Три недели отец в тюрьме.

Рой. А суд скоро?

Том. Всё тянут. Улики ищут... А как твой?

Рой. Болеет. Вчера мама последнюю скатерть продала. Лекарство надо было купить. А тут ещё адвокат! Раскопал он какую-то долговую книгу и грозитя вытряхнуть нас из квартиры.

Том (*глядя вдаль*). Постой! Там что-то творится!

Мальчики всматриваются.

Рой. Смотри, смотри! Полиция нагрянула!

Из-за угла выходит Фэйни, прислушивается к разговорам ребят.

Том. Дубинками действуют... Один на один бояться, так группами нападают. Подлецы!

Фэйни. Эй, Том, поосторожнее! Всё-таки, полиция...

Том (*обернувшись, иронически*). А-а, это ты, адвокатский сынок! Прошу прощения, сэр! (*Лезет на забор*). Да там настоящая свалка! Ох и здорово наши отбиваются!

Фэйни. Я пришёл к тебе, Рой. *(Рой делает вид, что не слышит)*. Ты слышишь?

Рой. Смотри, Том, как он его саданул! Настоящий апперкот!

Фэйни *(угрожающе)*. Ты не хочешь говорить со мной? Ну, хорошо! *(Хочет идти)*.

Рой. Постой! Что тебе надо?

Том *(спрыгивая на землю)*. Пойду взгляну, чем дело кончится. Пошли, Рой, к нам на крышу!

Рой. Иди, я догоню! *(Том убегает)*. Что тебе нужно?

Фэйни. Плати долг. Я больше ждать не намерен.

Рой. Но у меня нет... Видишь, ничего нет... *(Выворачивает карманы)*.

Фэйни. А это что? Носовой платок? *(Берёт носовой платок)*. Сойдёт за два цента.

Рой. Но он стоит дороже!

Фэйни. А проценты? Забыл? Ты у меня сколько брал? Два доллара.

Рой. Но я тебе уже отдал всё.

Фэйни. А неустойка? Ты должен был

отдать ещё в мае. А сейчас какой месяц? Не знаешь? Октябрь. Вот и посчитай, сколько ты мне должен.

Рой. Но ведь ты знаешь, что мой отец болен, очень болен. А деньги я брал на лекарство...

Фэйни. Мне нет дела, зачем понадобились тебе деньги. Ты брал — это главное. И не задерживай меня.

Рой. Сейчас я не могу заплатить. Можешь ты понять...

Фэйни. Не хочу. Ты срываешь мой бизнес. Я давно бы пустил эти деньги в оборот. Плати.

Рой. А если не заплачу?

Фэйни. Пеняй на себя. И твоему папаше, по-моему, будет хуже. Ведь мой старик ведёт ваше дело.

Рой. Я заплатил бы, но чем? У меня ничего нет...

Фэйни. Так и быть, я тебе помогу. Давай так: ты будешь говорить мне обо всём, что делают, говорят и думают твои дружки, Том и Джон. Кроме того, ты повежёшь меня во-он до той водокачки.

Рой. Что ты говоришь? На чём я тебя повезу?

Фэйни. На спине. Что, вам не нравится, сэр? А долг? Поворачивайся! Ты теперь моя лошадка, любезный. Слышишь?

Рой покорно подставляет спину. Фэйни взбирается на Роя и покрикивает: «Поехали! Бегом! Марш!» Рой убегает со своей ношей за кулисы. Вскоре появляются Том и Джон.

Джон. Ух... Заварилось дело! Понимаешь, босс... Ух...

Том. Да рассказывай толком.

Джон. Босс решил сорвать забастовку, подкупил штрейкбрехеров...

Том *(тревожно)*. И они прошли в порт?

Джон. Докеры блокировали все проезды. Никого не пропускают. Полиция — на них...

Том. Мы видели.

Джон. Но этим молодчикам туго придется. А совет профсоюзов объявил, что поддерживает забастовку.

Том. Красота! Теперь боссу несдобровать!

Джон *(оглядываясь)*. А ещё... Смотри—молчок!.. Из Нью-Йорка приехал один коммунист...

Том. Ну-у? Помогать докерам, да?
Джон. Зовут — дядя Мак. Так его докеры называли. Я сам слышал. О, где я побывал! Знали бы наши ребята! Где они?

Том. Тут только что был Рой. Да вдруг пришёл сынок адвоката. Может, вместе ушли. Да ты рассказывай.

Джон. Я был на митинге докеров. Дядя Мак произнёс речь. Он такое говорил!..

Том. А про Советы рассказывал?

Джон. Про всё рассказывал. Он знает какой!

Том. Высокий, да? Ещё, когда говорит, то рукой по воздуху рубит. Вот так... (Показывает). Да?

Джон. Откуда ты знаешь?

Том. В прошлом году он приезжал на завод рыжего Робинсона. Тогда отец там работал.

Джон. И ты видел Мака?

Том. Тогда он звался Диком. Этот Робинсон метил в сенаторы, все газеты трубили о нём. А Дик появился и сразу все проделки вывел на чистую воду. Одну ночь он ночевал у нас...

Из-за угла появляется взмокиший Рой. На его спине сидит, покрикивая, Фэйни.

Фэйни. Эх ты, дохлая кляча! Сто метров не выдержал! Быстрее!

Джон. Что это? Откуда у нас осёл появился?

Том. Эй, Рой! Что ты делаешь? Немедленно сбрось его!

Фэйни. А ты не лезь не в своё дело!

Том. Ах ты подлиза! (Сдёргивает Фэйни на землю). Я тебя научу, как ездить на чужой спине!

Фэйни. Отстань! Что ты пристал? Я пожалуюсь... Вот увидишь...

Джон. И тебе не стыдно, Рой?

Рой. Да я ему должен...

Том. Так ты, лягушонок, всё ещё с него деньги тянешь? А это не видел? (Показывает кулак).

Фэйни. Ну, ты, полегче. Оборвыш! (Уходя, Рою). А ты помни уговор... А то ещё заплатишься! (Уходит).

Том (Рою). Чего ты перед ним голову гнёшь? И тебе не стыдно?

Джон. Смотри, если ещё раз поддашься, — вздуем.

Рой. Да я отвязаться хотел. Ну его! Он же сын адвоката...

Том. А ты сын рабочего! Дядя Дик говорил, что рабочий — это властелин мира. (Джону). И знаешь, что он мне тогда подарил?

Джон. Что?

Том. Книжку «Как закалялась сталь». Про русского парня...

Рой. Интересная?

Том. Ещё как интересная! Прямо не оторвёшься! Только я её всю прочесть не успел... На наш барак нагрнула полиция...

Джон. И книжку забрали? Эх ты! Не мог спрятать! Я бы так запрятал, ни одна ищейка не пронюхала бы.

Рой. Да-а, легко сказать... Полиция — это не шутка... А о чём книжка?

Том. Там здорово рассказывается об одном русском парне, по имени Павка. Вот был человек! Только чем закончилось, я не знаю.

Джон (отводя Тома в сторону). У меня кое-что есть. (Вынимает из-за пазухи книжку).

Том. А ну, покажи... А-а, опять «комикс», про гангстеров...

Джон. А ты посмотри как следует... Это только обложка такая да несколько первых страниц. А там вот что...

Том и Рой рассматривают книгу.

Р о й (читает). Николай Островский.
(Испуганно). Русская книга!

Т о м. «Как закалялась сталь». Вот здорово! Где ты её взял? Здравствуй, Павка! Хэлло, старина, так вот ты где!

Д ж о н. Дай. (Забирает книгу). Опять полиции всучишь.

Т о м. Ну что ты, Джон! Дай, прошу тебя. Хочешь, я в залог отдам свой кортик. Дай!

Д ж о н. Зачем мне залог? Я не Фэйни. Это подарок дяди Мака.

Р о й. Какой Мак?

Д ж о н. Много будешь знать, скоро состаришься. Так вот, он сказал, чтобы мы установили очередь и все прочли. А главное, сказал он, будьте такими, как Павка. Понятно?

Т о м. Мне осталось дочитать всего несколько страниц!

Д ж о н. Ладно, получишь первый. Потом прочту я, а потом отдадим ребятам четвёртого барака.

Р о й. А мне, значит, нет?

Д ж о н. Ну, и тебе... если не испугаешься и не растреплешь языком. (Подает книгу Тому). Держи, да смотри, чтобы не получилось, как в прошлый раз.

Т о м. Да я теперь её... Пусть хоть повесят, а не отдам! (Прячет книгу под рубашку. Вдали слышно три выстрела.).

Р о й (вскарабкавшись на забор). Эх, парни, дело худо. Полиция разогнала докеров.

Д ж о н. Надо посмотреть, как дела на двенадцатой улице. (Тому и Рою). Вы оставайтесь здесь, а я слетаю туда.

Р о й. Я лучше с тобой.

Д ж о н. Ладно. (Тому). А ты, если что, — подавай сигнал: два свистка. Да смотри, с книгой не попадись.

Ребята уходят. Том, оглядевшись, украдкой вытаскивает книгу, листает её.

Т о м. (После паузы). Да-а, вот это был парень. Настоящий!

Слышны полицейские свистки. Том, спрятав книгу, насторожился. Из-за угла, хромя, выбегает человек в чёрной кожаной куртке. Останавливается, оглядывается и в изнеможении приваливается к стенке. Том подбегает к нему.

Т о м. Дядя, дядя! Что с вами?.. Дядя Дик? Это вы?

М а к. Тихо, мальчик, меня зовут Мак. Дика здесь нет. Понял?

Т о м. Понял, дядя Мак. За вами гонятся?

М а к. Да, эти молодчики всё-таки подстрелили меня. Уходи, сейчас они будут здесь, и тебе незачем видеть...

Т о м. Нет, я не уйду. Я им не дам вас.

М а к. Ого!.. Но я не могу идти...

Т о м. Ничего. Берите меня за шею. Я сильный. Вам больно? Тут есть ниша... Я знаю... (Свистки ближе).

М а к (морщась от боли). Брось меня. Эти ищейки уже рядом.

Т о м (помогая Маку укрыться за выступ в стене). Вот так... Теперь я вас закрою...

Вбегают два полицейских.

Первый (в растерянности). Где же он? Куда он мог исчезнуть?

Второй. (Увидев Тома). Эй, птенец! Ты не видел тут человека в чёрной куртке?

Том. В чёрной? Видел. Он бежал отсюда и чуть не сшиб меня...

Второй. Куда он исчез?

Том. Я ему ещё крикнул: «Осторожнее, сэр!» А он махнул рукой и побежал вон туда!

Первый. А ты не врешь?

Том. Что вы, ваша честь! Всевышний не разрешает говорить неправду. За это он строго наказывает. Так учит нас в школе пастор.

Второй. Ну, смотри. Если соврал, мы вернёмся, и ты узнаешь, что такое американская полиция!

Полицейские убегают в ту сторону, куда показал Том.

Том. Дядя Мак! Они ушли!

Мак (появляясь из укрытия). Спасибо, мальчик. Ты — храбрый парень. Мне стало легче, отдышался. Как тебя зовут?

Том. Павка!

Мак. Как? Ты русский?

Том. Вы не узнаете меня, дядя Дик... дядя Мак? (Заложив пальцы в рот, дважды свистит).

Мак. Кому ты свистишь?

Том. Ребятам. Сейчас они будут здесь. Значит, не узнаете?

Мак. Так это... Пстой! Ты сынок дядюшки Поста? Не так ли? Помню, помню. Отец в тюрьме?

Том. Да.

Мак. А подарок мой хранишь? Помнишь, книгу о русском мальчике.

Том. Я... я, дядя Мак... Храню!

Мак. Молодец! Только долго нам некогда разговаривать. Они с минуты на минуту могут появиться здесь. (Задумался).

Том. А мы уведём вас в надёжное место.

Мак. Кто мы?

Том. Наша тройка.

Мак. Вот как? Славные вы ребята.

Вбегают Рой и Джон.

Джон. Дядя Мак! Вы здесь? Как вы сюда попали?

Мак. Полиция...

Джон. Понятно! Тогда надо... Вы можете идти? (Снова приближаются полицейские свистки.) Тут недалеко подвал...

Том. А из него можно пройти на пустырь. Быстрее...

Ребята помогают Маку подняться, ведут его. Вдруг Рой остановился.

Рой. Том, беда! Сюда идёт Фэйни.

Том. Испугался! Эх ты... (Уходит вслед за Джоном, ведущим Мака. С другой стороны, крадучись, появляется Фэйни).

Фэйни. Эй, птичка! Стой! Ты должен сказать всё.

Рой. Я ничего не знаю...

Фэйни. Брось хитрить. Я вижу тебя насквозь. Где красный?

Рой. Не знаю. Какой красный?

Фэйни. Не прикидывайся дурачком. Том или ты спрятал его?

Рой. Фэйни, не выдавай меня, я всё скажу. Не выдавай!

Фэйни. Говори, только быстрее.

Рой. Я подошёл и увидел этого человека. У него рана...

Фэйни. Дальше, растяпа.

Рой. Том повёл его, это правда...

Фэйни. Куда?

Рой (*показывая на забор*). Они перелезли через забор...

Фэйни. Вот как?! Ну, им не уйти. Там нет ни одной лазейки!

Вбегают полицейские, хватают Роя.

Первый. Кажется, это не тот мальчишка!

Фэйни. Да, сэр! Это не Том.

Второй. А-а, Фэйни! Привет, малец! Ты не видел тут красного?

Фэйни. О-о, сэр! Фэйни всё видит!

Первый. Не бахвалься. Говори толком.

Фэйни. А где обещанные два цента?

Второй. Тьфу! Ловко научил тебя папаша строить бизнес! (*Бросает монету*). Лови.

Фэйни. Благодарю, сэр! Красный за забором. Пойдёмте, там негде скрыться.

Первый. А ты не врёшь, парень?

Фэйни. Клянусь вам бородой моего папы. (*Показывая на Роя*). Этот дурак видел, как красный перелезал через забор...

Второй (*Роя*). Ты видел?

Рой. Да, ваша честь.

Первый. Тогда—вперёд. Тут-то он от нас не уйдёт!..

Лезут через забор. Фэйни впереди. Рой стоит некоторое время в нерешительности один. Потом к нему подходят Том и Джон.

Рой. Где дядя Мак?..

Том. В подвале. Мы всё слышали. Молодец, Рой. Я думал, ты выдашь.

Джон. Руку, друг. (*Пожимает руку Роя*).

Том. Но что делать дальше? Они же сейчас вернутся...

Джон. Эх, задержать бы их ещё на время! А что, попробую!

Том. Что ты! Нельзя же их дурачить без конца. Не поверят.

Джон. Да-а, это верно.

Том. Я думаю так: я начал это дело, я и докончу.

Джон. Ты хочешь задержать их? А ты слышал, что дядя Мак не велел тебе оставаться? Тебе же грозит арест.

Том. Они могут схватить всех. Так пусть лучше одного меня. Дядя Мак нужен забастовке!

Джон. А не струсил?

Том. Идите! Скорее! Они бегут сюда! Да не забудьте: как выйдете через лазейку, поворачивайте направо. Там ближе.

Джон. До свиданья, Том! (*Пожимает руку Тома. Джон и Рой уходят*).

Том. Джон! Вернись, Джон!

Джон возвращается.

Джон. Что? Струсил? Испугался дубинок? Эх, Том!..

Том. Нет, я не струсил. Возьми книгу. Не хочу, чтобы и она попала им в лапы (*Передаёт книгу*). Потом дочитаю...

Джон. Давай! (*Берёт книгу*). Молодец ты! Настоящий товарищ! Прощай!

Джон убегает. Через забор лезут полицейские и Фэйни.

Первый. А-а, вот ты где, набожный волчонок!

Второй. Мы покажем тебе, как дурачить нас, молокосос!

Хватают Тома, заламывают ему руки.

Том (*вырываясь*). Не трогайте меня. Первый. Ого-го! Он ещё и кусается! Дай ему хорошего тумака!

Второй полицейский замахивается дубинкой.

Том (*увёртываясь*). Бейте, но я не скажу. Ничего не скажу вам, твари!..

Полицейский зажимает мальчику рот.

Второй. Куда спрятался коммунист? Говори!

Первый. Кто помог ему скрыться? Кто?

Том. Я!

Фэйни. Господин полицейский, я знаю этого мальчишку. У него отец сидит в тюрьме. Он тоже красный.

Том. Молчи, предатель! Твоё время ещё придёт!

Второй. Значит, и ты из их шайки, сынок арестанта.

Том. Я — сын рабочего.

Первый. Тащи его в участок! Там он всё скажет!

Том. Ничего не скажу! Не испугаюсь!
Второй. Молчи, красное отродье!
(Фэйни). А ты будешь свидетелем. Неда-
ром же мы заплатили...

Фэйни. С удовольствием, сэр!

Полицейские уводят Тома. Сцена неко-
торое время пуста. Потом осторожно вы-

ходят Джон и Рой и долго смотрят им
вслед.

Джон (положив руку на плечо Роя).
Держись, Том! Нет, он не Том. Он—Пав-
ка! Наш Павка!

З А Н А В Е С

ПИОНЕРСКАЯ ПОХОДНАЯ

Муз. С. СТАНКЕВИЧА

Стихи Е. РУЖАНСКОГО

В темпе бодрого марша

ЕД - ВА РУ.МЯ.НА.Я ЗА -
РЯ ОК - РА - СИ.ЛА ПА.ЛАТ.КИ, ПРО - СНУ - ЛИТЬ НАШИ ЛА.ГЕ - РЯ, ГО -
- ПРИПЕВ -
ТО.ВИМ.СЯ К ЗА.РЯД.КЕ. ЗА - // РА - ДЫ. ТРУ - БИ, ГОР.НИСТ, ЗО.ВИВ ПО.
- ХОД! ТЕ - ПЕРЬ МЫ - КАК СОЛ.ДА.ТЫ. СМЕ - ЛЕ - Е ВЗГЛЯД И ГРЯДЬ ВПЕ.
- РЕД, И ТВЕР.ЖЕ ШАГ, РЕ.БЯ.ТА! МЫ // БЯ.ТА!

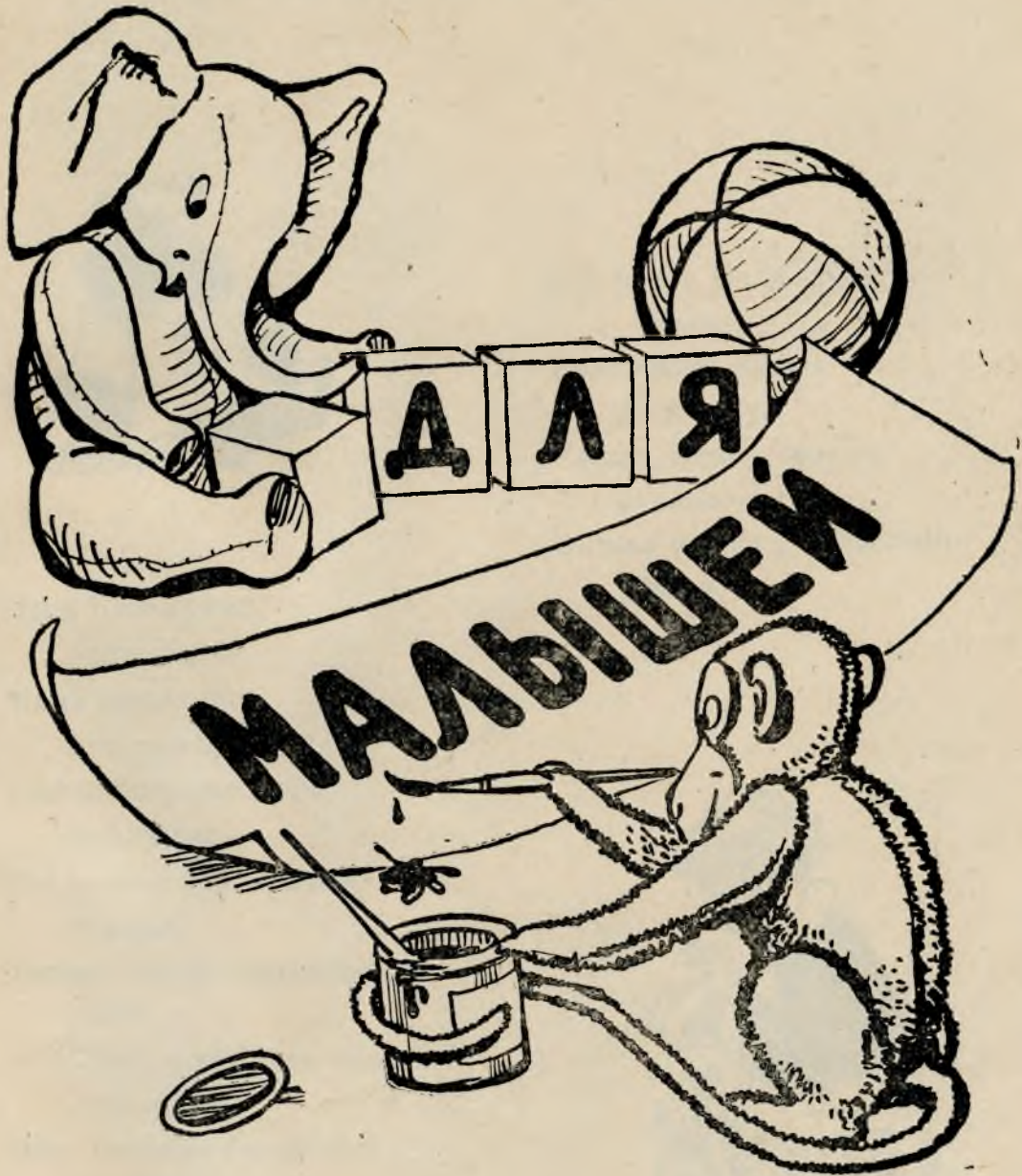

Откровенный разговор.
Фотозтюд М. Рогожнева.

МИШКИНА ШАПКА

Вот взяла Валя красного
шёлку,
Валя нитки нашла
да иголку,
Сшила шапку своими
руками—
Вышла шапка с большими
ушами.

Папа Вале купил
медвежонка.
Мама сшила ему
рубашонку.
Сшила бабушка шубку,
штанишки,—
Всё к зиме приготовили
Мишке.
Только что-то задумалась
Валя:
— Шапку сшить для медведя
нельзя ли?
Ведь медведю без шапки
неловко,
Он простудит без шапки
головку.

И теперь каждый день
спозаранку
Валя возит медведя
на санках.
Мишке холодно в шапке
не будет,
Он головку теперь
не простудит.

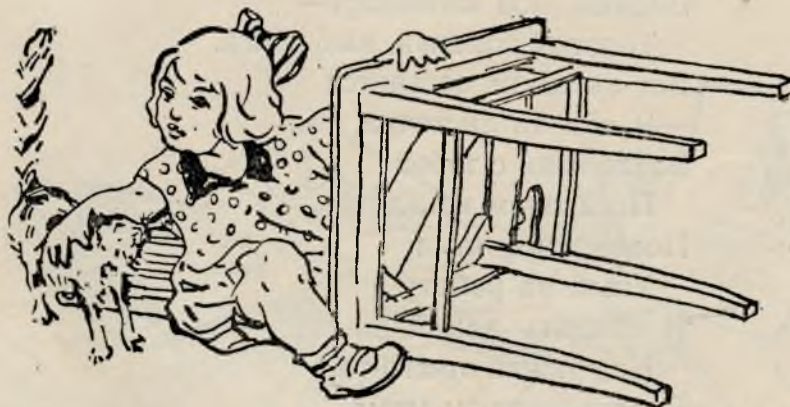

АВТОБУС

Ту-ру-ру! Дорогу шире!
Валя едет на машине.
Валя стул перевернула.
— Вот кабина мне из стула.
Стул другой поставлен прямо.
Что за кузов! Красота!
— Ну, садитесь, папа с мамой,
Занимайте-ка места.
Прокатиться вы хотите
Или нет?
Получите
У водителя
Билет!

Ту-ру-ру! Дорогу шире!
В путь готов автобус наш!
Папа с мамой — пассажиры,
Кошка рыжая — багаж.
Эх, поехали, помчались...
По дороге — пыль столбом.
Пассажиры все смеялись,
А багаж махал хвостом.

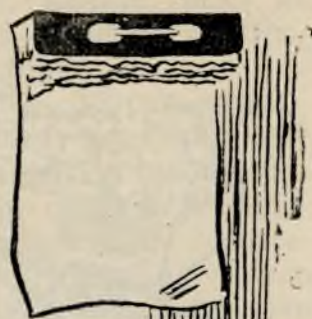
Когда будет ёлка?

Целый день Валя маме
Твердит без умолку:
— Ну когда наряжать
Будем снова мы ёлку?
Ну когда мы опять
Будем вешать игрушки
И звезду прицеплять
На зелёной макушке?
И ответила мама:
— На стенку взгляни-ка.
Видишь, вон календарь—
Толстый-толстый, как книга.
Вот когда не останется
В нём ни листочка,
Возле ёлки с тобой
Потанцуем мы, дочка.
После этого мама
Ушла на работу
И обедать домой
Не пришла отчего-то.
Поздно вечером мама
Домой возвратилась,

Посмотрела на Валечку—
И удивилась.
Клей у Вали на пальцах,
На лбу, на ресницах.
Валя клеит зайчат,
Вырезает жар-птицу.
За бумагой цветной
Валя лезет на полку.
— Завтра, мама, гостей
Позовём мы на ёлку!..
Удивляется мама
Настойчивой дочке:
— Я ж сказала тебе
О последнем листочке...
Только Валя-хитрюшка
В ответ рассмеялась:
— Где же наш календарь?
Ни листка не осталось!
...Мама Валю за это
Совсем не ругала.
Календарь она новый
Из шкафа достала
И повесила выше—
Подальше от Вали,
Чтобы ёлки зимой,
А не летом бывали.

Борис Козулин

Лёше целый день не везло. В детском саду его укусил за ухо Петя Николаев из средней группы. А вредная Нинка Любимова увидела намазанное зелёнкой больное место, стала прыгать вокруг и дразнить: «Зелёное ухо! Зелёное ухо!» Лёша хотел стукнуть её по голове, но не смог догнать.

Дома тоже не лучше. Только стал достраивать гараж для хлебной машины, Тузик своим носом ткнул в кубики и рассыпал их. Лёша снова начал строить, но торопился и нечаянно толкнул гараж сам: тот опять рухнул. Тут уж Лёша не выдержал. Он расшвырял с досады игрушки по полу и громко, обидчиво заревел.

— Что с тобой, Лёшенька? — притянув к себе сына, спросила мама. — Ты, наверно, спать уже хочешь? Ну, хватит, перестань. Собери игрушки в уголок и иди умыться.

— Не буду собирать! — неожиданно сердито сказал Лёша и сразу

перестал плакать. — Пускай валяются.

— А ты помнишь, как у Федоры посуда убежала? И кастрюли, и сковородки, и тарелки, и утюги. Всё-всё. Федора обижала их, не берегла, они и убежали. И твои игрушки убегут, если ты их не соберёшь.

— Куда убегут?

— К хорошему мальчику, который будет аккуратно обращаться с ними и перед сном убирать на место.

— Ну и пусть убегают, — всхлипнув, сказал Лёша. — Для чего они мне.

— Не упрямясь, сынок, а слушай, что тебе говорят, и выполняй. А то завтра утром проснёшься, а игрушек и след простыл.

Лёша молча слушал и соображал: «Как же это интересно игрушки убегут? Ведь они не живые». То, что у Федоры посуда убежала, он знал. Папа читал ему об этом в книжке. «Всё равно не буду их со-

бирать», — упрямо решил Лёша и сказал об этом маме.

— Смотри, дело твоё,— ответила мама.— Только завтра не плачь, когда игрушек не увидишь.

В это время пришёл с работы отец. Лёша дождался, пока он разденется, умоется. Когда отец сел за стол, Лёша подошёл к нему и тихонько спросил:

— Папа, а игрушки могут убежать?

— Куда?— Отец с удивлением посмотрел на сына.

— К хорошему... к другому мальчику, который собирать их будет?

— А-а-а...

Отец взглянул на царивший в Лёшином уголке беспорядок и сказал:

— Конечно, могут.

— А как же матрёшка побежит? Ведь у неё ног нет?— Лёша недоверчиво посмотрел на отца.

— Матрёшка?.. Матрёшка сядет на самосвал и на нём поедет. И кубики на машину залезут, и мячик, и ведро...

— И трамвай?

— А что ты думаешь? И трамвай тоже. Да все игрушки убегут. Так что давай, малыш, пока не поздно, убирай их на место. Правильно мама говорит.

Лёша не любил собирать игрушки. Не было у него желания и сейчас наводить порядок в своём уголке. Тем более, что сразу он не согласился, а теперь отступать не хотелось. Кроме того, Лёшу одолевало любопытство: «Как же всё-таки они побегут?».

Забравшись в постель, Лёша долго, пока глаза совсем не стали слипаться, смотрел на раскиданные по полу игрушки, но никаких попыток к бегству среди них не заметил. «А может быть они и не убегут вовсе?»,— подумал Лёша и в следующее мгновение заснул.

Едва открыв утром глаза, он приподнялся в кровати и прежде всего посмотрел в свой уголок. Его маленький стол и стульчик — пустые. Не было игрушек и на полу. «Убежали!» Лёша захныкал:

— Ма-ма! Где игрушки?

— Как где? Убежали. Ты сам виноват в этом.

Одевшись, Лёша тщательно обследовал свой уголок. Отодвинул стульчик, вытащил из-под стола фанерный ящик, в котором всегда лежали игрушки. Сегодня в ящике было пусто. И вообще даже признаков игрушек нигде не было видно.

Вдруг радостный Лёшин вопль огласил комнату:

— Ур-ра! Кошка!

Между столом и

стеной Лёша увидел свою тряпичную кошку-пищалку. Кошка была грязная, замурзанная, без хвоста и одного уха. Лёша давно уже не играл ею и вообще забыл о её существовании. Но теперь он с радостным визгом схватил кошку, прижал к себе. Потом, приплясывая, побежал к отцу и матери:

— А кошка-то не убежала! А кошка-то не убежала!

Родители, совсем не предполагавшие, что кошка не убежит, были, однако, этим очень довольны. Лёша носил кошку по комнате, нежно гладил её, баюкал, ласково приговаривая:

— Коша-кошечка. Не убежала, маленькая коша.

Вернувшись из детского сада, Лёша целый вечер не выпускал единственную игрушку из рук. По просьбе сына мама пришила кошке новый хвост и ухо, сшила ей из кусочка цветастого ситца фартук. Перед сном Лёша попросил разрешения положить кошку вместе с собой в кровать. Мама не разрешила, но Лёша не обиделся. Он посадил кошку на свой столик и сказал:

— Я теперь никогда не буду кошку разбрасывать. Всегда буду её собирать.

На следующее утро рядом с кошкой на столике появились паровоз и матрёшка. Радости Лёшиной не было предела.

— Вернулись! Вернулись! — кричал он, прыгая по комнате.

Вечером он долго играл игрушками, а потом аккуратно убрал их

на место. Через день возвратились к Лёше его самосвал и кубики. А ещё через день прибежали обратно и все остальные игрушки.

Лёша разложил их вокруг себя и устроил проверку. У самосвала что-то плохо поднимается кузов, ведро погнуто, трамвай потерял колесо, у пожарной машины отлетела лестница... Целый вечер Лёша вместе с папой ремонтировал игрушки, и они стали совсем, как новенькие. Потом одни игрушки он расставил на столике, другие аккуратно сложил в ящик.

Когда папа и мама увидели, какой порядок навёл Лёша в своём уголке, они очень удивились и спросили:

— Кто же это тебе помог так красиво всё сделать?

Лёша с гордостью ответил:

— Это я сам. Теперь всегда у меня будет так.

Вкусные грибы

Ефим Ружанский

Бывало,
    мама принесёт грибков,
Сама же их почистит и пожарит,
Накормит нас —
    дочурок и сынков —
И на закуску
    леденцов подарит.
А этим летом
    мы уж подросли
И помогать немало
    стали маме.

Впервые в лес
    мы всей семьёй пошли
За белыми
    пахучими грибами.
Грибы, грибы!
    Они вкусней всего!
Мы раньше этого
    не замечали.
Видать,
    они вкуснее оттого,
Что мы в лесу
    их сами
    собирали!

Станислав Мальцев

МИШКА-МЕДВЕЖУШКА, МЁД И ЗАЙКИНО ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Мишка-медвежушка тяжело вздохнул. Мама ушла и не велела ему никуда выходить. И вот сидит он один и грустно сосёт собственную лапу. А она хотя и своя, но не очень вкусная...

Вспомнил малыш, как совсем недавно мама принесла ему большую тарелку прозрачного жёлтого мёда, как он обмакнул в него лапу и долго-долго её сосал... От одного только воспоминания у Мишки-медвежушки сразу слюнки потекли.

— А если мне выйти на минутку и поискать мёд,— вдруг подумал он.— Найду улей, суну лапу

в мёд и сразу обратно. Мама и не узнает, что я выходил...

И Мишка-медвежушка представил себе, как он бежит домой на трёх лапах, а четвертую держит перед собой. А она вся в жёлтом, прозрачном, вкусном-превкусном мёде... Мишка-медвежушка ещё раз тяжело вздохнул и, решившись, вылез из берлоги. Оглянулся он, нет ли где мамы, и побежал прямо в лес. Бежал-бежал, искал-искал и, наконец, нашёл большую старую липу, около дупла которой пчёлы так и вились.

— Ага! — сказал Мишка-медвежушка. — Вот вы где! Сейчас я к вам в гости приду...

И он полез вверх.

Пчёлки сразу заметили его.

— Убирайся вон! Уж-ж-жалим! — громко жужжали они.

Но Мишка-медвежушка, хотя ему и было страшно, продолжал лезть — очень уж хотелось мёда.

Тогда пчёлки рассердились и стали его жалить. Но густая шёрстка Мишки-медвежушки надёжно спасала его от укусов. Он только недовольно ворчал да изредка одной лапой отмахивался от пчёлок.

Но вот одна догадливая пчёлка прицелилась и укусила его прямо в чёрный мокрый нос.

Ой, как это было больно! Мишка-медвежушка завизжал на весь лес и чуть не упал с дерева. Он уже совсем хотел было спускаться вниз, как вдруг почувствовал запах мёда.

А пахло так вкусно, что Мишка-медвежушка закрыл одной лапой нос и на трёх других медленно продолжал пробираться вверх. А это очень трудно — лезть по дереву на трёх лапах.

Пчёлки же, увидев, что Мишка-медвежушка продолжает лезть, совсем рассердились. Набросились они на незваного гостя и стали кусать его в уши, в щёки, в лапы, в голые пятки и в короткий пушистый хвост. Мишка-медвежушка только повизгивал. Он уже не лез вверх, а лишь старался поплотнее прижаться к дереву и закрыть лапой лицо.

Так он и висел на дереве неподвижно, а пчёлки тучей вились вокруг него и кусали, куда попало.

И вдруг одной пчёлке удалось опять укусить его в нос, теперь уже большой, распухший и горячий.

Это было так больно, что Мишка-медвежушка громко-громко завизжал, лапы у него сами собой разжались, и он полетел вниз, ломая ветки.

Шлёпнулся Мишка-медвежушка на кучу хвороста, подскочил, как мячик, и, жалобно крича, бросился наутёк. Ох, и шуму было в лесу! Даже старая тётушка Сова проснулась в своём дупле.

А кто, как вы думаете, первый услышал крик Мишки-медвежушки? Конечно, Зайчишка! Он сразу узнал его голос и бросился на помощь.

Как только Зайчишка увидел, какая беда постигла его друга, он громко закричал:

— Скорее беги к речке!

И Мишка-медвежушка, плача на весь лес, бросился бежать к речке.

А за ним тучей летели пчёлки. Они грозно жужжали. Изредка то

одна, то другая подлетала и кусала Мишку-медвежущку. А он только взвизгивал и бежал ещё быстрее.

Наконец Мишка-медвежущка добежал до речки и с размаху прыгнул в воду.

— Вот теперь будешь знать, как к нам за мёдом лазить! — крикнули пчёлки хором и улетели к себе домой.

А Мишка-медвежущка сидел весь в воде и только высунул кончик носа, чтобы можно было дышать.

Зайчишка сел на берегу и покачал головой.

— Как нехорошо получилось! Зачем ты полез к пчёлкам? Ведь они тебя так искусали, что и мама не узнает...

Мишка-медвежущка даже заплакал от обиды.

— Ну, ладно, вылезай, они уже улетели, — сказал Зайчишка.

Мишка-медвежущка робко вылез на берег и сел на песочек.

Зайчишка долго, внимательно разглядывал его.

— Ничего, не плачь, — наконец сказал он. — Ты ещё легко отделался. В следующий раз будешь знать, как к пчёлкам лазить. Мне вот тоже хочется медку, а я не лезу: знаю, что пчёлки этого не любят.

— Я немножко хотел, только лапку обмакнуть, а они... — снова заплакал Мишка-медвежущка. — Теперь носик болит, глазки болят и хвостик тоже болит, а медку так и не попробовал.

Сидит Мишка-медвежущка и плачет, а слёзы его крупные-крупные катятся по носу и падают на землю. Целая лужица уже натекла.

Стало Зайчишке жалко его.

— Хорошо! — сказал он. — Пойдём со мной, я тебе достану немножко медку.

— А где ты возьмёшь?

— У этих же пчёлок попрошу. Если их попросить, а не отнимать у них силой, они дадут. Они ведь не жадные.

И Зайчишка с Мишкой-медвежущкой пошли обратно к той самой липе, где пчёлки жили.

Как увидел её Мишка-медвежущка, испугался, спрятался за большой старый пенёк и дальше не идёт.

— Нет, — говорит, — боюсь, опять они меня кусают.

А Зайчишка смеётся:

— Не бойся, пойдём, я слово волшебное знаю. Скажу это слово, и они сразу мне медку дадут.

— Какое такое слово?

— А вот услышишь.

Подошёл Зайчишка к липе и забарабанил лапками по стволу:

— Стук-стук-стук!

Сразу сверху прилетело несколько пчёлочек. Одна из них села на цветок, возле Зайкиного носа.

— Что тебе нужно? — спросила она.

— Здравствуйте, пчёлки! Как вы живёте, что у вас новенького?

— Спасибо! У нас всё хорошо! — улыбнулась пчёлка. — А ты как живёшь?

— И вам спасибо! Я тоже хорошо живу! Шёл мимо, услышал запах вашего мёда. Очень вкусно. Дайте мне, пожалуйста, немножко попробовать.

— Ах, зайка, милый, — вздохнула пчёлка, — ты ведь знаешь, что мы собираем мёд на зиму...

— Ну, пожалуйста. Очень вас прошу, пожалуйста...

— Хорошо! — сказала пчёлка. — Немножко мы тебе дадим. Сорви-ка листик лопуха.

Сорвал Зайчишка большой лист лопуха, и пчёлки утащили его наверх, в дупло. Скоро они спустились с лопухом обратно. Он был теперь свёрнут вроде тарелочки и полон душистого свежего мёду.

— Ах, спасибо, пчёлки! — Зайчишка осторожно взял лист обеими лапками.

— Кушай на здоровье! Нам не жалко, если у нас по-хорошему попросят.

Зайчишка осторожно, чтобы не пролить ни капли, понёс мёд Мишке-медвежущке, который, забыв про боль и недавний страх, высунулся из-за пня и смотрел во все глаза.

Вот радости-то было, когда Мишка-медвежущка получил мёд! Он сразу обмакнул в него лапу и стал с наслаждением её облизывать.

Очень быстро Мишка-медвежущка съел весь мёд. После этого он лёг под кустик, погладил себя по животу, довольно улыбнулся и спросил у Зайчишки:

— Какое же это волшебное слово ты знаешь? Скажи, пожалуйста! Мне бы очень оно пригодилось...

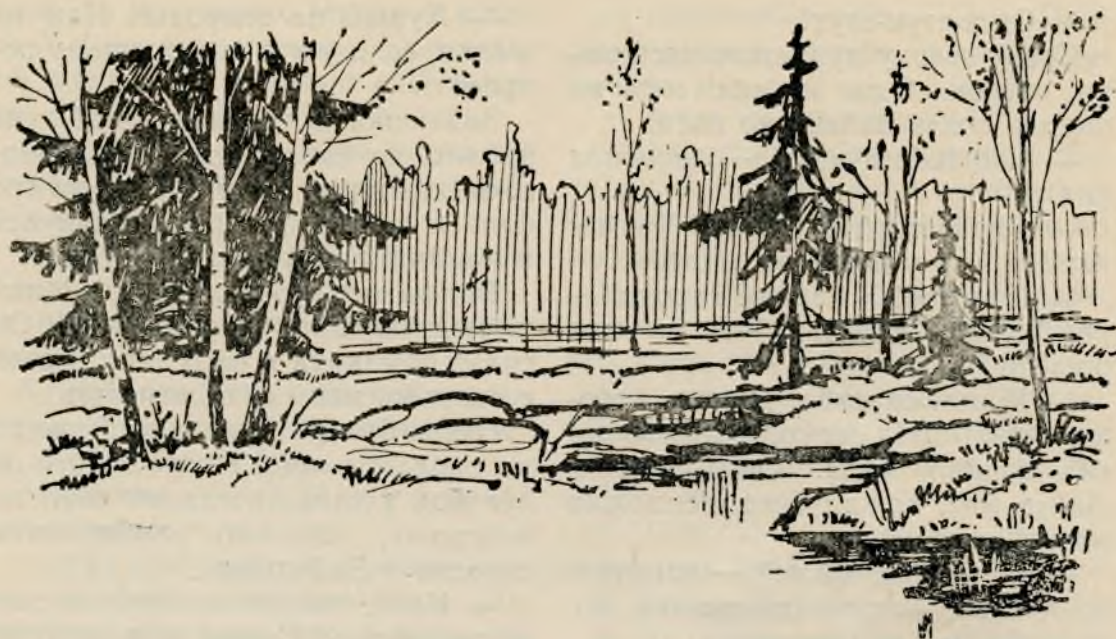
— Это слово, — сказал Зайчишка, — тебе нужно хорошо запомнить и почаще употреблять. Слушай внимательно, я тебе его сейчас скажу...

Зайчишка нагнулся и что-то прошептал Мишке-медвежущке на ухо.

Мишка-медвежущка сначала захлопал глазами, а потом заулыбался. Понял, значит, какое слово нужно говорить, чтобы ни в чём отказа не получать.

А вы, ребята, знаете это слово?

Кира Ткаченко

СКАЗКА О КЛЮКВЕ

Болото было маленькое и круглое. На нём росли белые берёзки, уткнув по колено в мягкий мох свои тонкие ножки. Вокруг шумел чёрный, хмурый лес. Вверху, на больших разлапистых ветках старых ёлок, спали мохнатые ветры, внизу бегали их дети — маленькие ветерки. Ветерки причёсывали мох, шелестели берёзками и играли круглыми красными клюковками. Словом, безобразничали. Кроме берёзок, мха и клюквы, на болоте ничего не росло.

Зато клюквы было видимо-невидимо. Каждую осень приходили к тихому болоту шумные люди с большими корзинками, собирали клюкву и куда-то уносили её. Любопытные ветерки бежали им вслед. Но так как ветерки были всего-навсего детки, то силы у них не хва-

тало, и они с полдороги возвращались, так и не узнав, что же случилось с клюквой. Не только ветерки, всё болото хотело знать это. Особенно же хотели знать о судьбе своих подружек три сестрички-клюковки, которые остались на болоте и росли вместе на тонкой веточке.

Самой любопытной из трёх сестричек была клюковка, которую звали Выскочка. Больше всех хотела Выскочка попасть в корзинку и побывать в дальних краях, куда даже ветерки не могли долететь.

Выскочка знала, что в корзинку к людям попадают только самые красивые красные клюковки. Поэтому каждое утро она тёрлась щёчками о листики и, отталкивая своих сестричек Краснощёчку и Плаксу, грелась на солнышке. И она покраснела раньше всех.

— Ах, какая я краснощёкая, какая я круглая! — любовалась собой Выскочка, заглядывая в капельку росы, как в зеркальце. — Уж такую клюкву только увидят — сразу сорвут.

И правда, шёл по болоту охотник. Увидел он красную клюковку, сорвал, положил её в рот и тотчас выплюнул.

— Да она же ещё совсем неспелая — есть нельзя, — сказал охотник и наступил на Выскочку большим сапогом.

Услышали это Плакса и Краснощёчка, испугались, уткнулись они в мох, зажмурили глазки, крепко уцепились за ручки и замерли, — а вдруг охотник и их с досады растопчет.

Когда ушёл охотник, заволновалось всё болото.

— Так ей и надо, — возмутились берёзки. — Настоящая выскочка... Так со всяким бывает, кто своего часа не знает.

— А как узнать свой час? — спросила Краснощёчка.

Пролетавший мимо Ветерок ответил ей:

— Сам-то я не знаю, дорогая Краснощёчка, но для тебя, так и быть, постараюсь узнать у моего деда, Ветра Ветровича, который живёт на самой высокой ёлке.

Улетел Ветерок и долго не возвращался.

Ждала-ждала его Краснощёчка — не дождалась. Стала у берёзок спрашивать.

— Для нас, — сказали берёзки, — свой час приходит, когда мы наденем жёлтые листья. Тогда в лесу сразу станет празднично, и все нами любоваться будут.

— А скоро ли вы нарядитесь? — спросила Краснощёчка.

— Скоро, — ответили берёзки.

...Прошло несколько дней. Однажды утром проснулась Краснощёчка, открыла глазки и видит: лежит на мху жёлтый листочек. Взглянула клюковка вверх и вскрикнула от радости. Потянула она за ручку сонную Плаксу: «Посмотри, сестрёнка, как красиво!»

Плакса недовольно пропищала:

— Ничего хорошего нет. Спать только не даешь. А-а-а. — И ут-

кнулась в свою постельку, всю мокрую от слёз.

Целый день любовалась Краснощёчка жёлтыми берёзками.

На следующий день пришли люди с большими корзинками.

Краснощёчка спрятала в мох свои щёчки. Она ведь не знала, пришёл ли её час. Вместе с сестрой спряталась и Плакса. Двигаться Плаксе не хотелось, потому что от слёз она отяжелела.

...Смолкли на болоте голоса. Ушли люди. Остались Плакса с Краснощёчкой одни.

Заплакала Плакса:

— Скуч-н-о-о... Все клюковки уехали в далёкие края, а мы остались. Это всё ты виновата, противная Краснощёчка.

Краснощёчка ничего ей не ответила, только тяжело вздохнула и подумала: «Подшутил, видно, надо мной Ветерок, а сам исчез и не показывается».

Только успела она так подумать, как вдруг зашуршала трава, и Ветерок — тут как тут.

— Ух,— сказал Ветерок,— дай отдышаться. Загадала ты, Краснощёчка, загадку. Еле-еле разгадал её мой старый дед. Он сказал: «Пойди и передай клюковке, что для каждого его час — тот, когда он сможет принести самую большую пользу».

— Что же мне делать?— вздохнула Краснощёчка.— Ведь люди уже ушли и больше не вернутся.

— Не волнуйся,— успокоил её Ветерок.— Придёт весна, и, может быть, тогда наступит твой час.

— А что значит весна?— спросила Краснощёчка.

— Когда она придёт, ты сразу узнаешь, потому что нет ничего на

свете прекраснее весны,— сказал Ветерок и улетел.

С каждым днём всё холоднее и тоскливее становилось на болоте. Осыпались жёлтые берёзки. Сохла трава. Вот и морозы ударили. Появился тонкий ледок.

Клюковки мёрзли и поглубже зарывались в свои мшистые постельки. Плакса всё плакала и плакала, жаловалась, стонала. От частых слёз щёчки её побледнели.

Наконец последний листок слетел с берёз. Смолкли ветерки. Не с кем было им больше играть, не с кем разговаривать. Тихо стало на болоте. Вместо голубого неба нависла над ним тёмная туча. От тучи отрывались белые пушистые цветы и, медленно кружась в воздухе, опускались на землю.

Таких прекрасных цветов Краснощёчка ещё не видела. Они не росли на болоте.

А цветы всё падали и падали. Скоро они покрыли всё болото. И

стало болото красивое-красивое, белое-белое.

Один из белых цветов упал на Краснощёчку.

— Ой!—вскрикнула клюковка.— Как вы щиплетесь, красивый цветочек! Что я вам сделала?

— Я не цветок, я — снег,— ответил ей белый цветок.— Прилетел я с неба, чтобы всё заморозить.

— А-а-а-а,—зарыдала Плакса.— Теперь мы пропали. Я уже чувствую, как у меня леденеет внутри.

— Не плачь, сестрёнка. Зарывайся поглубже в постельку, может, переживём, дождёмся весны,— утешала её Краснощёчка.— Двигайся поближе, давай я тебя обниму...

А с неба всё летели и летели белые цветы. Они с головой засыпали обеих сестричек-клюковок. Но под снежным одеялом сестричкам было тепло. И только в метель и вьюгу, когда с больших ёлок срывались сердитые ветры и, сдувая снег до самой земли, неслись по болоту, клюковкам приходилось плохо. Опять Плакса хныкала, стонала и жаловалась. А Краснощёчка мол-

чала. Она верила, что скоро придёт весна.

И вот однажды Краснощёчка почувствовала, как холодная капелька упала ей на щёчку.

«Это, видно, опять Плакса хнычет»,— подумала клюковка.

— Сестрёнка,— позвала она Плаксу,— ты опять плачешь?

— Нет, Краснощёчка. Я так измучилась, что у меня и слёз больше нет.

— Что же это тогда?— удивилась Краснощёчка.

И вот уже не капельки, а маленькие ручейки потекли на клюковок. Сугроб, под которым они лежали, осел. Что-то тёплое и очень ласковое коснулось их и обняло.

Вдруг Краснощёчка догадалась и радостно закричала: «Солнышко!»

И всё болото откликнулось: «Солнышко, солнышко!..»

— Весна, весна!— кричали птицы, голубая вода и весёлые ветерки, стремглав пролетавшие друг за другом.

— Наконец-то,—вдохнула Краснощёчка, умываясь в ручейке.

В нём отразились её тугие красные щёчки. За зиму они ещё больше покраснели.

А Плакса от слёз насквозь про-

мокла, побледнела и совсем обесилела.

Когда схлынули весенние воды и подсохли кочки, опять на болото пришли люди за клюквой.

— Ох, какая красная да крупная!—удивилась одна девочка, увидев Краснощёчку.

Теперь уже Краснощёчка не стала прятаться. Она помнила, что сказал ей Ветерок. Крепко схватив за руку сестрёнку, клюковка чуть ли не сама прыгнула в девочкину корзину.

... Краснощёчка не подозревала, что мир так огромен—куда больше родного болота. Клюкву сначала долго несли по длинной дороге, потом повезли на поезде и, наконец, принесли на базар, где было много людей.

Вместе с другими клюковками Краснощёчка с сестрой попали в красивый прозрачный дом-стакан.

— Купите клюкву, подснежную клюкву, самую полезную!

Краснощёчку вместе с подругами купила женщина. И пока она несла ягоды домой, клюковка всё время думала: «Про какую это пользу кричала девочка на базаре?»

Дома клюкву вымыли и внесли в светлую и высокую комнату. В ней стояла кровать, на которой лежала худенькая девочка.

— Доченька,— сказала женщина.— Я принесла тебе клюкву, она полезная. Скушаешь её и сразу поправишься.

Девочка потянулась к ягодам, взяла одну из них—это была как раз Плакса,—положила в рот, сморщилась. выплюнула и заплакала:

— Не хочу клюквы, она кислая-прекислая, горькая-прегорькая. И совсем неправда, что она полезная.

— Ой,— удивилась Краснощёчка,— как девочка стала похожа на Плаксу...

Краснощёчка хотела крикнуть, чтобы девочка перестала плакать, а то станет такой же бледной и слабой, как её, Краснощёчкина, сестричка. Но в это время женщина протянула Краснощёчку девочке...

Так кончается сказка про трёх сестричек-клюковок: Выскочку, Плаксу и Краснощёчку.

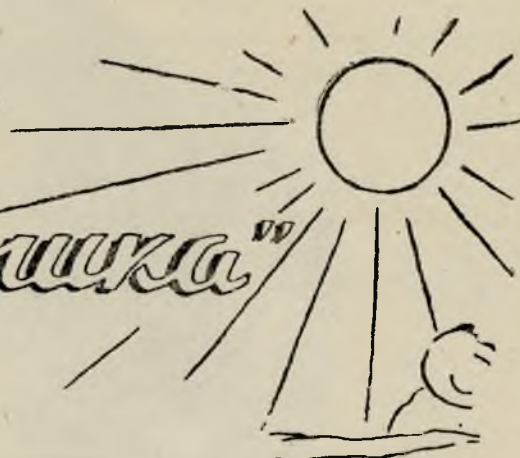
Мамина помощница. —>
Фотоэтиюд Ю. Чернышёва.

КОШКА и «ПЛОШКА»

Мурка у окошка
Повела глазами —
Солнце греет кошку
Тёплыми лучами.
И мурлычет кошка,
Будто говорит:
— Что это за плошка
Наверху горит?
От неё так жарко —
Шевельнуться лень!
Только очень жалко,
Что проходит день.
Знаю, скоро плошка
Перестанет жечь...
Повернулась кошка,
Прыгнула на печь...

г. Тобольск.

Ю М О Р

Полилась вода
из крана,
И бежит она звеня,

Но пока сядился
в ванну...

Ванна села на меня.

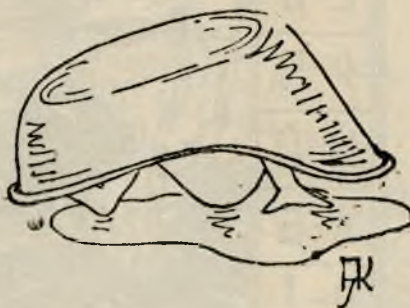

Рис. Я. Якима.
Стихи М. Сыровой.

В ЧАСЫ ДОСУГА

ЗАДАЧА

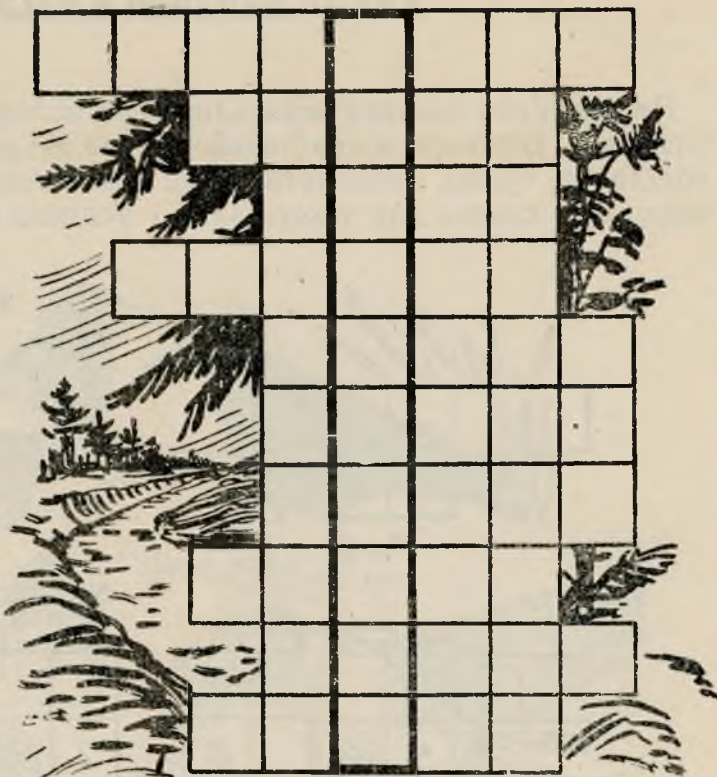
Хорошее знание русского алфавита и порядка букв в нём поможет вам прочитать текст нашей задачи.

Ж-Л	Ю-У	О-З	С-А	Э-Ю	Х-С	Ч-О	А-Г
В-Р							Н-И
Ф-Е							У-Т
Ш-Ю							Ъ-О
Е-О							Д-Ч
Р-Ч							Ь-И
Й-И							К-Т
Л-Е							Э-Н
Я-!							Ы-Д
Б-О	М-И	Т-Й	Г-Я	П-У	Ц-В	Щ-Р	И-Б

Знаете ли вы реки
своей области?

Впишите по горизон-
тали названия десяти
рек Тюменской области.
Если вы сделаете это
правильно, то по верти-
кали в клетках, обве-
дѣнных жирными лини-
ями, вы прочтаете на-
звание города нашей
области.

ЗАДАЧА

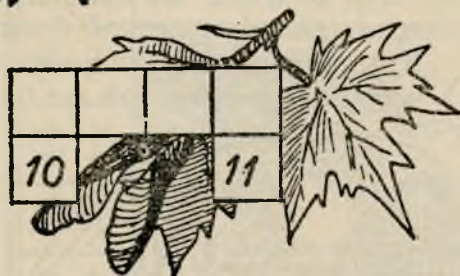
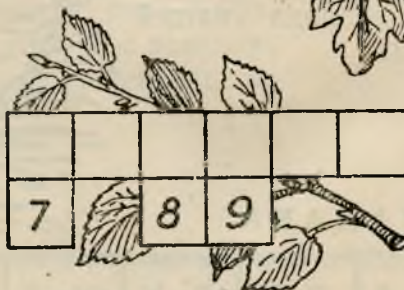
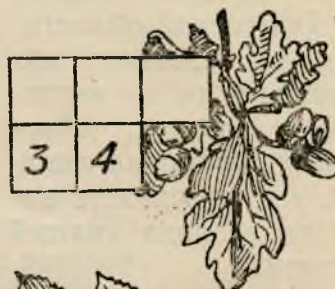
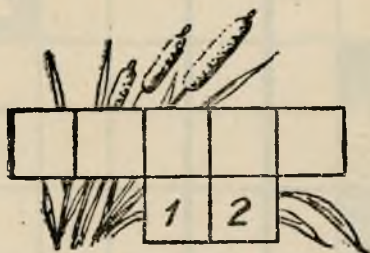
На рисунке вы видите трёх пер-
сонажей из известной басни И. А.
Крылова, которые помогут вам про-
читать строку из той же басни.

КАКИЕ ДЕРЕВЬЯ И РАСТЕНИЯ?

По рисункам листьев определите название деревьев и растений и подставьте буквы, соответствующие цифрам, в клетки для текста зада-

чи, которые помещены внизу. Вписав в клетки буквы, вы прочтаете стихотворные строки великого баснописца И. А. Крылова о природе.

10	4	3	6

11	6

13	2	3	4	1	10	12

8	5	12	5	9	3	6

7	6	5	9	13	6	7	6

ЗАГАДКИ В РЕБУСАХ

Разгадав эти ребусы, вы прочитаете загадки, на которые нужно будет дать ответ.

Составил А. ХАЙТ.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ребята! Тюменское книжное издательство выпустило для вас много интересных книг. О некоторых из них мы расскажем на этих страницах.

«ЗАПИСКИ САШИ БУГРОВА»

Все вы, ребята, любите читать книги. Одни из вас увлекаются научно-технической литературой, другие — приключенческой, третьи с интересом читают книги о гражданской и Великой Отечественной войне. Есть среди вас и любители природы — юные натуралисты. Много интерес-

ного можно узнать, читая книги о природе.

В 1958 году Тюменское книжное издательство выпустило в свет книжку Петра Михайловича Горбунова «Записки Саши Бугрова». В ней рассказывается о любопытном мальчишке, юном натуралисте Саше Бугрове.

Летом, на каникулы, приезжает Саша Бугров к деду в деревню Жиряки. Кругом — озёра: большие и маленькие, чистые, с прозрачной, зеркальной водой и заросшие тростником. Много на этих озёрах интересного. Но Сашу манят не они, а большое, раскинувшееся на десятки километров в длину и ширину озеро с таинственным названием — Чёрное.

Немало рассказов ходило об этом озере. С охотниками, промышлявшими на нём, часто творилось непонятное. Одни из них теряли дорогу, не могли выехать к берегу и ночевали где-нибудь на островке, другие вываливались из лодки и возвращались в деревню мокрыми. Случалось, не сумев отыскать дороги к берегу, охотники погибали.

Саша Бугров решает во что бы то ни стало попасть на это озеро.

Ему удаётся уговорить деда, знаменитого охотника и рыбака, взять его с собой на Чёрное.

Мальчик поражён величию и красотой природы. Далеко, насколько хватает глаз, раскинулась гладкая поверхность озера. Местами оно заросло тростником, водяными цветами.

Первое открытие, которое делает Саша на озере,— вода в нём чёрная.

Много интересного увидел Саша сам и услышал от деда.

Он узнаёт, что водяные цветы—пища маленьких зверьков, обитающих в озере,— ондатры.

Узнаёт Саша и разницу между тростником, камышом и рогозом. До этого он считал, что на озере растёт только тростник.

Саша на озере внимательно всматривается, вслушивается. Вот раздаётся в тростнике какой-то звук. Дедушка объясняет, что это кричит утка-кряква. Вот послышался писк. Это кричит чирок-трекунук. Саша увидел хохлатую гагара—птицу с хохолком на голове и воротничком на шее. А вон другая гагара—уже без хохолка и воротничка, но с красным зобом—краснозобая. Есть ещё, оказывается, лысая гагара, гагара-седоушка.

Вслед за гагарами из камышей выплыли крохаль, гоголь, чернеть.

Много на озере уток. Куда ни глянешь—езде утки: плавают, ныряют, летают. С виду они похожи одна на другую. Но, внимательно рассмотревшись, Саша видит, что это не так.

Дедушка показал Саше чирков. Для тех, кто не знает озера, все чирки на одно лицо. А охотник отличит чирка-трекунка от чирка-свистунка или чирка-клоктунка. А ещё есть узконосый чирок.

Показал дедушка Саше и лебедей. Оказывается, и лебеди не все одинаковы: есть лебедь-шипун, а есть лебедь-кликун. А ещё есть чёрный лебедь, только он в наших краях не гнездится.

Саша узнал и о том, что на озере Чёрном живут птицы-пеликаны. Раньше Саша видел пеликанов только в зоопарке и думал, что привозят их издалека—из Индии или Африки. Узнал он об их повадках, привычках.

Познакомился Саша и с жизнью ондатры—маленького зверька-грызунка, из шкурок которого шьют шубы, увидел хатки, в которых живёт ондатра, узнал о ней много интересного.

Многое из того, что Саша увидел и услышал, он записал в тетрадь, которую решил отдать в школьный уголок юно-

го натуралиста. Он очень хотел, чтобы ребята тоже узнали о красоте и богатстве нашего края.

Много интересного, полезного узнаете и вы, ребята, прочитав «Записки Саши Бугрова».

«ДЕТИ ТУНДРЫ»

Огромные изменения принесла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция. Изменилась жизнь всей страны, изменилась она и у народов Севера.

Плохо жилось до революции бедным ненцам, ханты, манси, коми, селькупам. Жестокие богачи и купцы, злые, жадные шаманы одурачивали тёмных, неграмотных бедняков, заставляли на себя работать, отбирали последних оленей. Безрадостной была жизнь и у ребят Севера.

О том, как жили народы Севера раньше и какой стала их жизнь теперь, рассказывает ненецкий писатель Иван Григорьевич Истомин в сборнике стихов «Дети тундры».

Как страшную сказку, слушают пионеры рассказ старого ненца Вэсако (стихотворение «Сказка»). Не похожа теперешняя жизнь на Ямале на его рассказ. Теперь ненцы живут не в дымных, дыря-

вых чумах, а в больших, просторных домах, ярко освещённых электричеством. Почти в каждом доме есть радио («Дом», «Мы живём счастливо»).

В тундре появились колхозы, школы, больницы, красные чумы. Самолёты и пароходы доставляют сюда, на Ямал, самые различные товары и продукты, даже фрукты с Юга, а обратно увозят пушнину.

На всю страну славятся своими делами ненцы-пастухи, рыбаки, охотники, звероводы.

Счастливой, радостной стала жизнь детей. Интересно проводят ребята время: учатся в школах, читают книги, шефствуют над колхозной зверофермой («Наш капкан», «На звероферме»). В школах-интернатах юные натуралисты разводят огороды, выращивают овощи («Наш огород»). Ненецкие пионеры переписываются с китайскими ребятами («Письмо»). А летом—интересные походы, жизнь в пионерских лагерях («Пионерский лагерь в тундре»). Ездят дети тундры и в далёкий, прекрасный Артек.

Много интересного о природе Севера, о жизни, быте ненцев, о занятиях ненецких пионеров узнаете вы, ребята, из книжки И. Г. Истомина «Дети тундры».

„СКАЗКИ О ЗАЙЦАХ“

Сказки... Кто из вас, ребята, не любит слушать или читать их? Особенно самые маленькие.

И, конечно, все вы знаете немало сказок о хитрой рыжей лисе, о злом сером волке, о грозном льве и о трусливом зайце.

Недавно Тюменское книжное издательство выпустило сборник увлекательных сказок, который называется «Сказки о зайцах».

Здесь вы снова встретитесь с хитрой лисой, с царём зверей — львом и узнаете о новых приключениях серого зайчишки.

Герой сказки С. Мальцева «Как зайка Петя морковку караулил» — весёлый, озорной, честный и трудолюбивый зайка Петя.

Весной, вместе со своими мамой и папой, сестрёнкой Олей и братцем Колей, посадил зайка Петя морковку. Много

пришлось потрудиться зайке Пете для того, чтобы из маленьких семечек выросла большая, вкусная, красная морковка.

Но вот стал зайка Петя замечать, что всё меньше и меньше остаётся на грядках морковки—кто-то каждую ночь ворует её. И зайка Петя решил поймать и наказать вора.

Несколько ночей подряд проводит он на огороде. Сначала выследить вора зайка Петя не мог, так как очень скоро засыпал. Но однажды, поборов сон, увидел он, как в огород через забор перепрыгнул чужой заяц и стал быстро рвать морковку. Страшно рассердился зайка Петя, закричал на вора. А тот перемахнул обратно через забор и убежал в лес.

Зайка Петя решает во что бы то ни стало отыскать вора и отобрать у него свою морковку. И он отправляется в путь. По дороге зайка Петя забирает с собой ещё двух зайцев, у которых тоже кто-то ворует морковку.

С весёлой песенкой бегут зайцы по лесу. Наконец, они добрались до полянки, на которой стоял старый, грязный, нахливающийся домик. Возле домика сидел короткоухий заяц и ел большую красную морковку. Увидел заяц зайку Петю и его товарищей, быстро спрятал морковку, прыгнул и, не оглядываясь, побежал по тропинке в лес.

А три зайца поделили между собой всю морковку, которую нашли в домике зайца-вора, и весело побежали домой.

Сказка «Как зайка Петя морковку караулил» — это, ребята, одна из сказок о маленьком, добром и весёлом зайке, о котором Станислав Владимирович Мальцев написал целую книжку. Называется она — «Про зайку Петю». В свет эта книжка выйдет в 1960 году.

Прочитав её, вы узнаете о новых приключениях зайки Пети, о его друзьях — Мишке-медвежухе, котёнке Пуфике и воронёнке Боре, о врагах зайки Пети — хитрой Лиске-Лариске и злом коте Ваське.

В сборнике «Сказки о зайцах» помещены также интересные сказки М. А. Сыровой — «Заяц в чужой шкуре», Филиппа Цветаева — «Зайчиха-трусиха» и Михаила Лесного — «Ёж и заяц».

«ДЕДКО МОРОЗ»

Интересные сказки для ребят дошкольного и младшего школьного возраста пишет председатель Упоровского райисполкома Максим Аксёнович Михайлов.

В первой своей сказке «Дедко Мороз»

он рассказывает о приключениях с виду сердитого, а на самом деле очень доброго Деда Мороза.

С приходом зимы просыпается Дедко Мороз и отправляется осматривать свои владения.

Сердито шагает он по полям и лесам.

«Как шагнёт шаг Дедко Мороз, так треск кругом пойдёт. Как дохнёт в белую бороду — куржаком все деревья заволжикает. Закружились по лесам, по долинам вихри белые, поднялась пурга-метелица, зги не видать. Заслышали Дедку Мороза лесные звери и пташки-зимушки, попрятались кто куда, боятся нос показать. А Дедко Мороз знай шагает».

Встретил он на своём пути дрожащего от холода серого зайчишку, наохлившись птичек, которым некуда спрятаться от лютого мороза, расшевелил спавшего в берлоге медведя, заморозил реку и заглянул в ярко освещённые окна дома. Заглянув в окна, увидел Дедко Мороз ребятшек, которые водили хоровод вокруг украшенного игрушками голого кустика.

Жалко стало Деду Морозу ребятшек, лесных зверюшек и пташек. И стал он думать, что бы такое сделать, отчего всем бы стало радостно и отчего бы все его, Деда Мороза, добрым словом помнили.

Думал-думал Дедко Мороз и придумал, а что он придумал, вы, ребята, узнаете, когда прочитаете сказку.

«КАК ЁЖ ПРАВДУ ВОССТАНОВИЛ»

Так называется вторая сказка Максима Аксёновича. В ней говорится о том, как злой, хитрый Сурок решил обмануть маленьких глупых зайчат — выгнать их с лужка, на котором росла мягкая, вкусная травка и где зайчата часто играли.

И обманул бы злой Сурок зайчат, если бы на помощь им не пришёл Ёж. Он быстро и мудро разрешил спор между зайчатами и Сурком и восстановил правду.

А как он это сделал, вы узнаете из книжки.

«РЕБЯТА С НАШЕГО ДВОРА»

В 1958 году для ребят среднего школьного возраста книжное издательство выпустило сборник рассказов «Ребята с нашего двора». В нём авторы рассказывают о жизни, учёбе, героических подвигах и занимательных приключениях пионеров и школьников.

Хорошая, настоящая дружба у Серёжи и Лёни. Ничто не может омрачить её (рассказ И. Круглик «Лёня-«Мясокомбинат»).

А вот дружба пятиклассников Женьки и Игоря (рассказ И. Давыдова «Женька бегает за Карташёвой») оказывается непрочной, ненастоящей, хотя вначале и кажется, что дружат они крепко, по-настоящему: вместе отправляются в школу, вместе ходят в кино, на стадион. Как лучшему другу, Женька доверил Игорю свою самую большую тайну, о которой не знал ни один человек, даже мама, — в день рождения Вики Карташёвой, Женькиной соседки по парте, он, Женька, подарит ей коллекцию марок.

Уже давно Женька заметил, что Вика всегда смотрела на его марки большими, восхищёнными глазами.

Родителей у неё не было. Жила она с тёткой, у которой, кроме неё, было ещё двое детей. Часто у Вики не оказывалось денег даже на завтрак. Тогда Женька

приносил свой завтрак к дверям класса и по-товарищески делился с ней.

Женьке очень хотелось доставить Вике хотя бы небольшую радость. И вот уже три месяца он собирает для неё из марок-двойников коллекцию.

Но Игорь понимал дружбу по-другому. Он считал, например, что дружба с Женькой даёт ему право списывать у того задания по арифметике. «Женька не подведёт, — думал Игорь, — уроки по арифметике сделает, и двойки за невыполнение домашних заданий у меня не будет».

Однако честный, прямой Женька возмущён тем, что Игорь ежедневно списывает у него арифметику. Женька понимает, что и для самого Игоря будет лучше, если он научится решать задачи и не будет надеяться на Женьку. Прямой разговор с Игорем результатов не дал. Тогда однажды, сам рискуя получить двойку, Женька не выполняет задания.

Расчёты Женьки оправдались: Игорь получил двойку. Но злой, корыстный Игорь не понимает и не хочет понять, чем вызван такой поступок Женьки, и решает отомстить ему. Он подло выдаёт Женькину тайну, поднимает его на смех: «Женька бегает за Карташёвой».

О том, чем всё это кончилось, вы узнаете, когда прочтёте рассказ.

О жизни ребят одного двора, об их играх, интересах рассказывает И. Давыдов в другом своём рассказе—«Ребята с нашего двора».

Небольшой, но интересный рассказ о маленьком герое Мишке, спасшем от пожара колхозную пшеницу, написал П. Горбунов («Рассказ маленькой Тани»).

Рассказ «Лес» посвящён жизни ребят до Октябрьской революции. В нём Е. Ружанский рассказал о детстве мальчика Васютки, о его героическом поступке: Васютка, рискуя жизнью, сумел предупредить рабочих, собравшихся в день Первого мая в лесу на маёвку, о приближении полиции.

О летнем отдыхе ребят, об интересном походе, в который отправляются пионеры, об их забавных приключениях рассказывает В. Еловских в рассказах «На реке», «Миша».

Много интересного о кострах—о том,

где и как лучше всего разводить их, можно узнать из рассказа А. Севастьянова «Костры».

В сборнике есть рассказы Л. Рождественской — «Новенький», С. Мальцева — «Последняя двойка» и «Удачная рыбалка», также повествующие о школьных делах и отдыхе ребят.

«СМЕШИНКИ»

Весёлую книжку для вас, ребята, написал поэт Ефим Григорьевич Ружанский. Называется она — «Смешинки».

О маленькой Маринке, которой в рот попала смешинка, говорится в стихотворении «Про смешинку».

А вот две сестрицы-мастерицы украшают ёлку. Всё умеют делать сестрички: вырезать из бумаги игрушки, флажки, рисовать, лепить, клеить.

У Маришки
У малышки —
Как живые,
Вышли мышки.
А у Риты, у сестрички —
Две синички-невелички:
Мелко крылышки дрожат —
Вот-вот с ёлки улетят.

Увидал их глупый Кот-Воркот и решил, что и мышь и птичка — живые. Прыг-

нул он на ёлку да только зря искололся о колючие ветки (Стихотворение «Сестрицы-мастерицы»).

Третий час сидит у пруда неудачливый рыбак Юрко: не клюёт рыба. А Юрко не понимает,

Что удочка плохая,
Что к поплавку забыл он
Подвесить и грузило,
Что рыбки на крючок пустой
Он не поймает ни одной...

(Стихотворение «Про Юрка-рыбака»).

В книжке есть интересные разделы «Перепутали», «Придумай рифмы», переводы с украинского и ненецкого языков и замечательная сказка о лодырях-неудачниках Авосе и Какнибудь, которая так и называется — «Авось и Какнибудь».

«ИЗВИНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!»

С Майей Алексеевной Сыровой вы, ребята, уже знакомы по ряду детских книжек, выпущенных Тюменским книжным издательством.

Первая её книжка, которая вышла в свет в 1952 году, называется «Тома на даче». Следом за ней появилась книжка о маленьком хвастунишке и зазнайке Мишке. Она так и называется — «Мишка-хвастунишка». В 1956 году Майя Алексеевна написала сборник стихов под общим названием «Мы играем», а в следующем, 1957 году, — интересную сказку в стихах «Куда весна ушла?».

В 1959 году в продаже появилась новая книжка писательницы — сборник рассказов для ребят младшего школьного возраста «Извините, пожалуйста!» В сборник включены рассказы: «Извините, пожалуйста!», «Чёлочка» и сказка-шутка «Где у доски третий край».

Поучительную историю рассказывает М. А. Сырова в рассказе «Извините, пожалуйста!». Содержание его простое, но читается рассказ с большим интересом.

«Извините, пожалуйста!» — всего два слова, а как, оказывается, их иногда трудно произнести!

Однажды во время рисования в детском саду маленькая Лида нечаянно задела локоть своего соседа Толи. И на То-

лином рисунку у лошади, которую рисовал мальчик, вместо копыта получилась петушиная лапа.

Недолго думая, Толя толкнул Лиду, да так, что девочка упала и заплакала.

Воспитательница Валентина Сергеевна заставляет Толю извиниться. Но с языком у Толи случилось что-то неладное. Он уже три раза набирал в себя воздух, чтобы сказать «Извини, пожалуйста», но слова никак не хотели выговариваться.

— Толя у нас умеет только толкаться, — говорит Валентина Сергеевна, — а извиняться ещё не научился.

«И правда, — думает Толя, — я не умею извиняться. Надо научиться».

Дома Толя у всех подряд просит прощения: у бабушки, у брата и даже у Шарика за то, что без стука заглянул в собачью будку. Чтобы лучше научиться говорить «Извините, пожалуйста», он, вприпрыжку бегая по коридору, повторяет эти слова вслух, как стихотворение или песенку.

И вдруг на лестничной площадке, обо что-то споткнувшись, Толя растянулся во весь рост. Это соседские девочки устроили под дверью гараж. Рассерженный, Толя быстро раскидал игрушки. Девочки от обиды заплакали.

Неожиданно появился Толин папа. Он

заставляет Толю собрать игрушки и просит объяснить, за что Толя обидел девочек.

Узнав, что Толя учился извиняться, а девочки помешали ему, папа очень удивился.

— Учился извиняться? Ну и как? Выучился? — спрашивает он.

— Ага! — радостно заявляет Толя.

Но извиняться перед девочками Толя не хочет.

— Ты ещё и врунишка, — говорит ему папа и уходит в дом.

Весь день огорчённый Толя ходит по пятам за отцом. Наконец, он решается. Вздохнув и посмотрев на дверь, за которой играли девочки, Толя спросил у отца:

— А если я сейчас извинюсь перед Зинкой и Светкой, ты согласишься, что я научился?

— Поверю, да только наполовину.

— Почему наполовину? Не понимаю... — всхлипнул Толик.

Папа заглянул Толику в глаза, вытер ему слёзы и сказал:

— Потому что надо научиться не только извиняться, но и жить так, чтобы не надо было извиняться.

С меньшим интересом читаются рассказы «Чёлочка» и сказка «Где у доски третий край».

«ВМЕСТЕ С РЕБЯТАМИ»

Так называется книга рассказов для детей младшего и среднего школьного возраста, выпущенная в 1957 году Тюменским книжным издательством. Написал её В. Еловских.

В книге есть рассказы о дружбе, товариществе («Вместе с ребятами», «В дороге», «Новое поручение»). В рассказе «Берёзка» повествуется о героическом поступке Коли Озёрова, воспитанника музыкальной команды одного из полков, вылавливавших после окончания Великой Отечественной войны банды фашистов.

В рассказах «На чужих улицах», «Волшебный цветок» автор рисует картину безрадостной, страшной жизни детей бедноты до Великой Октябрьской революции.

С утра до позднего вечера одиноко

бродит по городу маленький мальчик. Он голоден, страшно голоден. Порой мальчику кажется, что его желудок готов переварить всё, даже кости.

У мальчика нет родных, нет дома, нет... имени. Познакомившись однажды с Ванькой Бегом, таким же беспризорником, он вспоминает, что и его самого когда-то очень давно звали Ванькой. Но потом стали звать Чугунком, он привык к этому. И если у него спрашивали имя, он так и отвечал: Чугунок.

Отца своего Чугунок не знал совсем. Смутно вспоминается ему и мать, сердитая, лохматая, вечно кричащая. Единственное пристанище Чугунка—холодный чердак. Здесь, закутавшись в тряпье, прижавшись к чуть тёплой печной трубе, проводит он долгие, холодные зимние ночи. А утром снова в поисках пищи бродит по рынку, по улицам, просит милостыню, роется в мусорных свалках, выбирая оттуда всё, что можно есть.

Как-то рабочий, литейщик Антон, увидел его просящим милостыню и привёл на завод, в литейный цех. С тех пор Чугунок стал работать. Он мёл конторку мастера, таскал детали, бегал за водкой и табаком. Появился у него и дом — рабочий барак. Но вот случилось несчастье — со штабеля свалилась чугу-

ная чушка и сломала Чугунку ногу.

Чугунка увезли в больницу. Там его держали до тех пор, пока Антон платил за лечение. Но Антон оказался большевиком, и его арестовали. Платить за Чугунка больше некому,— его выгоняют из больницы. Выгнали Чугунка и из барака.

И снова Чугунок роется в помойных ямах, выпрашивает милостыню.

Чугунок и Ванька Бег чаще всего бродят по окраине—по улицам рабочего квартала. На улицы, где живут богатые, ребята забредают редко. Эти улицы для них чужие. Всё здесь только для богатых. Даже помойки спрятаны за высокими заборами и охраняются злыми собаками. А сами владельцы, хозяева этих улиц, кроме тычков и пинков, ничего не раздают.

Однажды Чугунок и Ванька Бег неожиданно для себя становятся соучастниками ограбления. Их задержал юнкерский патруль. Чугунку удалось убежать, а Ваньку патруль увёл.

Оставшись один, как затравленный волчонок, голодный, оборванный бродит Чугунок по городу.

Как-то ночью его разбудили выстрелы. Выбежав на улицу, Чугунок увидел баррикады и много, очень много рабочих. Никогда ещё не видел Чугунок на улице богачей столько рабочих.

Здесь же встретил он Серёжку Гаврилова, работавшего в литейном цехе. И Серёжка объяснил Чугунку, что началась революция, которая свергнет власть богачей и сделает хозяевами жизни рабочих.

И Серёжка, и Чугунок принимают в революции активное участие. По поручению Антона они отправляются к штабу врага и добывают важные сведения. А потом, вместе с рабочими, сражаются на баррикадах. И теперь уже Чугунок не чувствует себя одиноким, забитым. Отправляясь громить «главный буржуйский штаб», он впервые без опаски, с гордо поднятой головой шагает по чистой и тихой улице богачей (Рассказ «На чужих улицах»).

Прочитав рассказ «Волшебный цветок», вы познакомитесь с заводскими мальчишками Стёпкой и Санькой, с их необыкновенным приключением.

«НА ПОИСКИ ВАЛИ ЛОСЕВОЙ»

В летние каникулы группа пионеров во главе с учителем Борисом Кузьмичом отправляется в поход по родному краю. Решено было вначале плыть по реке Салве, потом больше ста километров, до лесопункта Первомайского, пройти по тайге пешком и на автобусе возвратиться домой.

Интересно проводят ребята время. Днём отряд плывёт по реке, на ночь причаливает к берегу. Ребята строят шалаши, удят рыбу, разводят костёр, готовят ужин.

Но вот часть пути пройдена. Лодки оставлены, и с рюкзаками за плечами пионеры направляются в глубь тайги. Молчанием встречает юных краеведов глухая сибирская тайга. То и дело путь им преграждают глубокие овраги, холмы, речки. Но ребята смело идут вперёд. Почти у всех прихвачены с собой компасы. А у Бориса Кузьмича есть даже географическая карта, на которой обозначены все деревни, просёлочные дороги и речки этого края.

По компасам ребята определяют направление, а по карте — название встречающихся речек, деревень.

Путешествуя по тайге, пионеры не теряют зря времени. Из таёжных цветов собирают богатый гербарий, ловят для коллекции жуков, бабочек. Удаётся им сделать и кое-какие открытия. В одном месте Миша Березовский обнаружил небольшой кусок грубо отлитого заржавевшего металла. Подрыв землю, ребята нашли ещё несколько глиняных черепков необычной формы. Из холма выглядывали кирпичи и сгнившие брёвна.

Было высказано много самых различных предположений. С помощью учителя установили, что это остатки древнего селения. Когда-то в долинах Салвы были татарские княжества. Но долины много лет подряд заливало, и жители селений переехали на юг.

В пути ребятам часто попадались невысокие горы. На одной из них Саша Попов и Володя Козлов совершенно случайно открыли залежи очень ценной белой глины, из которой, как выяснилось позднее, можно делать керамические плитки.

Много интересных, зачастую смешных приключений происходит с ребятами. Вот Саша Попов увидел диковинную птицу — с длинным хвостом, чёрными, белыми и красными пёрышками. Саша знал, что птицы с ярким оперением живут только в южных странах. И он решил поймать необычную птицу и подарить её Ивану Ивановичу, своему соседу по квартире, большому любителю редких птиц.

Но после дождя, под который попадает Саша, с убитой им птицей происходит удивительное превращение — красивая, необычная птица линяет и оказывается обыкновенной сорокой.

Однажды, во время привала в глухом лесу на берегу реки Северной, исчезла Валя Лосева, говорливая, беспокойная и любопытная девочка.

Часть ребят отправляется на поиски Вали. Они идут по чуть приметным Валиным следам. Вот сорванные и брошенные ею цветы, вот на дороге слабые отпечатки её маленьких ног. Неожиданно дорога, по которой шли ребята, круто повернула влево. В другую сторону уходили огромные, поросшие березняком, кустарниками и травой овраги.

«Куда же идти — по дороге или в овраги? Ребятам показалось, что в одном месте на пути к оврагу трава примята, как будто человек прошёл. Они спустились в овраг. На дне оврага было прохладнее. Пахло плесенью, гнилыми грибами. В одном месте ребята увидели крошечное продолговатое озеро с тёмной водой, похожей на чернила. Вокруг озера была густая трава, местами — ваlejник. Кругом тихо, неподвижно. Мрачное место. Даже ни одной звериной тропинки нет.

Пошли дальше по оврагу. И вскоре раздался Наташин крик:

— Ой, что это? Что это?

Девочка смотрела большими, испуганными глазами и указывала на землю рукой. На полусгнившей толстой берёзе, которая лежала на земле, ясно виднелись большие красные пятна.

— Кровь, — выдохнул Володя. — И трава кругом примята...

... Учитель подошёл к дереву, потрогал красные пятна, поднёс палец к глазам и сказал как бы про себя:

— Кровь.

Все снова стали кричать:

— Ва-ля!

— Ва-ля!

— Ва-ля!

— Ва-ля!

Ответа не было...»

Куда исчезла Валя Лосева, что с ней произошло, вы, ребята, узнаете, прочитав новую книгу В. Еловских «На поиски Вали Лосевой».

«ЧУЖАЯ КНИГА»

Так назвал свой сборник рассказов тюменский писатель И. Давыдов. Книжка не велика по объёму — в ней всего четыре коротеньких, простых по сюжету рассказа, но читаются они с интересом.

Вот рассказ «Чужая книга», по которому назван весь сборник. Читая его, переживаешь вместе с героиней рассказа девочкой Надей, попавшей в беду.

С большим трудом удалось Наде достать интересную книгу. Владелец кни-

ги—важный Толька долго и подробно расспрашивал Надю и её подругу Валу Силину умеет ли Надя обращаться с книгами, не слюнявит ли пальцы, когда перелистывает страницы. И только когда Надя заверила его, что книга будет возвращена целая и чистая, Толька разрешил ей взять её на неделю.

И вот неожиданно стряслась беда. В гости к Наде и её бабушке пришла тётя Катя, а с ней — собака Титан.

Пока Надя с бабушкой и тётей Катей пила в столовой чай, Титан, бегавший по квартире, изодрал и изжевал чужую книгу.

Увидев Толькину книгу в таком состоянии, Надя заплакала. Что она теперь скажет Тольке? Как вернёт ему книгу?

Вместе с бабушкой Надя побывала во всех книжных магазинах города. Но ни в одном из них книги не оказалось. Тогда, по совету бабушки, Надя написала туда, где была выпущена книжка, объяснила всё и попросила прислать такую же.

С нетерпением ждёт она ответа. Но прошла неделя, назначенная Толькой, даже больше, а ответа всё нет. Нужно было что-то делать.

— Давай я скажу, что ты заболела, — предложила Валя.

— Скажи.

Так и сделали. Толька поверил. Теперь, чтобы не попасться ему на глаза, Надя и в школу и из школы бежит бегом. Она перестала ходить в кино, редко выходила гулять. Это было очень утомительно, и девочки решили во время весенних каникул пойти к Тольке, рассказать ему всю правду и предложить взамен любую другую книгу. Но Толька уехал на каникулы к брату.

И вот в конце каникул, когда Надя ничего уже не ждала из далёкого сибирского города, куда она отправила своё письмо, почтальон принёс большой пакет, в котором оказалась долгожданная книга.

Обрадованная Надя отнесла книгу Тольке.

С интересом читаются рассказы о дружбе, товарищеской выручке — «Сашка», «Поздно», а также рассказ о маленьком голодном и бездомном негрятёнке Джо — «Маленький Джо».

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ «В ЧАСЫ ДОСУГА»

ЗАДАЧА

Горячо любите и изучайте свою Родину!

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ РЕКИ СВОЕЙ ОБЛАСТИ?

Демьянка, Ашлык, Тура, Туртас, Тобол, Иртыш, Носка, Тавда, Исеть, Тукан.
Получится по вертикали: ЯЛУТОРОВСК.

ЗАДАЧА

Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу.

КАКИЕ ДЕРЕВЬЯ И РАСТЕНИЯ?

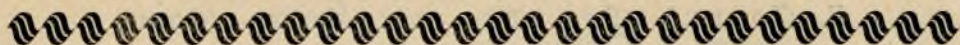
Камыш, дуб, берёза, тополь, клён, ива
«Куда на выдумки природа таровата».

ЗАГАДКИ В РЕБУСАХ

Когда зрячий человек бывает слепым?
Ответ. Когда он неграмотен.

Поле не мряно, овцы не считаны, пастух рогат. Ответ. Небо, звёзды и месяц.

СОДЕРЖАНИЕ

Какой будет наша школа	3
Я. Танин. Будущим космонавтам. (Стихи). <i>Худож. М. Рогожнев</i>	6
Л. Рождественская. Первая пятёрка. (Рассказ). <i>Худож. И. Котовщиков</i>	8
И. Круглик. Таню стоит уважать. (Стихи). <i>Худож. П. Суханов</i>	18
П. Анисимов. Воробьишко. Яшка. Кутька. (Рассказы). <i>Худож. П. Суханов</i>	21—27
Е. Чекмезова. Наша Света. (Стихи). <i>Худож. И. Котовщиков</i>	31
Е. Ружанский. Над Невой. (Повесть). <i>Худож. П. Суханов</i>	32
А. Шестаков. Томина книжка. (Стихи). <i>Худож. Е. Гилёва</i> . Телефон. (Стихи). <i>Худож. В. Невский</i>	56—57
П. Горбунов. Путь нашей книжки. (Рассказ). <i>Худож. Л. Коркин. Фото А. Космакова и Е. Вершинина</i>	58

РАССКАЗЫ ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ, ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

В. Еловских. Грузди. Как поймали щурят. Сад под окном. (Рассказы). <i>Худож. П. Суханов</i>	82—84
В. Сидоренко. Большой Падун. (Рассказ). <i>Худож. А. Колчанов</i>	86
В. Шпилько. Кедровка. (Рассказ). <i>Худож. А. Зубарев</i>	89

ПИСАТЕЛИ НАШЕГО СЕВЕРА

И. Истомин. Случай с рукавицей. (Рассказ). <i>Худож. И. Котовщиков</i>	92
Г. Лазарев. Медведи-рыболовы. (Рассказ). <i>Худож. И. Котовщиков</i>	96
И. Юганпелик. Железные сани. (Стихи).	100
Настоящий пионер. (Стихи). <i>Худож. П. Суханов</i>	102

Л. Лапцуй. Быть таким, как Ильич. (Стихи). Худож. П. Суханов	104
---	-----

У НАС В ГОСТЯХ УКРАИНЦЫ

Н. Забила. Мамин праздник. (Стихи). Худож. Л. Коркин.	108
П. Бабанский. Волшебник. (Рассказ). Худож. П. Суханов.	109
И. Нехода. Зачем ругать котёнка? (Стихи). Худож. С. Бешильцев	114
В. Бычко. Девочка ночью шагает. (Стихи). Худож. В. Бубенчиков.	115
Г. Бойко. Барашек. (Стихи). Худож. Л. Коркин.	116

ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. Коряков, И. Кычаков. Павлик. (Пьеса). Худож. В. Бубенчиков.	117
Пионерская походная. (Песня).	124—125

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

М. Лецкин. Мишкина шапка. (Стихи). Худож. Е. Гилёва.	129
Автобус. (Стихи). Худож. А. Зубарев.	131
Когда будет ёлка? (Стихи). Худож. И. Котовицков.	132
Б. Козулин. Игрушки убежали. (Рассказ). Худож. Е. Гилёва.	134
Е. Ружанский. Вкусные грибы. (Стихи). Худож. Е. Гилёва.	137

СКАЗКИ

С. Мальцев. Мишка-медвежушка, мёд и зайкино волшебное слово. Худож. Е. Васильев.	138
К. Ткаченко. Сказка о клюкве. Худож. Е. Васильев.	142
В. Каминский. Кошка и плошка. (Стихи). Худож. В. Невский.	148
Юмор. Худож. Я. Яким.	149
В часы досуга. Задачи, ребусы. Худож. М. Рогожнев.	150—153
Книжная полка. Худож. М. Рогожнев.	154
Ответы к разделу «В часы досуга»	164

СИБИРСКИЕ ЗВЕЗДОЧКИ

Редакторы З. И. Михеева, Е. Г. Ружанский.

Обложка И. П. Котовщикова.

Техн. редактор Л. Т. Овечкин.

Корректор А. Н. Беляева.

Подписано к печати 20/II-60 г.

Формат бумаги 84x108¹/₁₆, 17,22 печ.

листа. 12,7 уч.-изд. листа. Тираж 5500 экз.

РД 00312. Заказ № 6727. Цена 7 р. 60 к.

Типография № 1,

Тюмень, Первомайская, 11.

В 1960 году в Тюменском книжном издательстве для детей дошкольного, младшего и среднего школьного возраста выйдут следующие книги:

- П. АНИСИМОВ — **Чтоб сказку сделать былью.** Художественно-познавательный очерк о задачах семилетнего плана и его осуществлении.
- Я. ТАНИН — **Как учился бурундук.** Сказка.
- М. МИХАЙЛОВ — **Приключения воробья-Забияки. Чьи зубы острее?** Сказки.
- К. ТКАЧЕНКО — **Маришкины сказки.** Сказки о растениях.
- Л. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ **Приключения котёнка Пика.** Сказка.
- Г. БОЙКО — **Про Алёшу и калошу.** Стихи. Перевод с украинского.
- С. МАЛЬЦЕВ — **Тайна голубой пещеры.** Рассказы.
- О. КОРЯКОВ,
И. КЫЧАКОВ — **Фрегат «Прекрасный».** Пьесы для школьной самодеятельности.
- И. КРУГЛИК — **У нас сбор.** Рассказы.
- М. ЛЕЦКИН — **Мишкина шапка. Посадила Валя лук.** Стихи.

Обращайтесь за этими книгами в свои городские, районные и школьные библиотеки.

НОВАЯ ЦЕНА

10 руб

— коп

10/2

Цена 7 р. 60 к.

